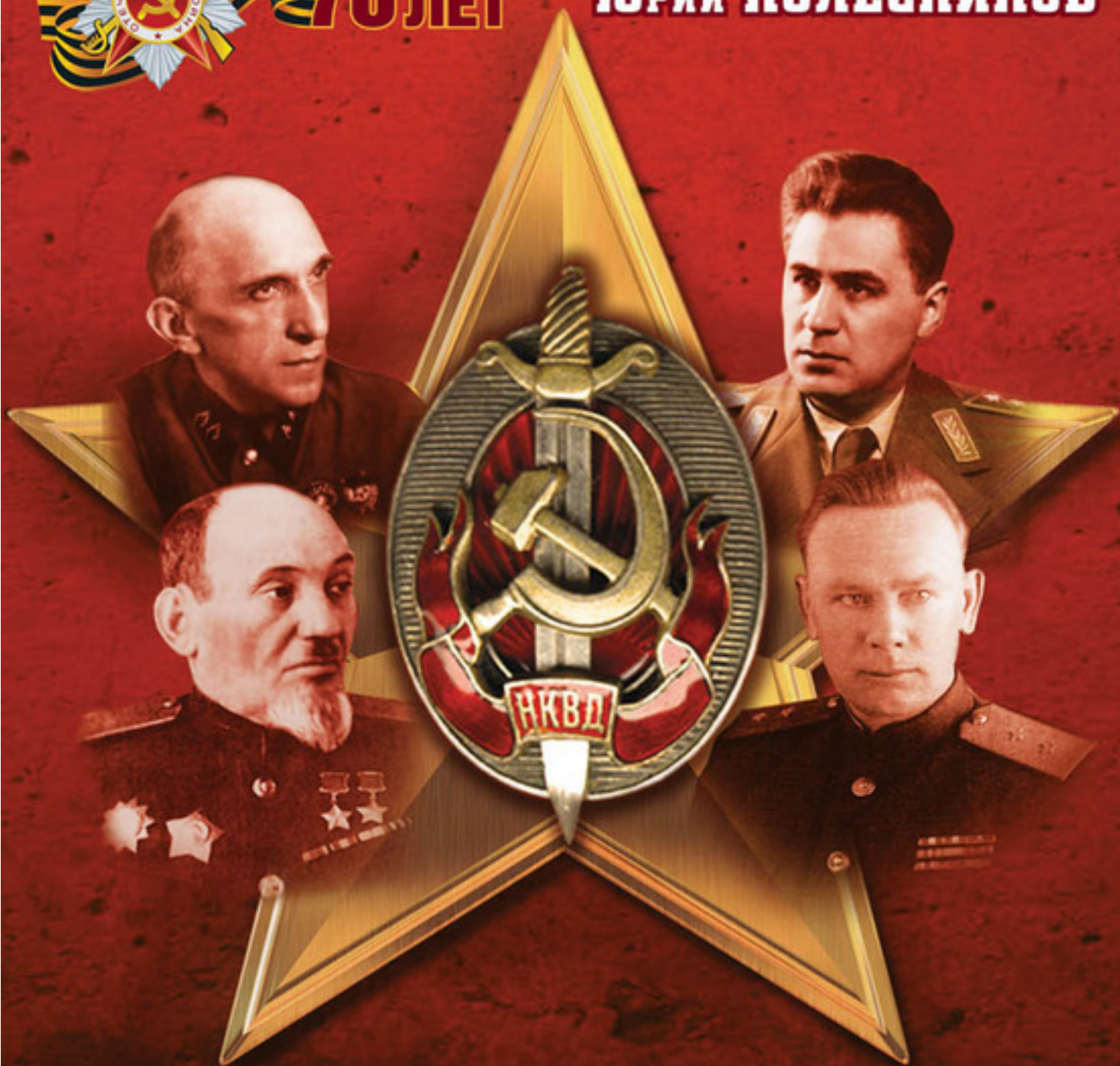

Юрий КОЛЕСНИКОВ

СРЕДИ БОГОВ

**НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ
СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ**

Юрий Колесников

**Среди богов. Неизвестные
страницы советской разведки**

«Книжный мир»

2014

Колесников Ю. А.

Среди богов. Неизвестные страницы советской разведки /
Ю. А. Колесников — «Книжный мир», 2014

Известный писатель и разведчик, Герой России Юрий Колесников закончил этот документальный роман незадолго до своей кончины. В образе главного героя – Юрия Котельникова – отразились черты характера, мысли, эпизоды биографии автора. Отсюда же – масштабный исторический и географический диапазон повествования. Это и предвоенная Бессарабии, входившая тогда в состав Румынии, в 1940-м году присоединённая к СССР, где Колесников родился, и провёл юные годы; Бухарест, где учился в авиашколе. Затем Одесса, юг Украины – там автор перед началом войны и в первые её месяцы начинал службу в НКВД. И Уфа, где проходил подготовку в разведшколе. Затем 32 месяца в глубоком тылу противника на Украине, в Белоруссии – в партизанских соединениях, в том числе под началом С. Ковпака и П. Вершигоры. После войны – нелегальная работа в Румынии и Палестине... И, конечно, Москва, где разрабатывались планы операций, шла интенсивная подготовка к ним, куда разведчик возвращался после выполнения очередного задания. Здесь, в здании на Лубянке разворачиваются многие ключевые сцены романа с участием тех, кого Ю. Колесников называет своими наставниками, – П. Судоплатова, Я. Серебрянского, П. Фитина... В книге фигурируют и высшие руководители НКВД – МГБ – МВД Лаврентий Берия, Виктор Абакумов, с которыми автору довелось общаться, причём, порой в ситуациях весьма критических, чреватых смертельным для него исходом. Роман Ю. Колесникова принадлежит к числу тех свидетельств очевидцев, которые помогают нам яснее представить героические и трагические события военного времени, ощутить неповторимую атмосферу тех лет.

© Колесников Ю. А., 2014

© Книжный мир, 2014

Содержание

Александр Неверов	7
Часть первая	11
Глава 1	11
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	27
Глава 7	29
Глава 8	39
Глава 9	46
Глава 10	48
Глава 11	49
Глава 12	54
Глава 13	57
Глава 14	58
Глава 15	62
Глава 16	69
Глава 17	71
Часть вторая	73
Глава 1	73
Глава 2	74
Глава 3	76
Глава 4	77
Глава 5	80
Глава 6	81
Глава 7	83
Глава 8	84
Глава 9	86
Глава 10	87
Глава 11	91
Часть третья	93
Глава 1	93
Глава 2	97
Глава 3	100
Глава 4	101
Глава 5	105
Часть четвёртая	112
Глава 1	112
Глава 2	113
Глава 3	115
Глава 4	117
Глава 5	118
Глава 6	124
Глава 7	125
Глава 8	127

Глава 9	128
Глава 10	130
Глава 11	131
Глава 12	132
Глава 13	133
Глава 14	136
Глава 15	139
Глава 16	142
Глава 17	144
Глава 18	146
Глава 19	151
Глава 20	152
Глава 21	153
Глава 22	154
Глава 23	155
Глава 24	156
Глава 25	157
Глава 26	158
Глава 27	161
Глава 28	162
Глава 29	166
Глава 30	167
Глава 31	168
Глава 32	170
Глава 33	172
Глава 34	174
Конец ознакомительного фрагмента.	175

Юрий Колесников

Среди богов. Неизвестные страницы советской разведки

Посвящается памяти

Павла Анатольевича СУДОПЛАТОВА,

Якова Исааковича СЕРЕБРЯНСКОГО,

Сидора Артемьевича КОВПАКА,

Павла Михайловича ФИТИНА –

моих руководителей, наставников, моих богов...

Александр Неверов

Триумф и сумерки богов

О Юрии Антоновиче Колесникове мне довелось узнать, а потом и познакомиться с ним, когда я работал литературным обозревателем газеты «Труд». Было это почти двадцать лет назад накануне полувекового юбилея Великой Победы.

В редакцию пришёл контр-адмирал, сотрудник аппарата одного из союзов писателей, бывший разведчик Левон Паруйрович Вартанян. Он рассказал о своём товарище, также бывшем разведчике, а ныне писателе Ю. А. Колесникове. Но главное, Л. П. Вартанян принёс письмо руководителя писательского союза Сергея Владимировича Михалкова, где речь шла о том, как во время Великой Отечественной Колесников воевал в глубоком тылу противника, выполняя специальные задания.

Особое внимание автор письма уделил событиям лета 1944 года, когда Колесников участвовал в особо важных и дерзких операциях. Это и захват его группой трёх вражеских эшелонов с танками, пушками, штабными документами... И предотвращение взрыва заминированного гитлеровцами 186-метрового моста через Неман, по которому должны были наступать наши войска... И бой с танковым корпусом, куда входили отборные эсэсовские дивизии «Мёртвая голова», «Викинг», «Великая Германия». В этом тяжёлом бою после ранения командира Колесников стал командовать полком. Яростные атаки противника были отражены. 36 немецких танков остались на поле боя, у врага были отбиты ранее захваченные ими наши «катюши».

В письме отмечалось, что за эти операции Юрий Антонович не раз представлялся к званию Героя Советского Союза. Один из документов был подписан легендарным партизанским командиром, дважды Героем Советского Союза, генералом Сидором Артемьевичем Ковпаком. Однако и этой реляции не был дан ход... Дело в том, что у Колесникова нашёлся влиятельный недоброжелатель – злобный и завистливый особист, на счету которого были погубленные жизни, искалеченные судьбы. Из-за этого у него с Колесниковым в партизанском отряде произошёл серьёзный конфликт, дошедший даже до стрельбы... С тех пор мстительный особист, пошедший на повышение, делал всё, чтобы Колесников остался без наград. А представлять его к наградам продолжали и потом – к орденам Ленина, Богдана Хмельницкого к ордену «Крест Грюнвальда» – за участие в боях на территории Польши.

«Рассказанное мною, – подчёркивал Сергей Михалков, – отнюдь не «воспоминания», которых теперь так много и где порой без всякой корысти соединяется быль и фантазия, причудливо переплетённые в памяти, ослабевшей за многие десятилетия. Нет! Передо мной документы, свидетельствующие о конкретных делах конкретного человека. Это заверенные печатями свидетельства П. Вершигоры, В. Войцеховича, Д. Бакрадзе, П. Байко, С. Тутученко,

самого С. Ковпака, а также многих других участников легендарного соединения». В заключение С. Михалков писал: для тех, кто прошёл войну, это «совсем недавнее, почти вчерашнее время. В их сердцах и памяти живы и торжество удач, и боль потерь. А потому справедливость в отношении этих людей обязана восторжествовать».

Не прошло и года после публикации письма, как стало известно, что Ю. А. Колесников удостоен звания Героя Российской Федерации...

Юрий Антонович и в дальнейшем не терял связи с газетой, встреча с которой, по его словам, принесла ему удачу. Это, конечно, преувеличение: редакция лишь сделала то, что должна была сделать. Но такой уж Колесников человек – щедрый, великодушный, отзывчивый, благодарный за внимание и содействие, сам всегда готовый прийти на помощь людям; предпочитающий передать кому-то лишнего, чем недодать – в этом читатель настоящей книги убедится не раз...

Одним словом, Герой России стал автором «Труда», с готовностью откликнулся на просьбы журналистов. А газета писала, например, о том, как в Центральном музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе была открыта постоянная экспозиция, посвященная Колесникову, о вышедшей тогда его новой книге «Лабиринты тайной войны».

А ещё раньше у Юрия Антоновича вышли повести и романы, основанные на документальном материале: «За линией фронта», «Особое задание», «Тьма сгущается перед рассветом», «Земля обетованная», «Координаты неизвестны», «Такое было время», «Занавес приподнят»... Они издавались большими тиражами, были переведены на английский, испанский, арабский и другие языки. Ю. А. Колесников – член Союза писателей с 1969 года, лауреат премий имени Константина Симонова, учреждённой Международной ассоциацией писателей баталистов-маринистов, «Золотой венец Победы».

...О книге, которую держит в руках читатель, Ю. А. Колесников говорил как о последней своей работе. Так оно и вышло. Писатель успел закончить рукопись и передать её в издательство незадолго до своей скоропостижной кончины в августе 2013 года. Можно только пожалеть, что ему не суждено было увидеть роман напечатанным.

Эта книга отличается от предыдущих не только объёмом, но и широтой, масштабностью охвата исторического и жизненного материала. Время действия – от предвоенных лет до наших дней.

Главный герой – Юрий Котельников – альтер эго автора, вобравший черты его характера, мысли, многие эпизоды биографии. Этот герой знаком читателям по роману-хронике «Лабиринты тайной войны». Возможно, писателю сначала так было удобнее строить повествование, а затем он не захотел отказываться от ранее опробованного приёма. Впрочем, скрываться за вымышленной, хотя и достаточно «прозрачной» фамилией автору в этот раз удаётся не всегда. Во включённых в текст документах и мемуарных отрывках фигурирует подлинная фамилия – Колесников. Тут уж никуда не деться. Хочется надеяться, что читатель к этому отнесётся с пониманием.

Биография автора и, соответственно, главного героя определила также обширный географический диапазон повествования. Это и предвоенная Бессарабия, входившая тогда в состав Румынии, в 1940-м году присоединённая к СССР, где Колесников родился, и провёл юные годы; Бухарест, где учился в авиашколе.

Затем Одесса, юг Украины – там автор перед началом войны и в первые её месяцы начал службу в НКВД. И Уфа, где проходил подготовку в разведывательной спецшколе. Затем 32 месяца в глубоком тылу противника на Украине, в Белоруссии – в партизанских соединениях, в том числе под началом С. Ковпака и П. Вершигоры. После войны – нелегальная работа в Румынии и Палестине... И, конечно, Москва, где разрабатывались планы операций, шла интенсивная подготовка к ним, куда разведчик возвращался после выполнения очередного задания.

Здесь, в кабинетах грозного здания на Лубянке разворачиваются многие ключевые сцены романа с участием тех, кого Ю. Колесников называет своими наставниками, – Павла Судоплатова, Якова Серебрянского, Павла Фитина... Надо сказать, что отношение автора к этим людям не всегда совпадает с тем, что о них сейчас пишут. Но кто сказал, что сегодняшние выводы и заключения – истина в последней инстанции? Продолжают открываться ранее неизвестные факты, с «закрытых» документов снимается гриф секретности, появляются новые, достойные внимания свидетельства современников тех событий. Думается, книга Ю. Колесникова – из их числа. Ведь он близко знал названных и некоторых других руководителей советской разведки в разные периоды их жизни. И в моменты триумфа, когда блестяще осуществлялись разработанные ими операции, они получали ордена и высокие звания, и в пору заката – когда в одночасье рушились карьеры и судьбы.

В книге фигурируют и высшие руководители НКВД-МГБ-МВД Лаврентий Берия, Виктор Абакумов, с которыми автору довелось общаться, причём, порой в ситуациях весьма критических, чреватых трагическим для него исходом. Впрочем, такой финал не исключался ни для кого – ни для обычного человека, ни для наркома или маршала: достаточно вспомнить, как кончили жизнь те же Берия и Абакумов... То есть принадлежность к разведывательно-диверсионно-карательному ведомству, даже к его руководству не только не гарантировала личной безопасности, а, напротив, – повышала риск гибели.

Человек в пограничной, экстремальной ситуации вызывает особый интерес у Ю. Колесникова – потому ли, что на долю его поколения, выпало столько испытаний и лишений, или это связано со спецификой профессии разведчика – постоянным чувством опасности, психическим перенапряжением, смертельным риском. Как бы то ни было, но чувства и реакции некоторых героев книги на вызовы и сюрпризы, которые преподносит им реальность, порой весьма неожиданны, парадоксальны...

...Начальник 1-го управления НКГБ (внешняя разведка) Павел Фитин 30 апреля 1941 года докладывает в Кремль, что по агентурным данным, полученным из Берлина, Германия нападёт на Советский Союз 22 июня этого года. Сталин сомневается в надёжности информации... 22 июня ранним утром Фитина вызывают к руководству. По дороге он видит из окна автомобиля мирный город, радостных выпускников школ и думает, что, видимо, агент ошибся, а, значит, ему – конец... Когда Фитину говорят, что немцы перешли границу СССР, он чувствует себя самым счастливым человеком... Беда оборачивается спасением...

...Как и в судьбе земляка Котельникова торговца Петкера. После присоединения Бессарабии к СССР в июне 1940-го года его имущество было конфисковано, а он как «нежелательный элемент» с семьёй в теплушке с раскалённой крышей, переполненной такими же несчастными, был депортирован на север. Там ему едва удалось выжить. Но удалось... А через год его соплеменники-евреи, оставшиеся на родине, погибли от рук фашистских карателей в каменоломнях у села Табаки вскоре после того, как немецко-румынские войска заняли Бессарабию... И Петкер с горькой улыбкой мысленно благодарит советскую власть...

В книге прослеживается жизненный путь героя, воссоздаются драматические ситуации, в которых он оказывался, встречи с незаурядными людьми, на которые была так щедра его судьба. Даже среди эпизодических фигур документального романа можно обнаружить лица весьма примечательные. Например, лидера Коминтерна, «болгарского Ленина» Георгия Димитрова, с которым герой общался в Уфе. Или генерала Вермахта Гельмута Вейдлинга, которого Котельников в 1944 году взял в плен. Правда, по недосмотру партизанской охраны генералу удалось сбежать к своим. В историю он вошёл как последний нацистский военный комендант Берлина...

Вообще описывая жизнь партизан, автор не приукрашивает её – там, конечно же, случалось всякое. Сказывалась оторванность от «большой земли»... У кого-то порой просто сдавали нервы... Да и люди среди партизан были разные: кроме настоящих героев встречались и

такие, как авантюрист Сёмин, дезинформировавший Центр; особист Жмуркин, легко жертвовавший жизнями однополчан; готовый на предательство Васин... Кстати, Сёмин и Жмуркин – были отнюдь не последними людьми в партизанской иерархии. Оба «отличились» в период «большого террора», действуя по принципу: любая человеческая жизнь, кроме своей, не стоит ничего...

«Отличился» тогда и другой персонаж романа, – начальник 1-го спецотдела НКВД Баштаков, который в Википедии значится как «один из организаторов сталинских репрессий». Так оно, судя по всему, и было. Однако «отличился» он другим. В потоке «дел врагов народа» он иногда выбирал какое-то одно, негромкое, как сказали бы сейчас, «нерезонансное», впи-вался в него, как клещ, выискивал неувязки, формальные нарушения и опротестовывал. Дело отправлялось на следствие, и нередко жизнь человека было спасена. Ю. Колесников рассказывает о том, как это делалось и почему руководство наркомата терпело демарши Баштакова. А мы отметим ещё один необычный запоминающийся штрих в картине эпохи.

Уже полвека историки и писатели пытаются осмыслить это время, понять его немислимую, безжалостную логику. Анализируют причины царившего тогда произвола. Вспоминаются в фигуру Сталина. Спорят, можно ли было без его подозрительности, жестокости, готовности безоглядно жертвовать людьми в сжатый срок мобилизовать страну, подготовиться к неотвратимой смертельной схватке с фашизмом и одержать в ней верх? Или сталинские методы в той ситуации были адекватны, а потому неизбежны?.. Спор, в сущности, идёт о цене Победы, о цене сохранения страны... Спор, которому не видно конца.

Подобные размышления занимают немалое место и в романе «Среди богов». Он, как и другие книги Юрия Колесникова, помогает нам яснее представить героические и трагические события военного времени, понять мысли, почувствовать настроение их участников, ощутить неповторимую атмосферу тех лет.

Часть первая

Глава 1

Деятельность Павла Анатольевича Судоплатова за кордоном началась в 1934 году. По решению руководства Объединённого государственного политуправления (ОГПУ СССР) заместитель начальника Иностранного отдела НКВД СССР Сергей Дмитриевич Шпигельглас разработал план изобличения и дестабилизации националистического подполья, наносившего значительный вред Советской власти на Украине на протяжении всех лет после окончания Гражданской войны.

Для выполнения задания Шпигельглас предложил кандидатуру Павла Судоплатова – молодого чекиста, специализировавшегося на межнациональных отношениях. Ему предстояло внедриться в ряды националистов. В рекомендательной записке он характеризовался, как оперативный работник, наиболее подходящий для борьбы с агентурой националистического движения, засылаемой в СССР из-за рубежа. Среди прочего отмечались его главные качества: *«Вдумчивый, гибкий, решительный. До конца предан делу партии Ленина-Сталина и Социалистической Родине».*

Руководство НКВД СССР утвердило кандидатуру Павла Судоплатова в качестве главного исполнителя намеченного «мероприятия» с присвоением ему оперативного псевдонима «Андрейченко Андрей Павлович». Под этим именем он и был задействован в предстоящем задании. После утверждения в ЦК ВКП(б) намеченная операция вступила в рабочую фазу.

Глава 2

Благодаря профессиональному опыту чекиста и личным качествам, Андрейченко удалось органично войти в украинское подпольное движение, руководство которого отличалось подозрительностью и жестокостью. За короткий срок он завоевал авторитет среди националистов. Его заметили и руководители подполья, что имело немаловажное значение для продвижения к намеченной цели. Он тщательно изучил кадровый состав, структуру организации, в целом сеть подполья, его порядки и методы деятельности. Особое внимание уделил связям с людьми, эмигрировавшими за границу.

Андрейченко установил: движение поддерживает тесные контакты с находившимся за границей Координационным центром, руководящий состав которого состоял из националистически настроенных эмигрантов, участвовавших в белом движении и террористических анти-советских акциях во время Гражданской войны и после её окончания.

Постепенно Андрейченко стал заметной фигурой в руководящем звене подполья. К его мнению прислушивались, ему поручали ответственные задания, прибегали к его помощи, пользовались советами. Зачастую с огромным трудом ему удавалось справляться со своими обязанностями, постоянно изворачиваясь и приспосабливаясь к обстоятельствам. Неосторожное слово, опрометчивый шаг сулили провал и всё, что за ним обычно следует, включая пытки и смерть.

Постепенно Андрейченко обретал необходимые разведчику знания и опыт, становился специалистом. Неосознанная тяга к романтике и приключениям уступала место серьёзной работе. То, что ещё недавно, когда он вступил на эту стезю, казалось интригующим и даже забавным, в действительности требовало чрезвычайной вдумчивости, тщательно выверенного слова и поступка.

У Андрейченко появилась счастливая для разведчика возможность самому предлагать руководителям подполья планы операций, после чего с помощью оперативных работников НКВД осуществлять их без особого ущерба для своего ведомства и страны.

Точно так же, получив очередное задание руководства подполья, он сводил к минимуму предполагаемые потери исполнителей. Благодаря такой тактике Андрейченко укреплял свои позиции внутри националистического движения.

Случалось, с его помощью предотвращались серьёзные операции подпольщиков, но его вмешательство не попадало в поле зрения националистического руководства. Однако совершать подобное можно было изредка и обязательно – не вызывая подозрений.

Далеко не всё шло у Андрейченко гладко. Риск провала существовал практически постоянно. Но в целом со своими задачами он справлялся удачно.

Через год с небольшим, после всесторонне продуманной и тщательно подготовленной заместителем начальника ИНО НКВД Шпигельгласом программы, Андрейченко приступил к выполнению следующей части задания: нелегально пересёк границу с Финляндией в качестве посланца украинского подполья для налаживания регулярной связи с Координационным центром.

В Хельсинки при содействии эмигрантов, представлявших здесь украинскую националистическую организацию, Андрейченко получил литовский паспорт, а вскоре и польский. С ними он и перебрался в Германию.

Это было время, когда, выступая в рейхстаге, канцлер Германии Адольф Гитлер в очередном приступе экстаза заверял: «Дайте мне четыре года, и я клянусь, мы вновь сумеем подняться! Мы вновь пронесём наш меч под знаком свастики...»

Страну разьедали безработица, неуверенность, инфляция. Галстук, или пара чулок, стоившие год назад менее двух марок, теперь было не купить и за четверть миллиона...

Над заверениями ефрейтора, объявившего себя «фюрером» немецкого народа, многие, особенно иностранцы, посмеивались. Но вскоре перестали: в рейхе строились авто-страды и верфи, реконструировались заводы и фабрики, милитаризировалась экономика, безудержно разворачивалась гонка вооружений, без конца проводились военные манёвры, гремела медь фанфар, переучивались резервисты. Повсюду висели полотнища со свастикой, мощные радиоусилители разносили по всей Германии воинственные речи Гитлера, его приближённых Геринга и Гесса, Геббельса и Розенберга.

Не без помощи иностранного капитала экономика Германии пошла на подъём: менее чем за год исчезла безработица, была ликвидирована инфляция, стабилизировались цены, чётко заработали государственные учреждения.

Нацистская Германия преобразилась, её авторитет на мировой арене неизмеримо возрос, хотя и с большими оговорками, прежде всего, из-за агрессивности и человеконенавистнических устремлений. Не все, как это ни странно и ни печально, до конца понимали, что скрывается за фасадом впечатляющих достижений.

Некоторое время назад нацисты, завершив расправу над своими соперниками – отрядами штурмовиков, их вожаками и кумиром Ремом, завладели всей полнотой власти в стране и приступили к реорганизации армии и государственного аппарата.

По указанию Гитлера особое внимание уделялось созданию в Мюнхене университета для руководителей будущих шпионских и диверсионных организаций – нацистской «пятой колонны» в других странах. По рекомендации Украинского координационного совета в качестве слушателя в университет был зачислен Андрей Андрейченко.

Андрейченко остановился в штаб-квартире Организации украинских националистов – ОУН, расположенной в добротном двухэтажном здании, законспирированном под Музей этнографии. Быстро освоился, познакомился с довольно влиятельной группой молодых членов так называемого Центрального провода, фанатично исповедовавших идею национального величия. Среди них были и занимавшие видное положение в ОУН.

Хорошие отношения сложились у Андрейченко с Владимиром Стаховым – так называемым аусенминистром, ведавшим в Берлине внешними связями организации; Орестом Чемеринским – редактором, возглавлявшим пресс-бюро ОУН; Богданом Кордюком по кличке «Снип», инженером-нефтяником, краевым руководителем ОУН в Галиции; Иваном Габрусевичем по кличке «Джон», филологом по образованию, бывшим руководителем ОУН в Галиции, подражавшим главному нацистскому идеологу Розенбергу и носившимся с идеей написать аналогичную его расистской книге «Миф XX века» собственную книгу «Украинский миф». Поскольку Габрусевич намеревался отразить в ней исключительность украинской нации, то уже одними разговорами на эту тему он нажил себе врагов в лице национал-социалистов, подвергших его замыслы резкой критике, и эсэсовцев, угрожавших ему расправой.

Все четверо оуновцев были студентами Высшей партийной школы Национал-социалистской немецкой рабочей партии (НСДАП) и членами клуба иностранных студентов, обучавшихся в Берлине. В клубе украинские студенты-эмигранты вели целенаправленную пропагандистскую работу, полностью подчинённую интересам Германии, нацизма и Гитлера.

Руководил группой бывший сотник петлюровской армии Рыко-Ярый – галицийский немец, представитель ОУН в Германии, поддерживавший тесные связи с абвером. Нацисты настолько ценили Рыко-Ярого, что терпели его жену-еврейку – проницательную, умную и очень активную женщину. Её отношение к деятельности супруга было более чем лояльным. Во всяком случае, внешне она даже превосходила его в преданности нацизму.

Рыко-Ярый гордился женой – дочерью одного из министров-евреев в правительстве Симона Петлюры на Украине в годы Гражданской войны. Он утверждал, что она предана националистической идее и готова жертвовать собой во имя «вильной та ненькой Украины без москалей».

Поскольку это было только началом «нового порядка», который нацисты устанавливали у себя в Германии и за её пределами, они ещё делали исключения из правил. Но уже тогда многие понимали, что эти исключения временны. Наиболее же отъявленные нацисты при случае повторяли слова шефа абвера адмирала Вильгельма Канариса: «Компаньон пригоден до определённого времени. Но не более!»

Рыко-Ярый всячески старался поддерживать хорошие отношения с Андрейченко как с посланцем «угнетённых украинских братьев», оказывал ему знаки внимания, приглашал на прогулки. Однажды, как бы ненароком, предложил встретиться с двумя немцами, «очень добрыми и влиятельными хлопцами». «Хлопцы» были из абвера, но об этом он, естественно, не упомянул.

Андрейченко уклонился от встречи, сославшись на то, что не имеет права на такой шаг. Дескать, как лицо неофициальное, не может пойти на подобную встречу без специального разрешения своего «Вуйки» (таким было условное имя непосредственного руководителя националистического подполья на Украине).

Рыко-Ярый не стал настаивать. Поверил доводу или нет, но выразил понимание положением Андрейченко. Попутно заметил, что дисциплина и субординация при всех обстоятельствах должны соблюдаться строжайшим образом. Однако во время совместной прогулки вблизи им как будто случайно повстречался немец – знакомый Рыко-Ярого.

Несколько минут хватило Андрейченко, чтобы понять, что немец из абвера. Незнакомец попытался завести разговор об обстановке на Украине, состоянии дел в подполье, чтобы, оценив степень достоверности информации, проверить Андрейченко. Было очевидно: встреча подстроена Рыко-Ярым.

Андрейченко отвечал сдержанно, в общих чертах, не вдаваясь в подробности. Каких-либо полезных для себя выводов из разговора абверовец не вынес. И несолоно хлебавши вскоре ретировался.

Случай, однако, оставил у Андрейченко малоприятное ощущение. Заставил задуматься о степени доверия к нему руководства Центрального провода, а это имело непосредственное отношение к его заданию – сблизиться с зарубежным руководством ОУН.

Связь с ним по-прежнему осуществлялась через Ярослава Барановского – доверенное лицо главы Центрального провода, одновременно исполнявшего в ОУН обязанности руководителя «безпеки» – безопасности.

Как выяснилось, позиция, занятая Андрейченко при встрече с абверовцем, подстроенной Рыко-Ярым, была, тем не менее, воспринята немцами и руководством Центрального провода как положительный факт. По тому, как связной украинского подполья деликатно отверг навязанные ему вопросы, его сочли человеком стойким и преданным движению.

Между тем за время пребывания в штаб-квартире ОУН Андрейченко сумел накопить много важной и ценной информации. Прояснилось многое из того, что ранее оставалось за семью печатями: взаимоотношения Центрального провода с немецким Генеральным штабом. Наметились реальные возможности взять под пристальное наблюдение националистическое подполье на Украине, чтобы установить жёсткий контроль за его деятельностью и в последствии ликвидировать.

Срок пребывания Андрейченко за кордоном подошёл к концу. Он переехал в Финляндию. Оттуда с оуновским проводником, в сопровождении члена Центрального провода ОУН Романа Сушко, ночью перешёл пешком границу с Советским Союзом, побывал на Украине и рассказал массу новостей руководителю местных подпольных националистов.

Глава 3

В Москве Судоплатов (Андрейченко) узнал, что арестован его непосредственный начальник, старший майор госбезопасности Сергей Дмитриевич Шпигельглас. В наркомате даже не упоминалось его имя. Словно человека, деятельность которого ещё совсем недавно вызывала искреннее восхищение руководства, и в природе не существовало.

Это удручающе подействовало на Судоплатова и в конечном итоге сказался на его судьбе, невзирая на то, что по возвращении в Москву его за выполненное задание наградили, повысили в звании и должности.

В том приснопамятном 37-м осень в Москве выдалась на редкость пасмурная, слякотная, сиротская. С наступлением темноты пронизывающий ветер безжалостно срывал с деревьев последнюю, отжившую листву. Подмораживало.

По ночам квартиры и комнаты в коммуналках замирали, страх поселился в домах. Исполнявшие роль понятых дворники в белых фартуках, окончательно сбитые с толку происходящим, лишь в сумраке зачинавшегося рассвета расходились по своим крохотным, битком набитым детворой и стариками комнатухам, как правило, расположенным в чердачных надстройках и сырых подвалах.

В заполненные до отказа тюремные камеры втискивали новых арестантов. В их испуганных душах надежда боролась с отчаянием. Тем временем в кабинетах следователей создавались новые «дела», раскрывались очередные «заговоры», стонали, теряли сознание, кричали от побоев и душевных мук подследственные. У «камерников», пока ещё не допрошенных, но уже знакомых с методами следствия, стыла в жилах кровь. Немногим лучше чувствовали себя «на воле» миллионы людей, с ужасом ожидавшие своей участи.

Точно от огненного смерча падали замертво и молодые и старики, рассеивались по спецприёмникам их дети, мучились и гибли родные и близкие.

Тридцать седьмой клонился к исходу. Было холодно и жутко. Судоплатов чувствовал себя так, словно попал с туго завязанными глазами на заминированное поле...

После того как он вернулся из-за кордона, Наркомат внутренних дел казался ему не похожим на тот, который он оставил неполных два года назад. Большая часть сотрудников исчезла. Оставшихся словно подменили. Хотя внешне они вели себя как будто по-прежнему, не высказывали ни недовольства, ни опасений, однако в их поведении ощущалась настороженность. Любое, самое безобидное слово, прежде чем оно произносилось, мысленно тщательно взвешивалось, оценивалось с точки зрения возможных последствий.

Страх заразителен, как проказа. Он вселялся в души сотрудников, ранее никогда не испытывавших его, более того, презиравших тех, в ком он обнаруживался. Теперь же такое состояние для многих стало обычным; они могли лишь сознать свое бессилие, осуждать себя за покладистость, проклинать за нерешительность. А мясорубка продолжала работать на полную мощность...

Среди работников наркомата ходил анекдот, красноречиво отражавший ситуацию в ведомстве. Некая организация взяла подряд на строительство какого-то крупного объекта.

Вскоре руководители стройки начали снижать заработную плату рабочим и служащим. А они, как ни в чём не бывало, продолжали трудиться. Через несколько дней рабочим заявили, что вообще прекращают им платить. Но те по-прежнему выходили на работу и вкалывали в поте лица своего. Когда же им объявили, что всех их будут вешать, кто-то спросил: «Верёвки свои приносить?»

Страх разлагал умы, опустошал души, ломал жизненные принципы. Страх порождает терпимость, покорность, недоверие, подозрительность. Люди, надломленные психологически, становились способными на низость, доносы, клевету.

Всё резко переменялось и для Судоплатова. На него, работника, находившегося в подчинении Шпигельгласа, завели «дело». И дали ему ход по стереотипному драматическому сценарию.

Судоплатов всё чаще задавал себе вопросы, на которые всё реже находил ответы. Виновником этого была мрачная, нервная обстановка страха и подозрительности, выводившая людей из равновесия, вселявшая в них тревогу, постоянно угнетавшая всех.

Чтобы как-то отвлечься от навязчивых мыслей, Судоплатов целиком отдавался работе. Обработывал материалы, отправленные им из-за кордона а также поступавшие в Москву уже после его возвращения. Под глазами легли тёмные круги, нижнее веко левого глаза подергивалось в нервном тике. Но он старался держаться: регулярно посещал парикмахера, часто менял тщательно выглаженные гимнастерки, а то и переодевался в штатское. И военная форма, и гражданская одежда сидели на нём безукоризненно, были к лицу. Справедливо считается, что такому безупречному умению носить одежду нельзя научиться, оно от рождения. Как музыкальный слух. Как дар разведчика.

Праздные разговоры он и раньше не любил. Не в его это характере. Теперь же вообще избегал их. Как и случайных знакомств, особенно вне ведомства. Остерегался провокаций, кривотолков, инсинуаций. Сторонился демагогов, склонных что-то доказывать, опровергать, развенчивать либо возвышать. Называл их «бациллоносителями». Но не самоизолировался. При случае перебрасывался с коллегами добрым словом, невинной шуткой. Случалось, выражал недовольство... погодой. И то лишь близким людям, которым доверял. Мог посетовать на проигрыш футболистов «Динамо», порадоваться очередному выступлению товарища Сталина.

Сдержанно, без лишних слов и эмоций. Чтобы не дать повода для превратных суждений.

Павел Судоплатов оставался разведчиком и дома, в своей стране. Как за кордоном. Очевидно потому, что обстановка принуждала его к постоянной настороженности, необходимости анализировать каждый нюанс, бесстрастно и глубоко вникать в обстоятельства, задумываться над внезапно появившимися в поле зрения деталями... Всё это вошло в плоть и кровь. Чтобы выжить... если удастся.

В таких условиях большинство наркоматовских работников становились не только внешне, но и внутренне людьми чёрствыми, равнодушными к страданиям не только посторонних, чужих, далёких, но и самых близких, родных.

И Судоплатов, по натуре человек жизнерадостный, общительный, стал походить на сослуживцев, неузнаваемо изменившихся за время его работы за кордоном. Ведь он, как и они, не знал утром, чем завершится день, а ночью, ложась спать, не был уверен, доспит ли в своей постели до зари.

Сама система работы, распорядок дня также накладывали негативный отпечаток на характер сотрудников, отрицательно сказывались на состоянии психики, делали нервными, отупляли. Ненормированный рабочий день, если не сказать почти круглосуточный, начинавшийся с одиннадцати – двенадцати утра, длился порой до рассвета, а то и позже, когда обычные учреждения только начинали новый трудовой день.

Из-за такой системы сотрудники лишались возможности находиться в семье, общаться с родными, друзьями, посещать театр, смотреть новые кинокартины, выставки или просто гулять, дышать свежим воздухом. Всё это отражалось на их интеллектуальном развитии, превращало в ограниченных, нелюдимых, странных существ – чёрствых, озлобленных, завистливых.

На этом фоне выделялись сотрудники ИНО, поскольку подавляющее большинство из них были с высшим образованием, высокообразованным интеллектом и культурой. Некоторые обладали научными знаниями, нередко и природным обаянием, остроумием. Отличались они и внешне.

Однако всё это не только не мешало, но и во многом помогало контрразведывательному составу наркомата раскручивать маховик репрессий в отношении работников внешней разведки. Участились случаи, когда сотрудники ИНО не возвращались с работы домой, где уже полным ходом шли обыски, вспарывались перины и подушки, поднимались паркетные доски, срывались обои и плинтусы – всё переворачивалось вверх дном.

Подобные ситуации и за рубежом не редкость. Контрразведка нигде не дремлет. Но это происходило «там». А здесь?! У себя дома? Против своих!? Как понять? Что это – преднамеренный произвол, преследующий цель уничтожить несуществующую оппозицию режиму единоличной власти и тем самым отвлечь народ от мыслей о низком уровне жизни и направить его протест против очередных «врагов народа»? Или стремление уничтожить всё смелое, талантливое, высокопрофессиональное, интеллектуальное, творческое, видя в этих качествах опасный потенциал критического отношения к примитивизму лозунгов, теорий, догм и стереотипов современного строя?

Загадки, загадки... И среди них трагическая история уничтожения почти всего высшего командования Красной Армии в предвоенные годы, когда для СССР угроза оказаться втянутым в военный конфликт с нацистской Германией становилась всё более реальной. Зачем, кому понадобилось истребить всю интеллектуальную и профессиональную военную мощь страны? Зачем понадобилось истребить лучшие кадры разведки и контрразведки НКВД руками своих же энкавэдистов? Кто от этого выиграл? Почему понадобилось загнать за колючую проволоку миллионы простых советских людей, не представлявших никакой угрозы режиму? Абсолютнейшее большинство из них были активными патриотами своего Отечества, поддерживали политику его руководства. Чтобы получить дешёвую рабочую силу? Она и на свободе была такой же, почти дармовой, но намного более эффективной.

Когда безудержный террор первой, да и второй половины тридцатых годов стал вызывать ужас в стране и за рубежом, начали искать очередного козла отпущения. И обнаружили его в лице наркома внутренних дел Ягоды. Оказавшись между молотом и наковальней, он, чтобы избежать наказания, перехватывал молот и колотил, колотил... Казнили же его за то, что он недоколотил.

Пришёл черёд и самого Ежова, старавшегося изо всех сил не только выполнять волю Сталина, но и, забегая вперёд, перехлёстывать, опережать планы повелителя. И перестарался. Он так и сказал: «С ним ни встань, ни ляг. А попробуй не угоди? И крышка».

Наивно, конечно, было надеяться, что подобное иезуитство никогда не раскроется. Но в тот момент уже было поздно...

В наркомате, естественно, понимали, что Ягода, а потом Ежов, поставленные во главе ведомства, являются лишь исполнителями чьей-то более высокой воли. Учитывая их ранг и полномочия, могло казаться, что от них зависит если не всё, то очень многое. Казнив Ягоду, генсек ВКП(б) стремился создать у народа именно такое впечатление. И это ему удалось. Ягода и Ежов были нелюдями, выродками. Свои палаческие обязанности они исполняли почти вдохновенно. Прделанное Ежовым Ягоде и не снилось. Подлинный архитектор произвола находился на самой вершине – Иосиф Сталин.

Чекисты это знали. Кардинально изменить порочный порядок они не могли, но по возможности оставались честными людьми. Потому-то и пострадали, а многие поплатились жизнью.

Сотрудники наркомата были осведомлены о ситуации намного лучше других. Но они и не помышляли о каком-либо подобии протеста, зная, к чему может привести малейшее неодобрение власти. За каждым следили десятки глаз и ушей. Как в такой ситуации обвинять в пассивности человека, стремившегося выжить и тем самым уберечь от расправы и гибели своих детей и близких?

Заманчивая идея: подняться всем миром, не покориться произволу. Увы, в условиях тоталитарного режима она нереальна.

Поражает чудовищный парадокс: в ситуации кровавого кошмара многие видные деятели революции, партии, государства, заслуженные военачальники на допросах брали на себя немислимые преступления, чтобы избежать пыток. И продолжали верить не только в правильность пути, выбранного руководителями государства, но и в человека, загнавшего их в лагерь, камеры смертников; человека, уступавшего им в уме, образованности, интеллекте. Шли на смерть с его именем на устах.

Постепенно сотрудники НКВД перестали задавать вопросы и самим себе. Зачем спрашивать у ночи, почему она темна? Нужно просто дождаться утра. Но наступит ли оно?

Между тем трагическая ситуация не всеми воспринималась одинаково. Единными были лишь страх, неуверенность, но отнюдь не возмущение. Неправедные дела ведь начались давно. Но труд – хотя далеко не все здесь трудились одинаково – являлся альтернативой гнетущей неизвестности, ожиданию, надежде на изменения к лучшему.

Для одних это была возможность продемонстрировать абсолютную преданность партии, любовь к вождю и верность строю. Для других работа была отдушиной. Однако пронизанная неуверенностью, сомнениями, страхом обстановка в наркомате отражалась на умонастроениях значительной части оперативного состава, невольно сказывалась на результатах деятельности.

Атмосфера постоянного страха и неоправданной подозрительности особенно угнетала старых работников ВЧК и ОГПУ, сотрудников ИНО, разведчиков-нелегалов, рисковавших жизнью во имя идеалов, в которые они беззаветно верили. Увы, таких бесценных профессионалов оставалось немного. Большинство сгинули в безвестных могилах. Об их делах вспоминали полужёпотом. О некоторых намёками давали понять, что они ещё находятся под следствием, держатся из последних сил, отвергая приписываемые им небывлицы.

Как и следовало ожидать, стусились тучи и над Судоплатовым. Подошёл и его черёд. Предстояло разбирательство «личного дела о потере бдительности», а за ним исключение из партии. Затем следствие, которое непременно выявит его «причастность к терроризму, шпионажу в пользу империалистического государства, попытке свергнуть советский строй».

Машину запустили, и Судоплатов понимал, что его ждёт. Приготовил тёплые вещи, предупредил родных, подготовился к самому худшему. Правда, предстояло ещё партсобрание, на котором коммунисты-сослуживцы должны будут высказать своё отношение к совершённым Судоплатовым «проступкам». Вряд ли кто-либо осмелится поставить под сомнение инкриминируемое ему обвинение. Даже попытка обойти вопрос стороной или отмолчаться, как правило, вызвала подозрение, за что приходилось сурово расплачиваться. Порой свободой, даже жизнью. Поэтому не могло быть и речи о том, что кто-то решится заступиться за обсуждаемого, попытаться доказать абсурдность обвинения. И не только потому, что это означало прослыть сообщником, но и потому, что результат был предрешен. Опровергать его, значило рисковать собой.

Выступавшие осуждали, разоблачали, клеймили... Бездоказательно, зато с пеной у рта. Главное – поддержать обвинение, накал разоблачительных страстей, а заодно заявить о своём высоком патриотизме, подлинной революционной бдительности, большевистской непримиримости к проидам врагов народа.

Это делалось нередко из шкурных интересов. Слишком уж благоприятным оказывался момент для сведения личных счётов, получения личных выгод. Естественно, при отсутствии у человека такого понятия, как совесть.

Аппетит у людей этой категории возрастал, когда дело шло о вышестоящем начальстве, ибо при особом старании это открывало виды на должность репрессированного, его квартиру... По иронии судьбы приобретенные блага нередко оказывались временными: обвинитель мог вскоре занять место обвиняемого, и сюжет повторился.

Такое было время.

Глава 4

Павел Судоплатов, как и большая часть молодёжи двадцатых годов прошлого столетия, активно участвовал в общественной жизни: в 1922-м вступил в комсомол, в феврале 1926-го стал кандидатом в члены партии, а два года спустя и членом КП(б) Украины. Жил, учился, трудился, помогал развитию украинской культуры в Мелитополе. Украина как родина и среда обитания, её культура, традиции, – всё это было ему близко.

Украинский язык тогда изучался в партийных и государственных учреждениях. Местная газета «Радянский степ» перешла на украинский язык, появилась «Литературная Украина» – орган Союза писателей Украины. Её художественная литература получила возможность широкого развития. Украинский язык всё больше распространялся в республике.

Одновременно шёл активный процесс интернационализации культуры, межнациональные браки стали обычными. Всё это, вместе взятое, воспринималось ревнителями национальной идентичности весьма болезненно.

Аналогичное отношение к национальному вопросу бытовало и среди членов партии. Они пытались рассматривать интернационализацию отношений как угрозу национальной самобытности народа – его культуры, языка, традиций. Настойчиво звучали требования ускорения темпов украинизации «любой ценой», включая русский пролетариат, живущий на Украине. Перегибов как в одну, так и в другую сторону было предостаточно.

Судоплатов, работая в разных районах Украины, говорил в основном на украинском языке, хотя свободно владел и русским. И никто, даже мысленно, не ставил ему это в вину. Уважение к языку как к одному из основных составляющих понятия «нация» было естественно и для людей неукраинской национальности.

Уже на исходе первого полугодия 1934 года грамотность среди украинцев достигла почти девяноста шести процентов; украинских школ в республике насчитывалось более пятнадцати тысяч. В них обучались почти четыре миллиона детей из общего пятимиллионного числа учащихся. Всё это было достигнуто после Октября – в царской России на Украине не было школ на родном языке.

К сожалению, естественный и закономерный процесс укрепления национальных тенденций имел и крайне негативные последствия. Он вызывал всплеск национализма, способствовал появлению множества националистических партий, которые повели яростную борьбу против ВКП(б).

Иллюстрацией подобных процессов может служить судьба ряда видных украинских деятелей в послереволюционное время. К примеру, один из главных идеологов национализма и организаторов Центральной рады, Винниченко, с ноября 1918 по февраль 1919-го являлся главой Директории и вел активную борьбу с Советской властью. Уже летом следующего, 1920 года он, отказавшись от борьбы с Советами и Россией, поклялся верно служить интересам «рабоче-крестьянской социалистической Украины», вошёл в состав правительства заместителем Председателя Совнаркома Украинской ССР. Но когда его не ввели в состав Политбюро ЦК КП(б) Украины, сложил с себя полномочия, выехал за границу, откуда стал вести активную пропагандистскую кампанию против СССР.

Но этим дело не кончилось. Не прижившись в эмигрантской среде, где его не приняли из-за служения Советам, оскорбляли и даже грозили расправой, он вновь стал предлагать Советам свои услуги «борца за дело коммунизма».

Таковыми были амплитуда колебаний и одновременно трагедия крупного украинского писателя, честолюбивого, непоследовательного и неудачливого политика.

Павел Судоплатов (Андрейченко) стал свидетелем переговоров украинских партийных властей и с другим бывшим главой Центральной рады – Михаилом Грушевским. Этот тоже

признал свои ошибки националистического толка, прекратил борьбу против Советской власти и в марте 1924 года вместе с семьёй возвратился из-за границы в СССР, занялся научной деятельностью, стал членом Украинской, а затем Всесоюзной Академии наук.

Последовавшие позднее в республике репрессии не коснулись Грушевского. Не коснулись они и его ученика, академика Крипякевича, активно поддерживавшего ранее националистические тенденции на Украине.

В двадцатые годы на Украине, особенно на западноукраинских землях было заметно распространение националистических настроений. Как ни печально, но реакция на этот процесс не всегда была гибкой и продуманной. Элементы давления, насилия, получившие все права в годы революции и Гражданской войны, оставались главными составляющими политики.

Для смягчения националистических тенденций требовалось сочетание различных методов: от интернационального воспитания масс при уважении национальных чувств народа до административного воздействия на тех, кто активно мешает проведению правильной и гуманной национальной политики Советского государства.

Увы, практика сопротивления национализму была далека от разумной, порождала насилие, раздоры, ненависть.

Судоплатов, в то время кандидат в члены Прилукского райкома КП(б) Украины, понимает, видел противоречия в политике властей. Однако и сам был захвачен господствующими антинационалистическими настроениями. С откровенной нетерпимостью относился он и к мелкобуржуазным националистическим партиям, и к «боротьбистам» из так называемой Украинской компартии – УКП.

«Боротьбисты», как и УКП, требовали принять их в Коминтерн в качестве самостоятельной секции в противовес КП(б) Украины. Их домогательства по настоянию Ленина были отвергнуты. Позднее, после вступления в КП(б) Украины, их претензии на роль первой скрипки в руководстве республикой были отклонены.

В газетах, выступлениях на митингах, партийных конференциях «боротьбисты» и члены УКП требовали ликвидации военно-политического союза с РСФСР, создания на Украине самостоятельной Красной Армии, а в это время некоторые их организации готовили восстание против Советской власти.

На экстренно созванном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) Сталин, выслушав информацию о замыслах руководителей националистических украинских групп, высказался в своём обычном ключе:

– Мы долго и терпеливо относились к ним по-доброму. Они отвечают нам злом. Это видно и понятно любому здравомыслящему человеку. Какие выводы мы обязаны сделать? Склонить перед ними головы, чтобы их отрубили? Я думаю, это будет неправильно. Легкомысленно и преступно. Видимо, придётся на террор ответить тем же... Иначе спокойствие не наступит на украинской земле.

Судоплатов был молод, малоопытен, но всё же умел отличать национальное от националистического. Чтобы досконально разобраться в правде и логике исторического процесса, требуются годы размышлений, молодость же открыта эмоциональному воздействию. Павел воспринимал многое происходящее на его глазах именно так – эмоционально.

Важнейшим преимуществом Судоплатова были его ум и врожденное чутьё. Именно они помогли ему с годами разобраться в том, что в начале пути понять ещё не мог. Андрейченко, шедший на выполнение задания, когда в генштабе вермахта всю вынашивались планы захвата чужих территорий, был уже другим. И о многом судил по-другому. В том числе и о людях, с которыми столкнула его судьба чекиста-нелегала за рубежом.

Однако при всем этом он верил в то, что любая деятельность, направленная извне против его страны, губительна для ее народа. И эта убежденность помогала ему в его многотрудном деле. Несмотря на обстановку, царившую в Наркомате.

...Начальник Управления НКВД по Московской области майор госбезопасности на срочно созванном совещании руководящих работников аппарата заявил:

– В данную минуту нарком внутренних дел Ежов со своими единомышленниками и в соответствии с бредовыми контрреволюционными идеями восстановления в стране капиталистического строя обсуждает план захвата в Москве Большого театра. Террористическую акцию эта кучка предателей намерена провести во время предстоящего торжественного заседания, посвященного Великой Октябрьской социалистической революции. По их плану подлежит аресту весь состав Политбюро и физическому уничтожению дорогой, всеми нами любимого генерального секретаря ЦК ВКП(б) товарища Сталина и его ближайших соратников...

В кабинете повисла тягостная тишина. Все словно окаменели. Первой мыслью была мысль о том, что они присутствуют на собственных похоронах...

В ту же ночь Политбюро ЦК ВКП(б), обсудив заявление начальника УНКВД по Московской области единодушно постановило: «Выразить политическое недоверие всему руководящему составу Народного комиссариата внутренних дел СССР».

Открывалась новая страница в истории этой организации. С утра следующего дня начались аресты и обыски, опечатывались дела, письменные столы, сейфы, несгораемые шкафы сотрудников наркомата. Подверглись аресту уже и те чекисты, которые, согласно постановлению ЦК ВКП(б) и его Политбюро, накануне выполняли аналогичные функции. Косвенно они якобы тоже были причастны. К чему? Точного ответа никто не знал. Тайна оставалась за следствием...

В наркомате и подведомственных ему службах проводились собрания, циничные, беспардонные разбирательства, в ходе которых выдвигались чудовищные обвинения, распространялась несусветная клевета. Пользуясь случаем, сводились и личные счёты, прикрытые политико-патриотической демагогией.

Вскоре начались судебные процессы, выносились приговоры, гибли или заточались в тюрьмы люди. Вначале топор обрушивался на верхний эшелон НКВД. Почти тут же начали расправляться и с низами, коль скоро выражено недоверие всему наркомату.

Поначалу аресты коснулись десятков людей, потом сотен, затем многих сотен чекистов, прокуроров, партийных работников. Было среди них немало и таких, кого трудно пожалеть. Но много невинных, достойных сотрудников попали в мясорубку царившего беспредела, понятия не имевших о закулисной интриге, разработанной на самом верху партийно-государственной иерархии, преследовавшей свои цели.

...Судоплатов ждал. Знал, что за партсобранием последуют арест, следствие, суд, «особое совещание» или громкий процесс. Всё зависело от фантазии и способностей следователей... Порядок общепринятый, путь проторённый, конец общеизвестный. Ничего нового, кроме фамилии обвиняемого, «сообщников», очередных «вредителей». Но на этот раз произошло иначе: постановление партсобраний предстояло утвердить на партбюро, потому что именно оно выступило инициатором решения «... в связи с делом врага народа Шпигельгласа».

Павел Анатольевич был удручён. В воспалённом мозгу роились тысячи мыслей – странных, противоречивых, сбивчивых, лишенных стройности и последовательности. И в то же время голова казалась пустой. Он не мог ни на чём сосредоточиться. Глаза словно заволокло туманом.

Не впервые Судоплатову приходилось оказываться в рискованной ситуации, грозившей смертью. Но состояния, подобного теперешнему, он никогда не испытывал. Если и случались ранее критические ситуации, то это за кордоном, среди чужих, среди отъявленных врагов, с которыми он вел борьбу не на жизнь, а на смерть. А сейчас?

Самое худшее заключалось в том, что ему всё труднее становилось сосредоточиваться на работе, к которой он всегда относился чрезвычайно ответственно.

В день партсобраний атмосфера в отделе была как перед похоронами. Все без исключения понимали, что часы пребывания их руководителя Судоплатова на свободе сочтены. Иного исхода никто и не ждал. Свыклись. Некоторые сотрудники, невзирая ни на что, при встрече с Павлом Анатольевичем продолжали вежливо, хотя и сдержанно, раскланиваться, выражая тем самым сочувствие ему. Но большинство делали вид, будто не замечают его, либо обходили стороной. От греха подальше.

Обедать домой он не пошёл. В столовую также. Не хотел своим присутствием ставить сослуживцев в неловкое положение. Но один из самых смелых принёс ему в кабинет стакан крепкого чая и свежий бублик. Судоплатов взглянул на него, и на мгновение ему показалось, будто он смотрит сквозь тюремную решётку. По телу пробежали мурашки. Резким движением он разломил бублик и съел его. Быстро, озлобленно. Выпил и чай.

До собрания оставалось два часа. Больше никто не заходил к нему. Словно он уже не существует. Без конца поглядывал на часы. Стрелки передвигались медленно. Время тянулось тягостно, мучительно.

Вдруг резко открылась дверь, вбежал взволнованный сотрудник, который приносил Судоплатову чай, и, приблизившись к нему, прошептал:

– На объявлении исчезла надпись о «персональном деле»...

Судоплатов молча смотрел на товарища и не мог понять, о чём тот говорит.

– Ни слова о «персоналке», – удивляясь, продолжил сотрудник. – На объявлении о повестке дня: “Персональное дело П. Судоплатова” заклеено напечатанным на машинке текстом: «О положении в пионерском лагере». О тебе ни слова!

Судоплатов продолжал молча смотреть на недоумевавшего коллегу, теряясь в догадках: что бы это могло значить? Всё выглядело как-то странно и непонятно. С чем это связано? С лучшим или самым худшим?

Павел Анатольевич знал, что надо быть готовым ко всяким неожиданностям. И все же чья-то странная затея оставалась непонятной: уловка? Или что-то действительно изменилось? Внешне спокойный, он поблагодарил коллегу и попытался продолжить работу. Но если раньше это как-то удавалось, то теперь стало невозможным. Сосредоточиться он не мог, будоражили самые разные мысли. Все смешалось...

Тем временем любопытные сотрудники подходили к доске объявлений, читали, перечитывали и, ничего не поняв, уходили. Никто не рисковал обсуждать произошедшую метаморфозу. Лишь кое-кто осмеливался пожать плечами, но так и не произнеся ни слова, уходил обескураженный. Со стороны это напоминало кадры немого фильма.

Партсобрание началось точно в назначенное время. Судоплатов сидел и терпеливо ждал, хотя каждая минута казалась ему вечностью и в голову лезли самые невероятные мысли. Такая вот своеобразная казнь. Внешне же казался спокойным, будто о его персональном деле вообще не было и речи. Говорили о детях сотрудников, об увеличении для них мест в пионерлагере и санатории, об улучшении питания, культурных мероприятиях, привлечении к работе толковых пионервожатых...

Партсобрание закончилось принятием резолюции по благоустройству пионерского лагеря. Ни слова о персональном деле сотрудника Павла Судоплатова. Никто из коммунистов не отважился поинтересоваться у членов партбюро, чем вызвано изменение повестки дня. Проглотили молча.

Лишь далеко за полночь информация появилась. Ещё остались в ИНО отважные люди. И от них Судоплатов узнал, что нарктому срочно понадобился сотрудник с профессиональным опытом работы в нелегальных, весьма сложных обстоятельствах.

Руководство НКВД, понимая огромную ответственность за выполнение задания, оказалось в затруднительном положении. Ещё совсем недавно, год-два назад, вопрос о том, где взять нужного человека для сложной операции, мог показаться более чем странным. Специалистов самого различного профиля в ведомстве хватало. Любой категории. Теперь же ситуация, как ни прискорбно, сложилась иная: не могли найти достойного исполнителя. Разумеется, никто вслух в этом не признавался; каждый лавировал, как мог, избегая разговора о столь плачевном положении с кадрами.

Сутки напролет «наверху» обсуждали самые различные кандидатуры исполнителя задания, приглашали с периферии отдельных сотрудников, беседовали с ними, прикидывали варианты, придумывали легенды, спорили и снова сходились во мнении, что всё построено на зыбкой основе. Понимали, что поручить серьёзное задание малосведущему работнику означало заведомый провал операции, а это сулило неприятности.

Поскольку задание касалось контакта с Организацией украинских националистов, руководители ИНО пришли к выводу: привлечение к операции сотрудника хотя и обладавшего нужными качествами, имевшего опыт работы за рубежом, но ранее не вступавшего в непосредственный контакт с руководством националистического подполья на территории Украины, может привести к провалу.

Каждый новый человек, прибывавший в Координационный центр ОУН, находившийся в Берлине, рассматривался там как потенциальный агент ГПУ. Будь у него самая неуязвимая легенда. Если он не известен никому из руководства подполья на Украине, от которого якобы прибыл на связь, в провале операции можно было не сомневаться.

В наркомате ломали головы, перебирали имена сотрудников, соприкасавшихся с националистическим подпольем, прикидывали, сочиняли легенды, продумывали варианты. И в итоге отказывались от них. Просочился слух, что задание исходило от самого генсека, ему же надлежало доложить о подготовке к «операции» и кандидатуре исполнителя, которую предстояло лично согласовать с ним.

Время шло. Генсек ждал. Пока он молчал. Это, однако, не означало, что у него неограниченный запас терпения. Отрапортовать о якобы начавшейся подготовке к операции невозможно. Сразу возникнет вопрос: кто исполнитель конкретно? И обнаружится враньё. Расстреляют мгновенно. Как за умышленную дезинформацию. Либо решат, что в НКВД орудует контрреволюционная шайка.

Снова обдумывали: как выйти из создавшегося положения, чтобы отреагировать немедленно. Тянуть с исполнением задания опасно. Генсек вникает в мельчайшие подробности, касающиеся зарубежных дел.

В ИНО царил растерянность. Признаться в отсутствии подходящей кандидатуры? Но кто так отчаянно смел? Шутка ли, заявить, что задание невыполнимо! Или требует дополнительного времени на подготовку. Иного не оставалось, как незамедлительно приступить к выполнению задания. Всё другое будет истолковано как вредительство, всех причастных к операции лиц сразу же отстранят от занимаемых должностей. Как минимум. Могут создать и комиссию по расследованию. Завершится же всем хорошо известным концом. Двух мнений и быть не могло.

В подобных ситуациях люди нередко кончали самоубийством, чтобы не пострадали родные, близкие. О коллегах по работе теперь мало кто беспокоился. В НКВД это стало «немодно», хотя и оставались люди, способные на товарищеский подвиг.

Что бы ни придумывали высшие руководители ИНО, как бы ни прикидывали, старались найти выход из создавшегося положения, единственным реальным вариантом оставалась кандидатура Андрея Андрейченко.

Но как быть? Против Павла Судоплатова выдвинуто обвинение в утере бдительности, в несодействии своевременному разоблачению врага народа, бывшего заместителя начальника ИНО НКВД СССР Шпигельгласа.

Судоплатов работал под непосредственным руководством Шпигельгласа. Вполне возможно, что он кое-что знал, но не сообщил об антигосударственной деятельности шефа. Таких предположений достаточно, чтобы Судоплатова считать его соучастником.

И всё же начальнику ИНО пришлось доложить наркому о предпочтительном варианте участия в операции известного националисту Павла Судоплатова – «Андрейченко». Хотя на него и имеются компрометирующие материалы, но пока не подтверждённые.

Несколько ночных часов – в который уж раз! – вопрос о Судоплатове обсуждался высшим руководством НКВД и ИНО. Лишь под утро пришли к решению: считать выдвинутые против него обвинения недостаточно обоснованными.

Только после этого решения руководители ИНО получили согласие на включение Павла Судоплатова в операцию в качестве главного исполнителя задания. Формулировка в приказе гласила: *«...в целях завершения начатой разработки по ликвидации контрреволюционного националистического движения необходимо в срочном порядке направить...»*

Операция под кодовым названием «Ходики» вступила в начальную стадию. Подготовка отправлявшегося за рубеж требует немало времени. В противном случае успеха не достичь. Последствия непредсказуемы.

В наркомате между тем считали, что шансов на удачу немного. Когда произносили фамилию «Андрейченко», имя Судоплатова не вспоминалось. Будто такого и в природе не существует!

Ответственные за операцию руководители ИНО сделали всё от них зависящее, чтобы задание было выполнено, хотя объективно они и не несли ответственности в случае её провала. Но это – плохое утешение.

Ссылка на «объективные причины» в данном учреждении мало чего стоила. Поэтому, пойдя на риск вызвать неудовольствие наркома, вместе с Судоплатовым выбрали наиболее сложный вариант операции, требовавший немало времени на подготовку, зато обещавший положительный результат. Само же задание было чрезвычайно сложным в исполнении, и потому волнений хватало.

Возложенная на Андрейченко миссия, о которой вплоть до мелочей знал сам Хозяин, была сопряжена с множеством неожиданных трудностей и с колоссальным риском. Для достижения цели, как говорили Судоплатову перед его отправкой за кордон, ему предстояло «про-тащить верёвку в ушко иголки».

Глава 5

Справедливости ради следует признать: Сталин знал толк в подобных делах. Его замечания всегда были к месту, а порой бесценны.

Руководители наркомата предвидели сложности в осуществлении операции, но признаваться в этом вслух не решались. Согласились, не раздумывая, с «руководящими указаниями». Лавировали меж рифов.

Разумеется, заблаговременно постарались учесть эвентуальные препятствия, осложнения, осечки. Выложились, что называется, до предела. Поскольку на карту была поставлена их жизнь, ни перед чем не останавливались, ни с чем не считались, ничем не гнушались. Шли на всё ради успешного исхода операции. Тем не менее не обольщались: Андрейченко предстояло положить не просто, к примеру, на тумбочку или рабочий секретер «адресата» некую драгоценную вещь. Её надлежало вручить лично при полной уверенности, что он непременно положит подарок в запланированное место. И, главное, осуществить всё без свидетелей, не оставить никаких улик. При нарушении этих условий детально разработанной операции грозил провал с разоблачающими для НКВД последствиями, за что никого уж по головке не погладят...

Однако войти в доверительные отношения с «адресатом», опекавшим из-за границы националистическое подполье, оказалось непросто. Его охрана была опытной, жестокой и бдительной.

К этому времени НКВД уже сумел частично взять организацию под контроль и в некоторой мере даже направлять её деятельность. В то же время заграничное руководство всячески пыталось исправить положение в подполье и проявляло исключительную бдительность по отношению к прибывавшим из Советской Украины перебежчикам. Принимало чрезвычайно строгие меры по охране лиц, занимавших в закордонном центре ОУН ответственные посты, крайне жестоко препятствовало проникновению в свои органы агентуры НКВД.

«Адресатом», о котором шла речь в предстоящей операции, был Коновалец – глава Координационного центра Организации украинских националистов. Человек весьма образованный, имевший немалый военный опыт и знания конспиративной деятельности. Он был известен правительствам и секретным службам ряда европейских стран и Америки, руководил движением националистов Галиции и Волыни. После Гражданской войны умело насаждал там свою агентуру, безжалостно расправлялся с заподозренными в нелояльности к националистическому движению.

Коновалец находился в деловых дружеских отношениях с главой военной разведки Германии адмиралом Канарисом. Поставлял его ведомству людей и информацию, получая взамен для своих боевиков базы, скромные денежные субсидии, оружие и полигоны для обучения.

Контакт между сторонами был доверительный, программа обусловлена общими целями, перспективы на укрепление сотрудничества заманчивыми. Коновальцу хотелось верить в посулы. Одновременно он не мог не понимать, что у главы абвера свои расчёты и на сотрудничество можно надеяться до той поры, пока немецкой стороне нужен такой партнёр, как он. Каждая сторона оставалась настороженной.

Сейчас же такая личность, как Коновалец, была немцам, несомненно, нужна: фюрер затевал ширококомасштабные военные авантюры и на разведку возлагались огромные обязанности в обеспечении будущих операций соответствующей информацией.

Глава 6

Наконец, Андрейченко отбыл. Как и прежде, тайно, ночью, пешком. В дождливую погоду, сократившую темп продвижения. Вдобавок усложнился и рельеф местности. Двигался в полной темноте. Остерегаясь напороться на финский пограничный пост, пробирался сквозь густые заросли, по топким болотам, чтобы до рассвета непременно миновать и открытую местность... Сколько сил, нервов пришлось потратить, пока граница с Финляндией наконец-то осталась позади!

Сложность операции заключалась в том, что Андрейченко должен был лично преподнести «дорогой подарок» определённому лицу. Однако войти в такие близкие отношения с ним, представлялось затеей далеко не простой.

Вдохновителем предстоящей операции был Сталин, ему принадлежал и намёк на способ её осуществления. Человек, державший единолично в своих руках судьбу огромной страны, нередко спускался с Олимпа, чтобы поразмыслить над такими далеко не забавными «мелочами», как старинные, в чужом кармане, часы. Хотя трудно сказать, что в данном случае эта идея исходила именно от него. Да и не столь это важно. Несомненно, однако, что, давая «добро» на акцию, он вникал обычно во все её детали. Когда вопрос касался нюанса, от которого зависел характер операции, только он ставил последнюю точку.

...Руководитель Организации украинских националистов (ОУН) обещал немцам сформировать на территории Украины надёжно законспирированную, хорошо вооружённую и мобильную «пятую колонну», которая в нужный момент сумеет слиться с колоннами вермахта. Для начала Коновалец задумал укрепить, ввиду многочисленных провалов, агентурную сеть на Украине.

Войти в непосредственный контакт с Коновальцем, разведать его реальные возможности, наличие связей с оставшимися вне поля зрения НКВД членами руководимой им организации, с её тайными службами и в целом понять, чем она может угрожать Советам, был способен только Андрейченко с его опытом работы за рубежом.

Прибыв в Берлин, Андрейченко с первого же дня занял резкую, даже жёсткую позицию по отношению к положению националистов на местах и реакции на это в Центре. Осудил аморфность подполья на Украине. Выразил серьёзную обеспокоенность участвовавшими арестами видных подпольщиков, потребовал срочного вмешательства Центрального провода в расстановку сил, наведения порядка в руководстве подпольем, в активизации националистического движения. Критические высказывания подкреплял конкретными фактами, чётко разработанным планом, аргументированными предложениями.

Никто из членов Центрального провода не осмеливался отвергнуть выдвинутые посланцем подполья предложения, восприняв их как справедливые и подлежащие выполнению.

Вместе с тем не обошлось и без упреков в адрес деятелей на местах, где, хорошо зная ситуацию, ждут, однако, указаний и помощи Центра. Это был прозрачный намёк на деятельность самого «подпольщика» Андрейченко. Но ему удалось отвести эту критику, ссылаясь на условия и помехи со стороны представителей Координационного центра.

Андрейченко набирал очки, обретал сторонников, уважение высшего руководства ОУН. К нему продолжали присматриваться, намерение оказать доверие боролось с настороженностью, с которой опытные люди обычно встречают радикалов, сколь бы разумными ни были их доводы. Учитывая это, Андрейченко старался безупречным поведением рассеять возникавшие опасения. В отличие от членов Провода, пользовавшихся различными благами, связанными с их положением, вёл максимально скромный образ жизни, хотя и не бравировал этим.

Единственное, в чём он себе не отказывал, это в простой и дешёвой еде, хотя прилюдно и скрывал свой аппетит. В этой мелочи был тонкий психологический расчёт. Аппетит, как и старание скрыть его, естественно, не остались незамеченными. Приятели нередко спрашивали:

– А там, на Украине, таким, как ты, тоже есть нечего? Аппетит у тебя, прямо скажем, волчий!

– А где мне поесть досыта, как не у вас? Своих, полуголодных, объедать неловко. А здесь ни от кого не убудет.

Если бы Андрейченко от еды, часто деликатесной, отказывался, это могло бы выглядеть подозрительно. Сочетание же скромного образа жизни с некоторой жадностью к еде, что столь естественно для человека из «голодного края», настраивало на доверие. А доверие низов передаётся и верхам.

Понятно, что интерес к Андрейченко, а тем более доверие к нему не базировались на его «гастрономических пристрастиях». В Центральном проводе видели в нём умного и решительного человека, верного националистической идее, которой сами они преданно служили. К тому же в его поведении импонировали отсутствие бахвальства, заносчивости и, безусловно, почтительное уважение к руководителям движения. Сходились во мнении, что на него можно положиться и максимально использовать в интересах общего дела.

Немалую роль играло и то, что предложения Андрейченко об активизации деятельности самого движения собирали всё больше сторонников, особенно среди украинской молодёжи.

Информация об Андрейченко поступала и к Коновальцу. Впервые за неполных четыре года заочного знакомства он всерьёз заинтересовался им, решил встретиться. И хотя Андрейченко шёл к Коновальцу долго и настойчиво, близкая перспектива встречи его взволновала. Ему назвали дату встречи, страну и город, но конкретное время и место свидания держались в тайне.

Глава 7

Основатель Украинской военной организации, а с 1929 года и руководитель тайных украинских националистов (ОУН) Коновалец был заметной фигурой за рубежом.

Родился Коновалец в 1881 году в Зашове, вблизи Львова, в семье учителя. Во Львове окончил гимназию и университет. Ещё в студенческие годы примкнул к украинскому Национал-демократическому союзу, одним из лидеров и теоретиков которого был известный украинский националист Михаил Грушевский – историк, впоследствии глава Центральной рады.

С началом Первой мировой войны Коновалец вступил в созданный Союзом освобождения Украины корпус Украинских «сечевых стрельцов» и в составе австро-венгерской армии отправился на Восточный фронт. В 1915-м в Карпатах попал в плен к русским и содержался в лагере для военнопленных в районе Царицына. Вёл среди пленных украинцев активную пропагандистскую работу националистического характера. В обход лагерной цензуры сумел установить связь с военнопленными украинцами – солдатами австро-венгерской армии, содержащимися в других лагерях.

После февральской революции 1917 года активность молодого Коновальца усилилась. Он перебрался в Киев. При поддержке Симона Петлюры – организатора и главного идеолога националистического движения на Украине, прославившегося антирусскими и антисемитскими погромами, сформировал из галичан полк «сечевых стрельцов», ставший особой гвардией, подчиненной главе Центральной рады Грушевскому.

Вскоре полк под командованием Коновальца преобразовался в корпус со специально законспирированным штабом по руководству антисоветской деятельностью. Это он организовал резню восставших рабочих киевского завода «Арсенал», беспощадно мстил тем сечевым стрельцам, которые уклонялись от активных действий. Не щадил не только бывших стрельцов, но и их семьи.

К встрече с ним и готовился теперь Андрейченко.

На пути в Вену, где она должна была состояться, Андрейченко не покидала безотчётная тревога, что в последний момент встреча сорвётся. Изучив повадки оуновской охраны, не исключал, что последует и нечто иное. Возможно, самое худшее. Организация славилась кровавыми «сюрпризами».

На венском вокзале, согласно предварительной договорённости, Андрейченко встретил малосимпатичный Ярослав Барановский. Из-под его низкого лба и нависших взлохмаченных смолистых бровей пристально и подозрительно глядели мутноватые, иссечённые множеством красных прожилок глаза. Молча подав холодную, словно безжизненную руку, он, не проронив ни слова, повёз гостя на конспиративную квартиру. Здесь, тоже не обмолвившись и намёком на предстоящее свидание, оставил Андрейченко в просторной, полупустой, пахнувшей плесенью комнате и ушёл.

Адрес был знаком Андрейченко. Квартира тоже. Он неоднократно бывал здесь в гостях у члена Центрального провода Романа Сушко. Но об этом квартирном отсеке понятия не имел, хотя вроде бы неплохо знал расположение комнат в доме. В наблюдательности ему было не отказать, как и в зрительной памяти.

Психологически отнёсся к этому спокойно, но принял во внимание. Не исключал, что Коновалец мог его видеть и, пожалуй, даже слышать, когда они с Сушко беседовали в этой квартире на самые животрепещущие темы. Собственно, всё это теперь мало что значило. Главное, он здесь. А здесь одна тайна покрыта другой и наверняка не последней...

Андрейченко терпеливо ждал, обдумывая, как получить наибольшую пользу от встречи, не забегая вперёд, не форсируя решение главной задачи. Не насторожить Коновальца, не разочаровать, что было бы чревато непредсказуемыми трудностями и губительными осложнениями.

ями на пути к цели. Настраивался на весьма возможную серьёзную проверку. И был готов к ней. Давно освоил, можно сказать врос в «легенду». Иногда ловил себя на том, что к настоящей своей биографии, остававшейся глубоко «за кадром» служебной деятельности, он будто и отношения не имел, другой жизни у него и не было.

И всё же сейчас, сидя в глухом и жутковатом помещении, Андрейченко вдруг ощутил некую неуверенность в случае «экзамена». Опасения не отступали. А ведь от предстоящего знакомства зависело очень многое.

Но вот наконец и вождь собственной персоной – Евгений Михайлович Коновалец. Спокойный, неторопливый в движениях, немного уставший. Продолговатое серьёзное лицо, непропорционально большие, слегка оттопыренные – будто специально для подслушивания – уши, крупный мясистый нос, гладко причёсанные с аккуратным пробором, тронутые серебром тёмные волосы со спадающей на угол изборождённого морщинами лба прядью. Для полного сходства с фюрером Третьего рейха – усики «муха». И в самом деле, было в облике Коновальца некоторое сходство с Гитлером.

Взгляд Коновальца казался холодным, отвлечённым, даже безразличным, однако в нём легко угадывался пристальный интерес к визитёру, попытка разгадать его сущность, настрой.

Постепенно, к удивлению Андрейченко, глава Центрального провода становился более откровенным, простым, доверчивым, общительным. Вопросы задавал со знанием дела, демонстрируя при этом достаточно обширный кругозор. Орешек, по всему виду, крепкий.

Когда ответ Андрейченко на его вопрос звучал резонно и приходился ему по душе, он соглашался с ним; в ином случае корректно давал понять, что дело обстоит несколько иначе. Но как именно, не рассказывал. Как бы пропускал мимо своих больших ушей и переводил разговор в другое русло. Деликатно, почти незаметно. В общем, вождь Центрального провода производил неплохое впечатление. Поначалу.

Андрейченко держался естественно, повторил некоторые свои критические замечания, ранее высказанные в Берлине. С горечью говорил о затухании националистического всплеска среди подпольщиков. Выказал большую озабоченность участвовавшими арестами, что являлось одной из причин общих бед.

Немного помолчав, выжидая, не скажет ли что-либо существенное Коновалец, который внимательно слушал и, видимо, соглашался, Андрейченко добавил:

– Вы знаете, Ваше превосходительство, аресты НКВД наших людей и особенно единомышленников приняли в последнее время почти массовый характер. Это наводит на мысль, что среди нас действует враждебная агентура.

Коновалец пытливо посмотрел на молодого собеседника. Эти слова, казалось, должны были бы снять последние сомнения в его искренности. Но вместе с тем могли и насторожить опытного игрока: не специально ли они сказаны сейчас?

Почувствовав, что последняя его фраза вызвала сложное ощущение у главы ОУН, Андрейченко сказал:

– Собственно, арестовывают и вовсе невиновных, так что с уверенностью говорить о наличии агентуры НКВД в наших рядах тоже трудно. Тем не менее мы, на местах, не исключаем этот фактор. И потому проводим нелёгкую, но крайне необходимую работу.

– И многих арестовывают? – вдруг оживился Коновалец, когда, казалось, к этому вопросу уже незачем было возвращаться.

– Многих, – произнес Андрейченко с сожалением. – Очень многих. Люди в отчаянии.

– Это хорошо, – неожиданно похвалил Коновалец. – Это очень хорошо.

Что он имел в виду? Вероятнее всего то, что аресты вызовут недовольство народа и это приведёт к массовому протесту, бунту, восстанию.

– А вы не перешли бы работать в Центр? – неожиданно предложил Коновалец. – Я слышал о вас хорошие отзывы.

Проверка или нечто другое? Андрейченко понимал, что проверять и сомневаться в нём будут если не постоянно, то довольно долго.

– Мне трудно сейчас ответить на это предложение, Ваше превосходительство. Хотя соблазн есть. Однако решение зависит от многих обстоятельств, которые пока мне неясны. Не говоря уже о том, что я не волен решать единолично.

Андрейченко спокойно смотрел в глаза руководителя ОУН. А тот, переведя разговор на обыденные темы, расспрашивал о жизни в СССР, о роли интеллигенции, её значимости в обществе. Коснулся и настроения людей в СССР в целом и, в частности, на Украине.

Зашла речь и о претензиях подполья к Центру. Андрейченко выражал их весьма деликатно, но со свойственной ему твёрдостью, и в общем рисовал картину, близкую к действительности. Не обходил острых моментов, но и не слишком акцентировал их.

Коновалец слушал внимательно. Неожиданно предложил вместе отправиться в Эстонию. Там по заказу Центрального провода издавалась литература, предназначенная для распространения на Украине.

В Таллине Коновалец подбросил Андрейченко так называемую лимонную корку: возложил на него переброску через Финляндию в Советский Союз националистической литературы.

Сомнений не было: проверка. Мешкать с ответом не приходилось. Вождь ОУН прекрасно понимал, что подсланный человек, агент противной стороны, невольно заколеблется, даже откажется. Если же согласится, то результат не замедлит сказаться.

Это понимал и Андрейченко. Но легче от этого ему не становилось. Времени на раздумья не оставалось. И потому, не мешкая, он согласился. Хотя и заметил Коновальцу, что дело далеко не простое, но поскольку чрезвычайно важное для подполья, постарается выполнить нужное нашим людям.

– Особенно сегодня! – пояснил глава ОУН. – Эти материалы откроют им глаза! Они узнают правду.

Андрейченко выехал в Хельсинки. Один. Такую возможность счёл для себя удачей. Кажется, наконец-то вырисовывался конкретный путь к достижению цели, ради которой столь длительно и старательно городился весь этот огород. Пока не финал. Но он уже проглядывался.

До сих пор попытка перебросить в СССР контрреволюционную литературу проваливалась. Теперь же Андрейченко предлагали невероятно большой её объем. Разумеется, он разгадал замысел главы Центрального провода. Соблюдая полнейшую конспирацию, он из Хельсинки дал знать руководству ИНО НКВД, что удачная переправа через финскую границу нелегальным путём оуновской литературы с последующим её распространением среди подпольщиков на Украине, вне сомнения, станет важнейшим условием для завоевания доверия и выполнения задания.

«Литературную операцию» следовало провести так, чтобы её исполнение не выглядело лёгким, что могло бы вызвать подозрения. Провал же по доставке контрреволюционной литературы засвидетельствует отсутствие у Андрейченко ценных связей и возможностей, благодаря которым ему в оуновской верхушке придаётся большое значение. Его репутация будет поставлена под сомнение.

Тем самым Андрейченко дал понять руководству ИНО, что любых осложнений следует избегать за счёт продуманной подготовки к операции с оуновской литературой.

В Москве столкнулись с весьма щекотливым и рискованным мероприятием. Там прекрасно понимали, что в Центральном проводе будут зорко следить за поступлением в ряды националистического подполья антисоветской литературы. Результаты, надо полагать, непременно станут достоянием руководства ОУН, и это поможет Андрейченко с выполнением задания. С другой стороны, за такое «мероприятие» можно и головой поплатиться. Причём всем, без исключения, задействованным в нём лицам. Ещё никогда не случалось, чтобы органы

НКВД способствовали нелегальной переброске через границу в Советский Союз контрреволюционной литературы, призывавшей «к свержению сталинского режима».

После тщательного изучения всех аспектов столь каверзного вопроса «наверху» скрипя сердце всё же приняли предложение Андрейченко. Одновременно ему дали указание, сославшись на вполне резонные трудности, договориться с руководством ОУН о значительном сокращении объема литературы. Дескать, во избежание провала.

Андрейченко добился этого. Должен был завоевать абсолютное доверие, выполнив порученное задание. Иного выхода не видел.

В итоге оуновская литература попала к подставным лицам или к «сознательным» советским гражданам, которые отправили её в органы милиции и НКВД. Лишь мизерная часть, если не единицы, оказалась у тех, кому она предназначалась Центральным проводом. Большинство этих лиц уже находились под постоянным наблюдением оперативников НКВД и его осведомителей.

Во всяком случае, о поступлении из-за рубежа оуновской литературы было много шума, за ней охотились, её у кого-то отбирали, кто-то добровольно либо от страха присылал её по почте в райкомы партии или просто выбрасывал на помойку, где её тут же находили и относили куда следует.

Так или иначе, факт поступления на Украину оуновской литературы имел место. Ему была дана необходимая огласка, и, естественно, она дошла до берлинской штаб-квартиры ОУН. Достигла и Швеции, куда вскоре прибыл Коновалец на очередную встречу с Андрейченко. Глава ОУН не поспешил на похвалы за доставку в родные края эстонских «подарков», которых «народ с жадной ждёт, и это, безусловно, скажется на его отношении к большевистскому режиму».

Встречи Андрейченко с Коновальцем участились. В основном, они были связаны с поручениями оуновского предводителя, но давал он их деликатно, чтобы не обидеть ответственного посланца подполья. Время от времени Коновалец интересовался ситуацией на «Великой Украине», просил свежих сведений, характеристик ряда ответственных лиц подполья.

Беседы Андрейченко с Коновальцем становились всё откровеннее, доверительнее. По всему было видно, что вождь ОУН возлагал немалые надежды на посланца подполья.

Очередное свидание с ним он назначил в Норвегии. Андрейченко это было более чем кстати. Норвегия тогда считалась единственной страной, освоившей производство «тяжёлой воды». ИНО поручил Андрею Павловичу уточнить её наличие там. В частности, постараться узнать, кому и для чего она предназначается? Какие страны проявляют к ней интерес? В какой степени это относится к Германии?

Андрейченко также надлежало, при возможности и без ущерба для главного задания, установить причину прекратившейся связи местной агентуры ИНО с Москвой. До недавнего времени она поддерживалась регулярно; работавшие здесь люди не вызывали сомнений в надёжности, поступавшей от них информации всегда придавалось серьёзное значение.

В Осло встреча Андрейченко с Коновальцем прошла успешно. ОУН располагала здесь небольшой, но весьма активной сетью, работавшей под контролем немцев. Имелась и другая группа оуновцев, не проявлявших явных признаков национализма. Её люди занимались преимущественно коммерцией, владели солидным капиталом и возможностями, начиная с приёма и переправки грузов за границу и кончая обеспечением следующих транзитом через Норвегию людей паспортами, проездными билетами, деньгами.

О существовании этой группы украинцев-оуновцев, выполнявшей функции перевалочной базы ОУН, немцы не имели ни малейшего представления.

Андрейченко заключил, что оуновские группы располагают в Норвегии гораздо большими возможностями, чем казалось на первый взгляд. В сферу их деятельности, судя по отдельным попавшим в поле его зрения фактам, входили и другие, более важные функ-

ции. Установить их достоверно за один приезд невозможно, всё тщательно и продуманно законспирировано. Андрейченко решил: найдя подходящий повод, приехать сюда самостоятельно, чтобы специально заняться не только выяснением «коммерческой» деятельности группы оуновцев, но и другими вопросами, интересующими руководство ИНО.

Навести справки, а тем паче отыскать людей, осуществлявших до недавних пор регулярную связь с Москвой, не удалось. Люди Коновальца, агенты местной немецкой полиции постоянно попадали в поле зрения Андрейченко. Он стал замечен, за ним следили. Излишняя активность была рискованна. Несмотря на то, что поручения Коновальца и полномочия подполья давали ему легальную возможность находиться в разных странах и интересоваться широким кругом вопросов. Приходилось считаться и с тем, что до конца здесь никто никому не доверял.

Нацисты следили за вождём ОУН и его сподвижниками с обоснованной подозрительностью. В Норвегии прочно засела английская резидентура, интересовавшаяся, кстати, той же «тяжёлой водой», а Коновалец тайно, через подставных лиц, заигрывал с Лондоном. Но затащил он сюда Андрейченко больше ради того, чтобы показать ему, насколько обширны возможности Центрального провода, и тем самым опровергнуть критику о якобы аморфной деятельности ОУН. Разумеется, чтобы тот, вернувшись домой, информировал руководство подполья, что, дескать, дела отнюдь не так плачевны, как пытаются представить это некоторые молодые члены Провода. Существовало, очевидно, и нечто другое, известное лишь самому Коновальцу.

Вернувшись в Берлин, Андрейченко узнал о прибытии из Москвы связного. Как обычно, тот доставил шифровку с предупреждением о необходимости соблюдать осторожность, избегать контактов с немцами, больше внимания уделять окружающим, остерегаться провокаций. Вместе с тем напоминали о необходимости форсировать завершение задания.

Руководство НКВД, судя по всему, нервничало. Подготовительный период затянулся и, по существу, использован пока что самим Коновальцем в интересах Центрального провода. Возможно, обеспокоенность Москвы вызывалась и тем, что генсек интересовался ходом операции.

Андрейченко не исключал и того, что поступившая в страну оуновская литература для украинских националистов вызвала в высшем эшелоне власти негативную реакцию. Двух мнений и быть не могло: контрреволюционные пропагандистские материалы, ввезённые в СССР при содействии НКВД, – как бы этот факт не был оперативно оправдан, – в случае невыполнения задания мог послужить весомым аргументом для привлечения к ответу лиц, причастных к операции.

Андрейченко имел все основания предполагать наличие подозрений и в отношении него самого: «Не работает ли он ещё на кого-то?»

Этот малоприятный «нюанс» всегда оставался в поле зрения руководства НКВД, наученного горьким опытом. Этот «нюанс» не выпускал из вида прежде всего сам генсек. Его настроение тотчас передавалось руководителям НКВД. Молниеносно! Иногда и с опережением и с многократным преувеличением. Не столько из бдительности, сколько от страха.

Но в отличие от руководства НКВД, Сталин был терпелив. По своему обыкновению молчал, вынуждая подчинённых строить самые страшные догадки. Знал, люди переживают, нервничают, мучаются... И все равно молчал, испытывая при этом особое наслаждение. Знал: его окружению хорошо известно, что терпение небеспредельно.

Андрейченко всё это учитывал, прекрасно понимая при этом всю сложность своего положения. Но и спешить, как бы ему самому ни хотелось, не решался. В Норвегии подтвердились подозрения: за ним тянется «хвост», и не только ищек ОУН. Пришёл к выводу, что и немцы проявляют к нему интерес.

Украинским сообщникам нацисты доверяли не во всём. По многим причинам. Это знали, видели и чувствовали все без исключения оуновцы. Немцев, максимально использовавших их, что-то настораживало, а многое раздражало. Стоило кому-либо из украинских национали-

стов выйти из повиновения, соответствующие службы нацистов немедленно расправлялись с ним, не стесняясь в средствах. Абверу то и дело приходилось указывать своим «партнёрам» их истинное место, а тот, кто не понимал этого, плохо кончал. Исчезали оуновцы довольно часто, словно сквозь землю проваливались. Можно было лишь догадываться об их судьбе. Нацисты не церемонились. Иногда проштрафившийся оуновец погибал в автомобильной катастрофе.

Андрейченко всячески старался не попасть под колпак гитлеровских спецслужб, что было непросто и, естественно, сопряжено с опасностью навлечь на себя подозрения. Приходилось лавировать и строго придерживаться взятой за правило манеры поведения: «Ничего не делаю без ведома непосредственного руководителя подполья». Об этом должны были знать все оуновцы, с которыми он общался. При любых условиях – раз и навсегда!

Удачно сложились отношения Андрейченко с двумя влиятельными в ОУН людьми, состоявшими на платной службе в абвере, членами Центрального провода Габрусевичем и Кордюком. У Кордюка он частенько бывал дома, они вместе ходили на собрания, молебны, иной раз выезжали за город на полигон, где молодые оуновцы обучались военно-террористическому делу.

Не без пользы для себя Андрейченко узнал, что инструкторы на полигоне абверовцы-хорваты, окончившие специализированную школу в Венгрии в небезызвестном поместье Янка-Пуста, располагавшемся вблизи границы с Югославией.

С Владимиром Кордюком Андрейченко часто посещал оперу. Тот разбирался в классической музыке, особенно любил Вагнера. Однако музыка действовала на Кордюка странным образом: он замыкался, мрачнел, старался потом выпить, хотя пьяницей не был. В эти минуты в нём просыпалась тоска по родным местам, памятным с детства, он сетовал на бездеятельность организации, подолгу говорил о разочаровании, которое испытывает особенно сильно в последнее время. Жаловался и на обстановку внутри Провода, ругал руководителей, с иронией говорил, что больше приходится воевать со своими, оуновцами, нежели с большевиками. При этом без обиняков называл имена отдельных руководителей ОУН, которые, по его твёрдому убеждению, служат англичанам, французам, а некоторые – и тем, и другим, и даже третьим и четвёртым... Немцам само собой.

– За крупные купюры они хоть чёрту продадут всех и вся. О какой национальной идее тут можно говорить? О какой «Великой Украине»? Нет им до этого никакого дела! – расхохотался подвыпивший Кордюк.

– Низкопробная публика! Всё, что можно, опозорили, испохабили, дискредитировали. Ненавижу их всех!

Андрейченко слушал. Не спорил, но и не поддерживал. Как бы пропускал его слова мимо ушей, не принимая всерьёз. Иногда выражал удивление даваемым Кордюком характеристикам и замечал, что слабости людские можно понять, но он верит, что каждый оуновец выше всего ставит борьбу с большевизмом. И это – главное.

– Как бы то ни было, настоящему борцу тут несладко. Главное, чтобы в наших рядах не произошло раскола, – наставнически заключал Андрейченко. – Раскол – это конец великому делу. Рано или поздно мы своё возьмём. Увидишь!

Кордюк порой молчал, иронически похмыкивая, иногда перебивал и пускался в спор, горячился, доказывая точность своей информации, высмеивал заблуждения Андрейченко:

– Ты здесь наездами, не знаешь истинного положения дел, а я...

Горестно махнув рукой, он замолкал ненадолго и снова пускался в спор:

– Нет, не верю, не верю, что всё это кончится хорошо. Да, да! Это я тебе говорю! Вспомнишь меня!

– Сгущаешь краски, – как бы останавливал его Андрейченко.

Кордюка задевало:

– Я?! Сгущаю?! А немцы разве не используют нас, как то самое резиновое изделие, из аптеки? А потом вместе с ним и нас на помойку. Это тебе говорю я, вспомнишь меня.

После встречи с молодыми оуновцами из группы Рыко-Ярого Андрейченко сделал вывод: в руководстве «Провода» существует серьёзная оппозиция Коновальцу. Разумеется, он и до этого знал о настроениях в организации, но не представлял себе, что её члены столь воинственно и решительно настроены. Не работа ли это нацистов? Не задумали ли они турнуть лидера?

До Андрейченко и раньше доходили слухи, будто немцам не нравилось, что оуновцы называют Коновальца вождём, по-немецки – фюрером, а он не пресекает этого. Напротив, судя по всему, ему это льстит, нацистов же раздражает. Фюрером может быть только Адольф Гитлер!

– Впрочем, – размышлял Андрейченко, – по всей вероятности, это десятая причина. А главная? Пока неясна. С выполнением задания вопрос решится сам собой. Но то, что всё больше оуновцев становятся яркими сторонниками национал-социализма, заставляет задуматься о последствиях этого факта.

Немцы же всячески способствовали вхождению в Центральный провод молодых членов, которые стали задавать здесь тон. Это были наиболее националистически и пронацистски настроенные руководители Организации украинских националистов. Большею частью сыновья униатских священников, поддерживавших тесные контакты с грекокатолической церковью. Все они находились на содержании абвера, гестапо, службы безопасности (СД). Являлись рупором Геббельса или Розенберга, Гимmlера или Канариса.

Между нацистскими бонзами царило далеко не мирное соперничество за верховенство в высшей национал-социалистской иерархии. Оуновцы это знали, и каждый при случае кичился своей причастностью к ведомству того или иного нацистского божка.

Нередко на этой почве у оуновцев возникали горячие споры, что также отрицательно сказывалось на националистическом движении. Чувствуя поддержку высоких нацистских покровителей, молодые члены Провода небезуспешно стали теснить старые кадры, действуя при этом напористо, вызываясь, нередко жестоко.

Андрейченко, считавшему, что предстоящая ему акция близится, такая ситуация была на руку.

Не разделяя в открытую критики молодыми своего провидника (руководителя) Коновальца, он тем самым вызывал у того всё большую симпатию и доверие, что облегчало задачу разведчика. Благодаря этому Андрейченко удалось не только войти с Коновальцем в довольно близкий контакт, но и узнать от него массу ценной информации, которую регулярно передавал в Москву.

Он получил также подробное представление об образе жизни Коновальца, его привычках, характере, манере поведения, что имело немаловажное значение для выполнения задачи.

Атака молодых оуновцев на ядро Провода между тем нарастала. Они пытались склонить Андрейченко на свою сторону, понимая, сколь важно иметь поддержку ответственного представителя украинского подполья. Но тот уходил от ответов, закономерно остерегаясь провокаций.

Вскоре молодые оуновцы пригласили Андрейченко в ресторан, чтобы отметить день рождения одного из своих сверстников – влиятельного члена Провода.

В ресторане его уже ждали в отдельном кабинете за сервированным по всем правилам столом. Поначалу звучали тосты, добрые пожелания юбиляру. Пришлось сказать несколько слов и Андрейченко. Он заметил, что в его бокал подливают особенно активно. Но спить его было трудно, к тому же он умел не превышать нормы.

В малозначащих разговорах прошёл час-другой. Кое-кто, сославшись на уважительную причину, покидал кабинет. Постепенно у Андрейченко складывалось впечатление, что юбилей был надуманным, а покидали застолье в соответствии с заранее согласованным планом.

«Что ж, посмотрим, что дальше», – прикинул он, усмехаясь. Становилось любопытно. Хотя знал, сюрпризы могут быть самые неожиданные: «Мягко стелют, а как спать придётся?..»

Остававшиеся в кабинете оуновцы сгрудились вокруг Андрейченко. Один спросил:

– Родной ты наш земляк, а не кажется ли тебе, что рыба начинает тухнуть с головы?

Ничего не имеешь против этой пословицы?

– Против пословицы не имею, – улыбнулся Андрейченко.

– А не думаешь ли ты, что нам нужен чистый воздух, и есть только один способ добиться этого?

– И против чистого воздуха не возражаю, – посерьёзней Андрейченко. – Скажу прямо: у меня нет достаточных оснований сваливать всю вину за недостатки в нашем движении на кого-либо конкретно. Да и не уполномочен я вникать в это, тем более предпринимать что-либо без указания моего непосредственного руководителя.

– А зачем же ты здесь, если не для того, чтобы помогать организации? – С явным вызовом спросил другой оуновец. – И дальше будем спокойно созерцать, как она деградирует?

– Прежде всего, я здесь для того, чтобы информировать Провод о положении в подполье, стремлениях его отцов, уточнении координационных действий и, конечно, выполнении особых поручений.

Его прервали:

– Что-то долго ты информируешь. А что до поручений, то нам они неизвестны.

Андрейченко отметил явный подвох в словах оуновца. Да и вообще портить отношения с молодым руководством он не намеревался. Избегал этого всячески. Потому сказал спокойно:

– Вот что скажу вам, мои родные хлопцы: понимаю вас. Понимаю ваши желания и ваше нетерпение. Разумею, что вы руководствуетесь высшими интересами нашей общей священной идеи. Но решать вам, а не мне. В душе я с вами. Не осуждайте солдата – у него свои правила. . .

– Жаль. Не глупый ты дядька. Но и понять тебя можно, – заключил оуновец и, обращаясь к дружкам, добавил: – Видать и вправду иначе не может.

Ему не возразили.

– Не сердчайте, братцы, – душевно произнёс гость, приветливо улыбаясь. – Мне пора. Благодарю за вечер и внимание. Слава ридной та Велькой Украине!

И он ушёл.

Разговор с молодыми оуновцами Провода основательно обеспокоил Андрейченко. Он не исключал, что, почувствовав опасность, Коновалец и его ближайшее окружение наострят уши, усилят охрану, примут бог весть какие меры предосторожности, ограничат общение с ним. Такие мысли не давали покоя. Надо было форсировать выполнение задания. Но как, если обстановка не позволяет?

Спустя несколько дней в Вене, в опере, где рядом с Коновальцем сидел Андрейченко, он убедился, что его беспокойство не беспочвенно. За спиной два оуновца, следивших за каждым движением любого, кто находился вблизи вождя и его гостя. Могли ли они подумать, что сосед, на которого они внимания не обращали, прислушивается к их откровенному разговору. Соседом был. . . курьер из Москвы, связной ИНО НКВД, капитан госбезопасности Пётр Зубов. Наутро он рассказал Андрейченко, что слышал кое-что из его разговора с Коновальцем, разговора охранников, видел их настороженность. Но и Зубов не подозревал, что позади него сидел бывший полковник петлюровской армии Роман Сушко, также отвечавший в тот вечер в опере за безопасность провидника. Но и тот не мог знать, что смотрит в затылок чекиста, привезшего Андрейченко «деталь», которой предназначено сыграть главную роль в операции «Ходики».

У вождя украинских националистов были веские причины обеспечивать себя столь внушительной охраной. И не только потому, что он имел все основания опасаться агентов НКВД. Его руки были обагрены кровью большевиков, безвинных русских, белорусов, евреев, поляков, но ещё больше – украинцев, семьи которых по его приказу вырезались без разбора. Правда, это происходило во время Гражданской войны и в первые годы после её окончания. Постепенно банды оуновцев были разгромлены; подполье на Украине большей частью взято под контроль, что позволяло следить за действиями возникшего за границей Координационного центра ОУН. Вместе с тем и в этот период случались разбои, выдававшие оуновский подчёрк.

Угроза исходила и изнутри оуновского движения. Недовольство Коновальцем выражали его вчерашние единомышленники, которые пока ещё оставались вроде бы союзниками, но при первой же возможности готовы были свести с ним счёты.

Во всяком случае, Коновалец уже не обладал прежним влиянием, да и сам всё больше сомневался в своих борцах. Его положение было зыбким. Держался, пока ещё существовало обстоятельство, скреплявшее украинских националистов с организацией. В определённой мере этому способствовали нацисты, всё ещё возлагавшие на ОУН немалые надежды. Тоже зыбкие. Не находя ничего другого взамен, они, видимо, решили, что на безрыбье и рак – рыба.

Повторялась участь всех белоэмигрантских организаций, замкнутых в себе на протяжении многих лет. Беспочвенные подозрения и недоверие привели к болезненной настороженности; люди остерегались друг друга, лицемерили, двурушничали, клеветали, даже открыто враждовали. Молодое поколение разочаровывалось в старшем. Разрушались отношения Коновальца со сподвижниками, соратниками, идеалистами.

Не от хорошей жизни искал он протекции у одних и предавал других. «Немецкая корова» всё меньше позволяла доить себя и всё больше выказывала свою норовистость, всё чаще опрокидывая подойник с молоком.

Это вынуждало лидера ОУН потихоньку заручаться добрым отношением французской «козы», для чего он иногда наведывался в Париж. Второе бюро Генерального штаба Третьей республики знало цену главе Центрального провода, трезво оценивало возможности его боевиков. Молочный ручеек тёк очень слабо, с перебоями. Нацедить удавалось крайне незначительную порцию, к тому же с отталкивающим привкусом. Похоже, с Коновальцем имели дело как бы на всякий непредвиденный случай.

С французскими спецслужбами вождь ОУН был связан ещё со времён Гражданской войны на Украине. Способствовал тому Симон Петлюра, к которому Коновалец относился с искренней теплотой. Чувство это сохранилось и после того, как на парижской улице среди бела дня некий Шварцбард убил Петлюру выстрелом из револьвера.

Убийцу схватили, заточили в тюрьму, судили. И... оправдали. Сочли его действия заслуженной карой за учинённые погромы, унёсшие жизни многих тысяч евреев и украинцев.

В Париж на свидание с Коновальцем по его просьбе приехал Андрейченко. Порученец провидника, встретив его на вокзале, предложил ему сопровождать Коновальца на кладбище, где похоронен Петлюра, чтобы поклониться праху покойного.

Предложение было неожиданным. Более двадцати украинских родственников Андрейченко, среди которых шестеро детей, в том числе грудной, зарубили петлюровцы. На всю жизнь запомнились лужа крови, изрубленные тела деда и бабушки, остальных родных. И вдруг такое предложение!

– Да, конечно! – только и оставалось ответить Андрейченко.

Коновалец встретил его у самого входа на кладбище. Пожав руку, пристально уставился в глаза Андрейченко, надеясь увидеть в них реакцию на свидание в столь необычном месте.

«Неужто не надоело?!» – подумал разведчик, заметив изрядно опротивевший ему этот взгляд искоса. Однако с благодарностью в голосе произнес:

– Искренне тронут оказанной честью...

И они пошли к могиле Петлюры. Коновалец впереди, гость следом, рядом с тем же Ярославом Барановским, как тень следовавшим за провидником. Его лицо с печатью угрюмости заметно осунулось, приобрело землистый оттенок.

За посетителями неотступно следовали двое рослых телохранителей. Один из них нёс дорогостоящий терновый венок, увитый позолоченными листьями, символизирующими тернистый и одновременно овейный славой путь усопшего. Поодаль шёл второй охранник. Третий следил со стороны.

Андрейченко неожиданно спохватился: у него в руках не было традиционных для такого момента цветов. Через дорогу цветочный магазин. Ларьков с цветами и венками по обеим сторонам улицы, упирающейся в кладбище, не счесть. Но возложить цветы на могилу убийцы Андрейченко не мог даже при явной необходимости сделать это. Понимал, что поступает неправильно, неумно, недальновидно, что такой поступок может насторожить провидника, но пересилить себя не мог.

Евгений Коновалец со скорбным видом возложил венок на могилу, низко склонил голову и замер в задумчивом молчании. Переживания были искренними, на землю упала настоящая слеза.

Однако горестному чувству он предавался недолго. Несколько секунд спустя он, резко вскинув обнажённую голову, артистично закатил глаза к небу, зашевелил губами: то ли произносил молитву, обращаясь к Всевышнему с мольбой смилостивиться над грешником, то ли, изображая молящегося, думал совсем о другом.

Андрейченко осенило: коль скоро разыгрывается спектакль, то он, один из его участников, должен исполнить и свою роль. Сгрёб с могилы горсть земли, аккуратно завернул в носовой платок и стал засовывать в карман, будто хотел выполнить всё это незаметно для окружающих. Обнаружив, что Коновалец наблюдает за ним, объяснил:

– Высыплю в Киеве. На высоком холме. И посажу там добрый дубок.

Провидник внимательно посмотрел на Андрейченко и, по всей вероятности поверив ему, трогательно пожал его локоть:

– Дякую, друже. Дякую. Слава України. Та слава велькому, незабвенному, нашему рідному батьке Симону! Щоб земля ему була пухом.

Вождь ОУН трижды осенил себя крестным знаменем, грустно наморщил лоб, нахмурил взъерошенные брови, собрал в трубочку губы и протяжно вздохнул.

Кажется, с той минуты Коновалец стал относиться к Андрейченко без прежнего настороженного недоверия. И разговор их в тот день был долгим и продуктивным. Провидник излагал свои планы дальнейшей борьбы с москалями за самостийную «Великую Украину», делился планами, высказал ряд любопытных мыслей. Одновременно пожаловался на непонимание его отдельными членами Провода, с мнением которых нередко вынужден считаться вопреки своей воле.

В ту же ночь они разными поездами выехали из Парижа в Вену. Условились встретиться в доме Романа Сушко. Там намеревались доработать программу активизации подполья на «Великой Украине».

Глава 8

В назначенный час Коновалец на квартиру Сушко не прибыл. Не явился и его доверенный Ярослав Барановский. Никто не мог понять, в чём дело. Вождь в подобных вопросах был чрезвычайно аккуратен.

Беседуя с Романом Сушко о делах ОУН, Андрейченко, высказал озабоченность отсутствием провидника, поделился соображениями о необходимости беречь его, заботиться о его здоровье – не молод все-таки, и прежде всего обеспечивать ему надёжную безопасность: «сюрпризов» можно ожидать с любой стороны, в том числе от НКВД.

Сушко, хорошо знавший ситуацию, отреагировал на советы Андрейченко сдержанно, без всякого энтузиазма:

– НКВД существует давно. Набедокурил он немало и повсюду. Но почему мы должны ждать от него сюрпризов больше, чем от других наших «друзей»?

Андрейченко понял, что бывший полковник на всякий случай прощупывает почву. И потому ответил:

– Ситуация в мире меняется. В воздухе пахнет порохом. В этих условиях угроза становится очевиднее. И чекисты могут подумать о превентивных мерах. В этом отношении они горазды более, чем кто-либо другой...

– Логично, хотя... – заметил Сушко и осёкся.

– Кутепова ликвидировали? – напомнил Андрейченко. – Причём так, что никто не успел и глазом моргнуть, хотя охраняли его по всем правилам и со знанием дела.

– Охранять надо. Вы правы. Но один умник сказал: «Нет такого человека, которого невозможно убрать».

Андрейченко почему-то подумал о Сталине, ему стало не по себе. По спине пробежал холодок.

Сушко помолчал, потом так же флегматично спросил:

– Всё же, полагаете, исчезновение Кутепова – дело рук большевиков?

– Несомненно.

– Почему?

– Больше некому.

– Это не доказательство.

– Конечно. Но утверждать можно почти с полной уверенностью. Популярность генерала Кутепова, выразителя дум и чаяний гражданской и военной эмиграции, была достаточно высока среди белого офицерства. Прозевали непростительно.

– Возможно.

– Уверен! И дорожка, бесспорно, ведёт в Москву.

– Предположим. А генерал Миллер?

– Аналогичная картина. Так же внезапно, так же бесследно и так же чудовищно! Кутепов и Миллер были организаторами целого ряда крупнейших диверсий на территории СССР. И, насколько я слышал, готовили ещё более серьёзные диверсии против большевиков. Так что убрать их больше всех жаждали именно они, именно они и совершили эту акцию. Ясно, как божий день!

Андрейченко говорил уверенно, эмоционально, убедительно.

Сушко слушал с отсутствующим видом. Чувствовалось, его мысли заняты чем-то другим. Да и понимал, что от Андрейченко ничего интересного или полезного не услышит. Всё, что тот говорил, давно ему известно.

Сушко взглянул на часы. Видимо, отсутствие провидника беспокоило его. Сушко, человека скупого на слова и небесхитростного, опыт научил никому не доверять. Но и подозревать всех и вся утомительно. И всё же последнему отдавалось предпочтение.

Роман Сушко был одним из главных и активных руководителей нашумевшего в 1921 году рейда банды Тютюнника из Польши на Украину. Банда насчитывала около трёх тысяч клинков, располагала станковыми пулемётами, несколькими лёгкими пушками. В её задачи входили походы «восьмёрок», провоцирование на пути следования восстаний крестьян, недовольных продовольственной развёрсткой Советов.

Продвигаясь вглубь страны, банда оставляла на местах небольшие группы своих людей для организации повстанческого движения. Этим процессом руководил полковник Сушко. На Волыни, в частности, он посадил небольшую группку во главе с жестоким и ловким организатором, известным под кличкой «Киртеп».

В кратчайший срок Киртепу удалось сколотить хорошо вооружённый отряд из семисот боевиков, объявивших себя «Волынской повстанческой армией». Лишь через год с небольшим её ликвидировали житомирские чекисты во главе с Потажевичем.

Так же была разгромлена банда Тютюнника. Вблизи местечка Базар её настиг и полностью уничтожил кавалерийский корпус Котовского. Но Сушко и Тютюннику удалось вместе с небольшой охраной бежать в Польшу. По дороге полковник Сушко расстрелял начальника штаба тютюнниковского отряда, галицийского немца полковника Отмарштейна. На него командование националистов свалило ответственность за провал банды.

Всё это было давно. Но с тех пор неудачи стали неизменными спутниками Сушко. Он взбадривал себя, но червь сомнения в том, что борьба даст желанные результаты, всё глубже вгрызался в его душу. То и дело возникала чуждое его характеру безразличие ко всему происходящему. Но внезапно он загорался, словно готовый мгновенно вскочить в седло, взмахнуть пашкой. Правда, такое состояние длилось недолго.

Сонными глазами Сушко снова взглянул на часы. Третий час пошёл с тех пор, как должен был появиться Коновалец. Беспокоился и Андрейченко.

Неожиданно объявился Барановский, о чём-то осведомился у хозяина квартиры и сразу же исчез. Следом, не сказав Андрейченко ни слова, вышел Сушко. Вскоре Сушко вернулся и сообщил Андрейченко, что Коновалец подойдет с минуты на минуту.

Действительно, не прошло и четверти часа, как в сопровождении того же Ярослава Барановского появился Коновалец. А с ним известная оуновка Анна Чемеринская – красивая, молодая, энергичная террористка. Ещё в тридцать первом году, когда член ОУН Мацейко застрелил министра внутренних дел Польши Бронислава Перацкого, Аня помогла убийце бежать через Карпаты в Чехословакию и оттуда некоторое время спустя переправиться в Аргентину. Там при её непосредственном содействии он влился в орудовавшую на Американском континенте абверовскую агентурную сеть.

Нацисты высоко ценили заслуги Чемеринской. Их ставленник в Австрии Зейсс Инкварт, главарь местных национал-социалистов, предоставил ей в центре Вены со вкусом обставленную квартиру, а за городом небольшую, расположенную в живописном месте уютную виллу. Заместитель фюрера и главный расистский идеолог Альфред Розенберг распорядился закрепить за ней автомобиль.

В сумочке, с которой Чемеринская не расставалась, всегда лежал небольшой револьвер. Не столько для уверенности, сколько для пушек важности, некой саморекламы... Она постоянно носила припрятанную на талии и легко извлекаемую из потайного кармана золингенговскую бритву, с которой обращалась мастерски.

В беседе с Андрейченко Аня Чемеринская сетовала на то, что, если русские часто вспоминают своих героинь, таких, как, например, княгиня Волконская, то украинцы о своих из ложной скромности помалкивают.

Андрейченко усмехнулся: княгиня Волконская ничем не походила на отъявленную террористку. Он возразил: «Украина знает и чтит своих героинь, к примеру Ольгу Бессараб, казненную поляками». И все же признал, что сами украинцы, и прежде всего ОУН, повинны в том, что недостаточно заботятся о популяризации своих выдающихся женщин, как это делают москальи.

При первом же знакомстве Андрейченко запомнился Чемеринской своим умом, тактом, мужественной внешностью. Впоследствии Коновалец частенько передавал ему поклоны от Ани.

Вот и сейчас, увидев Андрейченко, Чемеринская приветливо улыбнулась ему, а вождь ОУН нахмурился. Последнее время это выражение лица стало для него обычным, словно он старался подражать своему доверенному, вечно хмурому Ярославу Барановскому.

Не дав провиднику договорить, чего прежде никогда не случалось, Барановский завёл разговор с критикой работы контрразведки подпольщиков на Украине. По его мнению, главная причина произошедших в сети подполья провалов и последовавших за ними арестов, высылки целых семей в Сибирь на принудительное поселение кроется в том, что энкавэдистам удалось внедрить своих осведомителей не только в среду подпольщиков, но и в контрразведку подполья.

Слушая Барановского, отвечавшего в ОУН за безопасность, Андрейченко решил, что эти высказывания, по всей вероятности, неслучайны и, возможно, что-то серьёзное замышляется и против него самого. Судя по тону Барановского, тот абсолютно уверен в наличии большевистской агентуры и в самом руководстве националистического подполья.

Андрейченко заметил в ответ, что по этому поводу уже высказал свое мнение Его превосходительству.

– По крайней мере, до моего отбытия с Великой Украины никому подобная мысль и в голову не приходила, – парировал Андрейченко. – В нашем руководстве, как вы знаете, серьёзные люди.

Неожиданно Барановский жёстко спросил:

– И вы никого из руководителей движения не подозреваете?

Андрейченко, удивлённо глядя в глаза Барановскому, подчёркнуто недовольным тоном ответил:

– Некоторое время назад, повторяю, я высказывал Его превосходительству своё опасение в том, что наличие вражеской агентуры в подполье не исключено. В то же время подозревать можно не кого-то вообще, а конкретного человека, располагая при этом точными фактами. Если бы они имелись у нас, все точки над «i» были бы сразу поставлены. Это отнюдь не означает, что данный вопрос никого в подполье не беспокоит. Разоблачений более чем достаточно, и все виновные получили по заслугам.

Андрейченко помолчал и, несколько изменив тон, добавил:

– Мы переживаем не самые лёгкие времена. Немало различных голосов, кстати, я слышу и здесь. Но меньше всего хотелось бы необоснованным подозрением вносить раздор в нашу среду. Это немедленно скажется на положении и деятельности организации. Тем самым мы только окажем услугу москалям. Но пока, как видите, руководство подполья, да и я, живы и невредимы. Осмотрительность, бесспорно, нужна во всем. Но в меру. В противном случае будем рубить сук, на котором сидим.

Барановский, слывший тугодумом, посмотрел куда-то в сторону, потом покосился на Коновальца и Чемеринскую, молча наблюдавшими за перепалкой связного подполья и главы

оуновской «безпеки», стараясь, видимо, обнаружить в поведении посланца родных краев какую-либо фальшь. На протяжении всего разговора провидник не проронил ни слова.

Из всех членов Центрального провода Барановский особенно славился грубостью и непримиримостью, злопамятством. Его боялись и остерегались, многие вообще избегали попадаться ему на глаза. В его руках была сосредоточена вся сеть нелегальных связей Центрального провода с Волынью и Галицией; он по-прежнему возглавлял «безпеку» в ОУН, а также, что немаловажно, распоряжался денежными средствами для низших звеньев. Только после его одобрения назначались или снимались с постов вожаки подразделений ОУН.

Это он, Барановский, категорически потребовал от украинского подполья создания малочисленных, но обязательно независимых друг от друга и хорошо законспирированных групп. Именно из них, по его мнению, следовало отбирать наиболее способных молодых украинцев для их внедрения на службу в НКВД.

Андрейченко охотно поддержал в этом Барановского, сочтя его предложение разумным и логичным. Но тот продолжал недоброжелательно поглядывать в его сторону. Невольно Андрейченко подумал, что не зря провидник доверил Барановскому столь высокую в ОУН должность.

Барановский долго и придирчиво проверял Андрейченко, но, видимо, ничего предосудительного не обнаружил. Тем не менее продолжал относиться к нему с нескрываемым недоверием. Делал это без всякого стеснения, преднамеренно стараясь унизить не только его, но и вообще руководство подполья на Украине.

Андрейченко деликатно ставил на место доверенного провидника, подчас делал вид, будто не относит к себе его выпады, либо давал понять, что считает ниже своего достоинства дискутировать с ним.

Оставаясь наедине с самим собой, Андрейченко ещё и ещё раз критически анализировал своё поведение и каждый раз приходил к мысли, что Барановского, очевидно, не обманывает «шестое чувство». Оставаясь верен ему, тот продолжал наблюдать за связным подполья, время от времени провоцируя, устраивая ему ловушки.

На очередной встрече с Андрейченко Барановский завёл разговор о намеченной им новой программе действий, более широкой, чем прежняя, и сказал, что хотел бы узнать его мнение о ней. Андрейченко согласился, но предупредил, что будет принципиален и ни о каких снисхождениях не может быть речи. Закончив беседу, Барановский сообщил Андрейченко, что провидник назначил ему очередную встречу в Париже.

Накануне отъезда Андрейченко передали, что с ним хочет встретиться представитель ОУН в Чехословакии Емельян Гржибовский.

Предложение насторожило Андрейченко. Три с лишним года назад в Финляндии, когда он впервые нелегально перешёл границу, Гржибовский проявил к нему острое недоверие. Он предложил представителю Центрального провода в Хельсинки оставить гостя в Западной Европе, установив за ним постоянное наблюдение, и одновременно провести в подполье тщательную проверку: чем он там занимался, кто его знает лично, с кем поддерживает связь, чем проявил себя, кто из руководителей конкретно с ним работал, имел ли он ранее отношение к оуновцам, арестованным ОГПУ или НКВД.

Гржибовский тогда специально задержался в Хельсинки, предвкушая, как он сам конфиденциально доложит Центральному проводу о «добром улове». Он частенько навевался к Андрейченко на квартиру, подолгу с ним беседовал о положении в подполье и вообще на Украине, касался причин провалов и арестов, расспрашивал о мерах предосторожности, принятых руководством движения.

Рассуждая на отвлечённые темы, Гржибовский вновь и вновь пытался прошупать взгляды Андрейченко, касавшиеся его оценки националистических настроений в народе, перспектив подполья. Конечно, он был не настолько глуп, чтобы рассчитывать поймать гостя на какой-либо

словесной оплошности. Но надеялся уловить фальшь, которая непременно должна всплыть на поверхность, как масло на воде.

Андрейченко всё это понимал и, хотя ему не стоило больших усилий отвечать на вопросы Гржибовского, беседы с ним оставляли неприятный осадок, вселяли беспокойство, хотя его легенда и была всесторонне продумана.

Положение Андрейченко во время пребывания в Хельсинки было незавидным, оно могло закончиться провалом. Настороженное окружение, накалённая атмосфера, вдобавок неизбежное общение со злобными, мстительными, фанатично настроенными националистами, бежавшими из страны, где ими были совершены тяжкие преступления, вплоть до убийств, создавали для Андрейченко невыносимые условия совместного с ними проживания. Моментами он чувствовал, что не выдержит. Одно мало-мальски авторитетное свидетельство против него могло оказаться достаточным для немедленной расправы. Собственно, к этому и вёл дело Гржибовский.

Только благодаря тому, что в Хельсинки он случайно встретил знакомого по подполью на Украине Дмитрия Андриевского, бежавшего за границу из-за грозившего ему ареста и пользовавшегося здесь определённым влиянием, Андрейченко удалось уйти от подозрений. Это и дало ему возможность выехать в Берлин.

Дмитрий Андриевский, тогда представитель ОУН в Бельгии, работал в брюссельской ратуше архитектором, жил в достатке, вёл себя просто, но в то же время был труднодоступен, держался в стороне от радикально настроенных членов Центрального провода.

Все эти годы Андрейченко поддерживал с ним хорошие отношения, бывал у него дома, где они вели долгие беседы на самые разные темы. И в первую очередь о будущем Украины, положении подпольщиков, эмигрантов, обстановке на мировой арене...

Андриевский был интересным собеседником, трезво оценивал положение в националистическом движении и в то же время оставался ярым противником Советов.

...И вот сейчас перед Андрейченко стоял тот самый Гржибовский. Но теперь от бывшего Гржибовского в нём мало что осталось: осунувшееся лицо, бегающие глазки, жалкий, растерянный вид... По иронии судьбы он приехал в Вену специально для того, чтобы просить Андрейченко выручить его из беды, переговорить о нём с Коновальцем.

Андрейченко в роли защитника Гржибовского – далеко не лучший выбор, но, видимо, иного не нашлось. А положение оказалось более чем серьёзным, даже опасным.

Дело заключалось в том, что во время начавшейся недавно в Польше серии процессов против одного из руководителей ОУН Степана Бандеры и его сообщников, замешанных в убийстве польского министра внутренних дел Перацкого, Гржибовский не проявил должной предусмотрительности и расторопности, что, судя по всему, грозило ему гибелью. Жил он в Праге, где представлял Организацию украинских националистов. О её существовании и деятельности чешские власти знали и относились к ней лояльно.

Но на судебном процессе всплыли факты, указывавшие на то, что нити преступления тянутся в резиденцию украинских националистов в Праге. Поляки реагировали на это обстоятельство бурно и болезненно. И чехи решили отмежеваться от оуновцев: окружили их офис в Праге, учинили обыск, изъяли секретный архив.

Поляки тотчас потребовали выдать им этот архив. И чехи были вынуждены выдать...

Заполучив оуновские документы, поляки использовали их в интересах обвинения на процессе, доказав, что Бандера причастен не только к убийству министра внутренних дел Перацкого, но и к целому ряду других диверсионно-террористических актов, направленных против Польского государства.

От Бандеры, находившегося в польской тюрьме, последовал приказ своим подельникам о незамедлительном уничтожении Гржибовского как предателя интересов украинского националистического движения.

Гржибовский заметался. Потерял покой. На протяжении многих лет он являлся одним из ведущих деятелей ОУН, считался сподвижником самого «вождя», ещё со времен Гражданской войны стоял у истоков создания Организации украинских националистов. Но вина его была очевидна, и ему, несмотря на высокое положение, предстояло принять кару, которую ещё совсем недавно по его приказу применяли в отношении других.

Встретившись с Андрейченко, Гржибовский попросил во время беседы с провидником объяснить ему, что без указания Центрального провода он не имел права вывозить из своей резиденции архив ОУН, тем паче что никогда и в мыслях не допускал нелояльности чешских властей по отношению к ОУН. Что начиная с бывшего президента Масарика и вплоть до нынешнего Бенеша, Чехословакия всегда оказывала украинским националистам моральную и финансовую поддержку. Это, кстати, соответствовало действительности.

Андрейченко пришлось извиниться: он далёк от всех этих дел и, к великому сожалению, не сможет содействовать Гржибовскому.

Встреча Андрейченко с Коновальцем состоялась в Париже на квартире члена ОУН Бойко, редактора газеты «Украинское слово». Она издавалась во Франции и распространялась в Западной Европе, США, Канаде, Австралии, Латинской Америке.

В Париже Андрейченко стало известно что, несмотря на отчаянные старания, Гржибовский доказать свою непричастность к изъятию чехами архива ОУН не смог. Его оправданий никто не принял во внимание, даже не удосужился выслушать. Гржибовскому отрубили голову...

При встрече с Коновальцем Андрейченко как бы между прочим обмолвился об этом деле, но расправа с человеком, служившем ОУН и ему лично верой и правдой на протяжении многих лет, вождя, видимо, мало тронула. Он поспешил сменить тему разговора на уточнение некоторых деталей, касавшихся активизации украинского подполья, а также мер по защите от проникновения в него агентуры НКВД.

Коновалец предложил Андрейченко познакомить его с Николаем Сциборским, назначенным неделю назад представителем ОУН во Франции. И одновременно довольно красочно рассказал историю, связанную с арестом этого самого Сциборского органами НКВД и с тем, как он обвёл их вокруг пальца.

Николай Сциборский некоторое время назад действительно был арестован НКВД за националистическую, антисоветскую деятельность, причастность к диверсионно-террористическим акциям на территории Советской Украины.

На следствии он раскаивался, называл сообщников, явки, связи, выдал материалы, документы, часть которых, как оказалось позже, были фальшивыми. Высказывая сожаление о содеянном, мотивировал свои поступки заблуждением, давлением на него руководства оуновского подполья.

Сциборский заинтересовал начальство республиканского НКВД. В нём нуждались. И это стало главным аргументом. Преступник был образован, владел несколькими иностранными языками, пользовался доверием руководителей местной оуновской организации. И в НКВД, поразмыслив, обсудив обстоятельства, решили рискнуть – привлечь агента ОУН на свою сторону.

Сциборский долго не поддавался. Тянул, темнил, канючил, разыгрывал из себя наивного, неспособного, несведущего в подобных делах. Даже заявил, что ему не справиться с такими сложными поручениями. А на него продолжали наседать, под конец пригрозили. И он сдался. Подписав согласие сотрудничать с органами НКВД, обязался не разглашать эту тайну, заверил, что будет добросовестно выполнять все поручения.

Ему поверили. Сциборский знал, что нарушение обязательств грозит наказанием. Его предупредили об этом. Более того, пригрозили: вздумает отклониться от обязательств – прощения не будет, с НКВД не шутят. А он-де молод и понимает, что жизнь даётся один раз...

Тут уж он не поспешил на заверения. И в НКВД рискнули. Выпустили. И... прогадали.

Едва оказавшись на свободе, Сциборский связался с руководителями ОУН, которых на следствии не назвал, передал им ставшие ему во время заключения известными сведения об агентуре НКВД среди националистов, рассказал о данной им подписке о сотрудничестве.

Оуновцы незамедлительно расправились с названными Сциборским. Пострадали и совершенно невинные, не имевшие никакого отношения к НКВД. Убивали даже тех, кто случайно оказывался рядом. Чтоб без свидетелей. Уничтожали, как правило, вместе с родными и близкими. Невзирая на пол и возраст.

Коновалец рассказывал всё это Андрейченко с нескрываемым удовлетворением. Связывал с проводимыми и предстоящими ОУН организационными, пропагандистскими диверсионно-террористическими акциями. Он давно не испытывал такого воодушевления.

Предложение Коновальца встретиться с Сциборским обеспокоило Андрейченко. Не исключено, что тот мог видеть его в здании НКВД, в чекистской форме. В таком случае встреча может оказаться роковой.

Андрейченко тотчас же информировал ИНО НКВД о неудавшейся вербовке Сциборского. Он знал приметы и биографию оуновца, подробности его измены, последовавших вслед за ней казней. А также идейные установки, образ жизни. Знал Андрейченко и о постановлении Особого совещания о Сциборском, пока невыполненном. Но не знал, что беглец находится во Франции, представляет ОУН в Париже.

Повинен в том был НКВД. И, естественно, кое-кто стоявший над ним, с кем чекистское ведомство не могло не согласовывать свои действия. В таких экстремальных случаях отвечали, как обычно, стрелочники.

Сотрудников Особой группы НКВД, работавших до недавнего времени во Франции, отозвали в Москву. Подавляющее большинство репрессировали.

Те из вчерашних «закордонников», кто выжил, кому «повезло», оказались заключёнными на длительные сроки в тюрьмах в условиях строгого режима. Их «вина» состояла в том, что они знали то, что должно было вместе с ними уйти в мир иной. Такова была установка НКВД, санкционированная Сталиным.

Служил чекист-нелегал честно и преданно Отечеству, рисковал каждый день жизнью, нередко погибал за кордоном, не увидев Родину, близких. В иных, более многочисленных случаях, когда совсем уж не везло, погибал как «враг народа». Без некролога, без имени, без могилы.

«Счастливики», угодившие в крохотные тюремные камеры, большей частью погибали, не выдержав длительных и невероятно тяжких условий заключения. Для других проходил «суд» либо издавалось специальное постановление, и вынесенный им приговор – расстрел – воспринимался ими едва ли не как благо.

Глава 9

На смену арестованным и уничтоженным сотрудникам ВЧК, ОГПУ и НКВД пришли по спецнабору из партийных ведомств немало плохо образованных, некомпетентных в оперативном деле молодых людей, часто непригодных к разведке. Их работа зачастую походила на трескотню мотоциклетного моторчика, установленного на крейсере: он силится, пыхтит, содрогается от напряжения и бессилия, а судно между тем течением относит на мель.

Немало значило и то, что мировоззренчески и нравственно это было уже иное поколение. Поколение «могильщиков».

И занимавшиеся Сциборским скороспелые чекисты были неопытны, а потому беспомощны. Конкретное дело подменяли политической демагогией, всеобщей подозрительностью, именовавшейся «классовой бдительностью», и, разумеется, демонстрацией советского патриотизма. Всё это способствовало карьере, славе.

В шестерни добротного механизма попадал песок. Учащались сбои. Они раздражали генсека, что сказывалось на самих чекистах, срывающих зло на народе. И ударяло по ним же бумерангом.

Тем же, кто искренне стремился освоить тайны совершенно незнакомой им профессии разведчика – выучиться оперативному мастерству, приобрести необходимый опыт без ощутимых потерь и угрызения совести, – учиться было не у кого.

Из старой гвардии опытных, честных, принципиальных, глубоко идейных, с развитым чутьём разведчика, высокообразованных чекистов при деле остались единицы. Возможно, по злему умыслу. Или недомыслию, непониманию того, что данный участок жизни государства важен как хлеб насущный. Но и чудом уцелевшие чекисты большей частью были душевно смяты, запуганы, деморализованы атмосферой произвола.

Не будь этого, чекисты-нелегалы из бывшей Особой группы, устранившие выдающихся противников советского режима – генерала Кутепова и грозившего калёным железом отомстить за него генерала Миллера, давно бы отыскали хоть на краю света и надёжно «упаковали» беглого оуновца Сциборского.

Сциборскому повезло. Он с полным спокойствием мог ещё долго представлять ОУН в столице Франции, не без основания гордясь своей победой в зловещем поединке с грозной в недавнем прошлом службой чекистов.

Вождь ОУН Коновалец взалхлеб превозносил «героизм» Сциборского, называл его «потрясающим», «историческим», «выдающимся».

С тяжёлым сердцем слушал его Андрейченко. Становилось обидно за державу, за своё родное и, чего греха таить, неблагодарное ведомство.

Но в данный момент его больше заботила перспектива встречи с Сциборским. Ничего хорошего она не сулила. Необходимо было срочно что-то придумать, чтобы избежать её. Каждая минута сейчас дорога, как жизнь! И пока Коновалец, находясь в прекрасном расположении духа, развивал свои идеи, Андрейченко обдумывал выход из сложившейся ситуации.

Глава ОУН говорил о предстоящей встрече с Сциборским как о деле решённом, не видя тому никаких препятствий; согласие Андрейченко его не интересовало.

Андрейченко не хотелось разочаровывать провидника, однако риск был слишком велик. И потому, стараясь, чтобы его голос звучал ровно, спокойно, не выдал бы волнения, заметил:

– Если Сциборский действительно был в руках большевиков, а судя по всему это имело место, и его, как вы сами, Ваше превосходительство, сейчас сказали, завербовали, то, надо полагать, он находится под пристальным наблюдением агентов москалей.

– Вы так полагаете? – насторожился провидник. – Интересно.

– Двух мнений быть не может, – сдержанно, но чётко произнёс Андрейченко. – Есть ли смысл мне встречаться с ним? В ближайшее время я должен, как вы знаете, вернуться в родные края. Где гарантия, что после встречи с Сциборским под колпаком разведки москалей не окажусь и я? А это чревато угрозой подполью. Его руководителям, о себе уж не говорю. Методы НКВД мы, слава богу, хорошо знаем. Многозначительно помолчав, добавил: «И Вам, Ваше превосходительство, надо быть осторожнее. Честно говоря, не люблю встречаться с людьми, побывавшими в лапах НКВД. Не хочу бросать тень на Сциборского. Упаси господь! Но, судя по вашему рассказу, он слишком беспечен в своем теперешнем положении. Кому-кому, а ему-то должно быть известно, чем всё может для него кончиться.»

Коновалец не стал оспаривать доводы Андрейченко. Не настаивал он и на своём предложении о встрече с Сциборским. Однако настроение у провидника испортилось, хотя вида он не подавал. Возможно, Андрейченко заставил его о чём-то всерьёз задуматься.

Андрейченко ощутил некую неудовлетворенность финалом разговора. Коновалец достаточно опытен, чтобы сомнения в Сциборском возникли у него и без подсказки. А может быть, отказ Андрейченко от знакомства со Сциборским провидник воспринял с подозрением?

Чем больше Андрейченко думал об этом, тем чаще приходил к мысли, что Коновалец не случайно пытался свести его с глазу на глаз с беглецом из НКВД. Но если он действительно преднамеренно готовил ему ловушку, то почему прислушался к его предостережениям?

Перегруженный сомнениями, Андрейченко пытался предусмотреть возможные варианты. В его положении оставить без внимания даже малейшую деталь – смерти подобно. О чём он только ни передумал, какие доводы ни приводил, сделать окончательный вывод так и не смог.

То и дело возникали новые мысли: зачем, например, понадобилось провиднику так долго и подробно рисовать яркими красками неудавшуюся попытку НКВД завербовать Сциборского? С какой целью называл имена большевистских агентов, им разоблаченных? Зачем понадобилось знакомить его с Сциборским, прежде ни разу не упомянув его имени? А что, если он, Андрейченко, сам насторожил Его превосходительство сомнениями в Сциборском? Сведения, документы, имена людей, представленные Сциборским ОУН, достаточно весомое свидетельство в его пользу. С другой стороны, разве Коновалец не убедился в преданности Андрейченко их общему делу? Взять, к примеру, переброску через советскую границу оуновской литературы...

Андрейченко спохватился: а может быть, он воспринимает всё произошедшее под таким углом зрения только потому, что ему горько за допущенную НКВД ошибку? Обидно, что враги торжествуют удавшийся успех? И ему больно за своих?

Андрейченко ни хотелось думать иначе, он понимал, что особо серьёзных практических дел в пользу ОУН он не совершил, и потому сомнения в нём у Коновальца могут возникнуть в любой момент. Безразличная с виду реакция провидника на отказ Андрейченко от встречи с Сциборским может показаться подозрительной. Но при царившем в ОУН всеобщем недоверии иной реакции и быть не могло. В подобных ситуациях принято вести себя хладнокровно, предельно вежливо, даже любезно. Чтобы усыпить бдительность подозреваемого, помочь ему расслабиться, свести на нет настороженность. Дальнейшее должно произойти неожиданно, как дождь среди ясного дня.

Поскольку сроки пребывания Андрейченко за рубежом подходили к концу, он делал всё, чтобы решить свою главную задачу. Тем более что глава ОУН назначил ему на ближайшие дни очередное свидание для обсуждения новых, назревших, по мнению Коновальца, проблем. Место встречи – столица Бельгии.

Брюссель вполне устраивал Андрейченко – здесь по-прежнему ОУН представлял Дмитрий Андриевский. В своё время тот, ещё в Финляндии, поручился за него, и они оставались добрыми друзьями.

Глава 10

На брюссельском вокзале Андриевский сообщил Андрейченко, что по сложившимся обстоятельствам его превосходительство не прибудет в Брюссель и предлагает провести встречу во Франкфурте-на-Майне или в Неаполе. Вождь гарантировал доставку Андрейченко на самолёте туда и обратно.

Предложение о встрече в Германии или Италии встревожило Андрейченко. Прежде всего, тем, что это фашистские страны, где деятельность украинских националистов всячески поощрялась местными властями, где любую акцию они могли провести без шума и последствий.

Сомнительной показалась и гарантия на доставку самолётом туда и обратно. Андриевский акцентировал слово «обратно». Не потому ли, что она не состоится?

Андрейченко заметил и то, что Андриевский ведёт себя не так, как прежде. Встретил холодно, разговаривал сухо, к себе, как раньше, не приглашал. Может быть, просто в плохом настроении? Не «перегрелся» ли в климате всеобщей подозрительности, и вирус страха заставляет его повсюду видеть провокацию и угрозу? А он не хочет быть причастным к ним? Возможно. И, как принято в таких случаях, бережёного Бог бережёт. Главное же в том, что выполнить задание в указанных странах будет намного сложнее. Да и удастся ли вообще?

Андрейченко отклонил вариант встречи, предложенный Коновальцем. Сослался на то, что непредвиденные обстоятельства могут задержать вылет самолёта, воспрепятствуют его своевременному возвращению на Украину, сорвут его доклад на запланированном совещании. Самая же серьёзная причина, добавил он, заключается в том, что руководство подполья вышлет людей для его встречи. Дата перехода границы назначена. В общем, нарушение договорённости с руководством подполья может привести к нежелательным последствиям.

После встречи с Андриевским в Брюсселе Андрейченко связался по телефону с Коновальцем, объяснил ему причину нежелательности переноса встречи в Германию или Италию. Затем обо всем информировал Москву. Сообщил также, что выезжает в Финляндию, где будет ждать дальнейших указаний.

В Хельсинки Андрейченко уже ждал приказ руководства ИНО о возвращении в Москву. Как ни тяжело было обрывать операцию, но в НКВД понимали, что его провал может иметь более серьёзные последствия и для дела, и для них самих. Хотя об Андрейченко, возможно, уже и не думали. Задание он фактически провалил. Более того, оуновцы использовали его для переброски в Союз контрреволюционной литературы. Итог мрачный.

Андрейченко стал готовиться к переходу границы. На душе скребли кошки: удачно проведя труднейшую подготовку, неоднократно находясь почти у цели, осуществить операцию так и не смог: один на один с главарем ОУН ни разу не оказался. А приказ гласил: при любых обстоятельствах никаких следов, никаких улик, никаких вещественных доказательств совершённой акции, никаких свидетелей. Малейшее отклонение от приказа могло грозить печальным исходом. Даже в том случае, если задание будет выполнено, но не соблюдены условия инструкции.

Обидно было, что ситуация сложилась столь неблагоприятно. Иногда возникали сомнения в правильности её оценки при информировании руководства ИНО. Немного утешало то, что он возвращается не с пустыми руками, а с весьма ценными сведениями, документами военного характера. Все эти материалы позволят скорректировать оперативные разработки ряда мероприятий, будут способствовать укреплению безопасности страны. Однако утешительных аргументов хватало ненадолго. Задание оставалось невыполненным. Жутко было даже думать о последствиях этого.

Глава 11

До назначенного дня перехода границы оставалось менее двух суток, когда в Хельсинки неожиданно появился секретарь ООН Михаил Селешко. Он тут же связался с Андрейченко.

Его приезд вовсе не обрадовал Андрея Павловича. Напротив, ряд обстоятельств привёл к мысли, что дома в отношении него что-то затевается. Надо было готовиться к худшему, на всякий случай принять меры личной безопасности...

Однако секретарь ООН, к удивлению Андрейченко, расценил его отъезд на Украину как вполне закономерный шаг. Не пытался отговорить, лишь сетовал, что ряд серьёзных вопросов остаётся недоговоренным из-за несостоявшейся последней встречи с провидником. Селешко передал поручение руководства: обратить внимание вождей подполья на необходимость срочно приступить к формированию отдельных, не связанных между собой в целях конспирации групп, исключительно для ведения визуального наблюдения. Готовить группы с расчётом на то, что при надобности они смогли бы перейти к диверсиям и крупномасштабным акциям саботажа, используя для этой цели накопленный разведывательный материал и опыт.

Селешко неоднократно повторял: на данном этапе формируемые группы должны заниматься исключительно наблюдением и ничем другим, проявлять лояльность к властям, поддерживать добрые отношения с советскими активистами, дабы не вызывать подозрений НКВД. Оуновец перечислил также объекты первостепенной важности, которым следует уделять «визуальное» внимание.

Заметил, что в скором времени, по всей вероятности, придётся заняться созданием тщательно замаскированных баз, где будут храниться оружие, боеприпасы, продовольствие и разнообразная одежда. Такого рода склады он называл «бункерами».

Особое внимание Селешко обращал на важность накопления комплектов обмундирования для всех родов войск Красной Армии и Военно-Морского Флота, а также органов НКВД, милиции, прокуратуры, вплоть до формы служащих железнодорожного транспорта и особенно – лесничих.

Андрейченко заметил, что он в курсе задачи, в своё время оговоренной с Коновальцем, но конкретные сроки накопления перечисленного «реквизита» не уточнены.

Секретарь ООН, негодуя, что такие важные вопросы остаются открытыми, доверительно сообщил Андрейченко, что подобное непростительно, хотя бы потому, что в самое ближайшее время предполагается вторжение в СССР армий ряда европейских стран.

– О, Господи, наконец-то! – с надеждой в голосе воскликнул Андрейченко. – Но когда? Серьёзно ли это? Честно говоря, мы устали от ожиданий.

– Серьёзно. Вполне. И я уверен – большая часть советского населения встретит эти армии с радостью. Преодолев колебания, к ним примкнут и остальные.

– С помощью Всевышнего, может, и в самом деле?!

Селешко многозначительно подмигнул:

– В немецком Генштабе поняли, что без нас им не обойтись. Что прежняя их надежда, как, впрочем, и наша, оуновская, на переворот в большевистской стране – мечта неосуществимая. Сегодня мы нужны. И это чрезвычайно важно! Так что в скором времени свидимся на родной земле.

– Дай-то Господь! – произнёс Андрейченко. – Очень хочется верить, что свидимся.

Селешко снова заверил Андрейченко в абсолютной достоверности сведений о готовности вторжения. Для полной убедительности осенил себя крестом. Попросил это известие сохранить в тайне. В ответ Андрейченко молча перекрестился...

Селешко растрогался. Прослезился. Признался, что завидует Андрейченко: через несколько дней тот будет в родном краю, по которому он так истосковался.

И Андрейченко взгрустнул. Оба печалились из-за незавершённых дел. Каждый из-за своего... На прощание обнялись, как самые близкие люди. На мгновение Андрейченко заколебался. И вдруг решился:

– Может, не стоит идти по пути наименьшего сопротивления? Дела серьёзные. Вы когда уезжаете?

– Завтра, – Селешко не понимал, что имел в виду связной подполья. Достав портмоне, извлёк оттуда билет на самолёт. – Завтра в 20.20. А что?

– Верните его. Постараюсь задержаться и я. Мотивы важные! Надеюсь, дома поймут.

Обрадованный решением Андрейченко отложить отъезд, Селешко просиял, крепко пожал ему руку:

– Вот это по-нашему! Смотрите, чтоб без осложнений... там!

– Попробую. Обстановка у нас не простая, ручаться трудно. Его превосходительство надо убедить в необходимости моей задержки.

– Не беспокойтесь. Его превосходительство прекрасно понимает обстановку и будет рад вместе с вами поставить все точки над «і». Он вообще относится к вам с большим уважением. Сам слышал, как он говорил, что наконец-то нашёлся толковый связной с подпольем! Не преувеличиваю, его слова...

Андрейченко сдержанно поблагодарил Михаила за приятное сообщение. Искренне и сердечно. О лучшей информации он не мог и мечтать. Последовав примеру Селешко, крепко обнял его.

Они постояли молча, растроганные, радостные, озабоченные. Каждый своим. Сокровенным и абсолютно полярным. Но знал об этом только один из них. А как долго удастся сохранить тайну, не знал и он. Знал лишь, что от этого зависит не только его судьба.

Уходя, Селешко условился с Андрейченко встретиться на следующий день под вечер.

Ночь напролет вспоминал Андрейченко разговор с секретарём ОУН, отдельные фразы, слова, интонации, взгляд. Ничего настораживавшего не обнаружил. Вспомнив, как они обнимались, усмехнулся: такого давно с ним не случалось.

Он понял, что руководство ИНО приказало ему вернуться, основываясь на его тревожном сигнале. Возможно, имеются и другие соображения. Необходимо связаться с ИНО и попросить отсрочить отъезд, ведь рассказу Селешко цены нет!

Уснул Андрейченко под утро. Разбудил стук в дверь.

В мгновение поднялся, как до отказа сжатая мощная пружина. Неслышно подошел к двери, прислонился к косяку, спросил спокойно:

– Кто?

Из-за двери послышался знакомый голос горничной:

– Какая-то женщина принесла бутылку молока и попросила её сразу же передать вам. – И горничная просунула бутылку с молоком в чуть приоткрытую им дверь.

Андрейченко обрадовался: это был условный знак о прибытии связного из Москвы. К тому же давнего, милого его сердцу, очень близкого друга. Красивая женщина, обладавшая острым умом, редкой выдержкой и завидной даже для мужчин отвагой. Поразительное сочетание! Встречающееся, пожалуй, лишь в романах, а не в жизни. Андрей Павлович гордился, что некогда заслужил её особое внимание.

Но разведчик остаётся разведчиком. Не успел он порадоваться, как снова возникла тревога: почему вдруг её прислали? Ведь он должен уезжать? Что-то случилось? Не иначе! Такого ещё не бывало: за два дня до намеченного возвращения прислали связного. Нет, неспроста.

Спустя час они встретились. Узнав причину, побудившую начальство ИНО направить её сюда, Андрей от души рассмеялся:

– Что ни говори, люди мы испорченные. Вечно нам мерещится подвох, провокация. Нервничаем, строим самые невероятные догадки, переживаем и чуть ли ни хороним себя. Выясняется, всё и выеденного яйца не стоит.

Андрей признался: он было подумал, что приезд Зои связан с бог весть какими неприятностями. Связная рассмеялась, но не согласилась с тем, что переживания и сомнения, когда есть к тому повод, излишни:

– Не реагировать на неожиданности, Андрюшенька, нам непозволительно и преступно. – Последнее слово она произнесла по слогам, подчёркивая его значимость. – Лучше заблаговременно подумать о плохом и принять необходимые меры предосторожности, чтобы предупредить возможную неприятность, чем она внезапно обрушится на тебя и будет поздно уже что-либо сделать.

– Верно, дорогая, – согласился Андрейченко, нежно обняв её за плечи. – И я так считаю. Куда лучше жаловаться на жидкую похлёбку, держа в кармане горсть жемчуга, чем мечтать о жемчуге и хлебать похлёбку...

Она рассмеялась:

– Прекрасное сравнение, Андрюшенька!

Зоя передала Андрею Павловичу полученную ИНО копию письма Коновальца, отправленного им по тайному каналу в Польшу Его высокопреосвященству митрополиту греко-католической церкви Андрию Шептицкому, проживавшему во Львове на Святой горе Юра.

– О! – воскликнул Андрейченко. – Наш старый «друг»! Любопытно.

В письме Коновалец информировал Шептицкого о своём видении и понимании складывавшейся в мире обстановки в свете положения дел на Великой Украине, излагал некоторые соображения о деятельности Центрального провода. Он писал: «Обращаю внимание Вашего превосходительства на то, с какой точностью и обстоятельностью осуществляются планы великого фюрера. Коммунизм в Германии уничтожен. Немцы имеют хорошо вооруженную армию. Аншлюс в отношении Австрии стал фактом. Поочередно присоединены к Рейху все немецкие земли – Судеты, Верхняя Силезия, Гдыня вместе с коридором. На этом завершается создание Великого рейха. Теперь Великая Германия переходит к осуществлению величайшей миссии – уничтожению “Большевиизма”».

Не будем терять времени. Перед нами в эти дни стоит главная задача: подготовка, подготовка и ещё раз подготовка... Наши международные контакты развиваются... Заботы и думы у нас одни – Великая Украина! Там наши дела обстоят не лучшим образом, но наметились добрые начинания. Налажена живая связь через Финляндию, но вести грустные и тоскливые... Тем большей нетерпеливостью охвачены наши души в надежде на осуществление того, что для многих представляется делом безнадежным...»

Андрейченко пришёл в восторг от письма. Оно было косвенным свидетельством необоснованности его подозрений. Подтверждало слова Селешко о добром к нему отношении Коновальца. Стало быть, недоверие со стороны руководства ОУН тоже исключалось. Это очевидно. По всей вероятности, так расценило это письмо и начальство ИНО и, ни на чём не настаивая, решило в срочном порядке довести его содержание до Андрейченко.

– Воистину судьба, как шкура зебры: тёмную полосу сменяет светлая... – тихо произнёс Андрейченко, словно рассуждая с самим собой. Жди следующую?

– А ты как думал?! Такова наша с тобой участь, Андрюшенька, милый. Но об этом позже. Я привезла тебе краткие установочные данные об этом самом «святом отце».

– Знаю его. Как говаривали у нас в Мелитополе, тот ещё фрукт!

– Не то слово! Хитрый, двуличный, коварный и очень мстительный... К тому же многоопытный, с дореволюционным стажем, резидент крупнейшей шпионской сети, опутавшей не только Польшу и Литву, Украину и Малороссию, но и Петербург! Сама только недавно об этом узнала.

Из рассказа Зои Ивановны следовало, что митрополит – в прошлом польский офицер, симпатизировавший Австро-Венгерской монархии, стал агентом её разведки, а позже – главным резидентом, выходец из аристократической богатой семьи. Ещё в 1888 году он, несмотря на унаследованный графский титул, постригся в монахи и, отложив в сторону свое имя Роман, взял, как это положено духовному лицу, святое – Андрий.

– Кстати, шпиону положена кличка, – заметил Андрейченко. – Так что все правила соблюдены.

Зоя Ивановна прокомментировала послужной список Романа Шептицкого:

– С апреля 1888-го – монах, затем магистр ордена базилиан; через два года – игумен монастыря. Спустя ещё три – священник, через шесть лет – епископ. А год спустя – митрополит и глава униатской церкви. Таким образом, престол Святого Петра сдержал свои обещания, данные молодому улану двенадцать лет тому назад папой Львом XIII. С другой стороны, его головокружительной карьере способствовал не только Ватикан, но и весьма основательно Австро-Венгерский генштаб в соответствии с высочайшим повелением императора Франца Иосифа...

Однако деятельность его высокопреосвященства митрополита на поприще разведки не оказалась безоблачной: в первых числах сентября четырнадцатого года уже нашего столетия контрразведка царской России арестовала его за шпионаж в пользу Австро-Венгрии и Германии.

Оказывается, за ним давно велась слежка. Поводом послужил случай, когда один из шпионов охраны выкрал у некоего подозрительного иностранца паспорт на имя Евгения Олесницкого. И контрразведке стало ясно, что под этой фамилией скрывается митрополит Шептицкий, получивший от австрийской разведки фальшивый паспорт, по которому его новый владелец предпринял довольно дерзкое путешествие по ряду городов Литвы и Белоруссии. Но пока в полицейском департаменте сверяли и уточняли личность, скрывавшуюся под фальшивым документом, святой шпион, обнаружив пропажу, тотчас прервал свой рейд и тайными путями пробрался в Польшу.

– Отчаянный святой отец! Ну и ну! – заметил Андрейченко. – Проныра...

Зоя Ивановна привела некоторые подробности, связывавшие Шептицкого с Ватиканом, по благословению которого тот возглавлял униатскую церковь. И особенно с ОУН, истинным наставником которой он являлся многие годы. Хотя и прозвал её «украинской тайной мафией», подчёркивал, что это в «хорошем смысле слова».

Одним из связных ОУН с митрополитом, начав свою националистическую деятельность ещё молодым человеком, был Степан Бандера. Подражая духовному наставнику, он, благодаря постоянному общению с ним, получил довольно крепкую закалку. Однако в силу своего неуравновешенного, авантюристического характера вышел из-под митрополичьего повиновения, чем вызвал гнев недавнего покровителя.

Этому в большой мере способствовал не менее коварный соперник на националистической стезе Степан Мельник, правая рука Шептицкого в управлении обширными поместьями митрополии. Владыка был ему постоянно доступен, и он без особого труда нашёптывал ему подробности о «диких акциях» Бандеры, что, кстати, соответствовало действительности. Они стоили друг друга – Бандера и Мельник. Последний, кроме того, являлся штатным агентом абвера, о чём «святому отцу» было известно. Однако это не помешало ему благословить его в качестве претендента на руководящую роль в ОУН.

Дальнейший рассказ Зои Ивановны не стал новостью для Андрея. Речь шла о хитро-сплетениях немецкой разведки с резидентурой митрополита и оуновскими диверсионными акциями, направленными прежде всего против СССР. В качестве наглядной характеристики связная процитировала отрывок из письма Мельника митрополиту Шептицкому: «Бандера – садист, от которого напрасно требовать соблюдения дисциплины и реальной позиции на

перспективу нашей борьбы. Своей дикой акцией он не только нарушил дисциплину, но и сорвал контакт с польскими правительственными деятелями по поводу беспрепятственной переброски наших людей через польскую границу в Советию».

– Дела общеизвестные, – заметил Андрей Павлович. – Спасибо тебе и друзьям за все материалы. Много интересного и нужного. Кое-что прояснилось. Копия письма Коновальца митрополиту – шедевр!

Связная молча развела руками, дескать, что смогли – сделали. Андрейченко кивнул:

– Понимаю. Понимаю прекрасно: очередь за мной. Собственно, она давно за мной, Зочка. Давно! Ну, да ладно. Ещё поборемся.

Глава 12

С особым удовольствием Андрейченко перечитывал то место в письме, где Коновалец хвастался: «...с «Великой Украиной» налажена живая связь через Финляндию». Сомнений нет, речь идёт именно о нём. Другим каналом ОУН не располагала. В этом Андрейченко был уверен. Он также пришёл к заключению, что секретарь ОУН Михаил Селешко был с ним искренен, откровенен. Следовательно, всё то, что он рассказывал, достоверно. А это говорило о многом.

Уверенность в правильной оценке своего положения давал и тот факт, что письмо митрополиту Шептицкому отправлено Коновальцем всего десять дней назад.

Стало очевидно: возвращаться в Москву, не завершив начатое дело при столь благоприятной обстановке, потраченных на протяжении длительного времени усилиях для налаживания контактов и сближения с руководством ОУН, нелепо.

Связная поддержала его намерение остаться. Выразила уверенность, что начальство, несомненно, одобрит такое решение, обещала обо всём доложить ему. Одновременно заметила, что прежний вариант с подношением коробки конфет провиднику легкомыслен.

– Во первых, он не дама, которой преподносят шоколадки, как бы он их ни любил. К тому же при вручении коробки он может предложить чайку попить вместе. Может коробку открыть сразу же, а ты рядом. И катастрофа неминуема. Ситуация вполне реальная. Ты прав, что отказался от прежнего варианта.

Слушая Зою, Андрейченко вспоминал особенно сблизившую их с Селешко беседу при совместной поездке в Германию.

В Берлине Андрейченко стал частым гостем секретаря ОУН. Они вместе гуляли по улицам, паркам, посещали выставки, музеи, театры. Михаил Селешко оказался приятным собеседником, интеллигентным, образованным. Словоохотливым, что было бесценно для Андрейченко. И, что немаловажно, разделял его мнение о шокирующе роскошном образе жизни некоторых эмигрантов, считавших себя рьяными защитниками интересов украинского народа.

– На самом деле, они лишь разглагольствуют о самостийности, – возмущался Селешко, – а вся их борьба с большевизмом сводится к демонстрации вышитых в национальном стиле рубах и громким приветствиям: «Слава Украине!» да «Героям слава!» Этим и заканчивается их показательный патриотизм.

Андрейченко грустно улыбнулся:

– Когда требуются напряжение ума, конкретные решительные действия, к чему себя утруждать, если можно этого не делать и совесть молчит?

Отношение Андрейченко к соотечественникам, оказавшимся на чужбине, было неоднозначным: разные люди, разные причины привели их сюда, разные взгляды на жизнь. Разумеется, своими соображениями он не мог поделиться ни с кем. И дорожил неожиданно обрётённым, точно с неба ниспосланным ценным источником информации – Селешко.

Секретарь ОУН, по достоинству оценив Андрейченко, мог дискутировать с ним часами. Главной темой, естественно, был национализм – подполье, участие в борьбе отдельных личностей, их склонности, характеры, перспективы в целом. Видное место в беседах занимала борьба с большевизмом, её методы, надёжность союзников, посулы, зачастую остающиеся только на словах.

Андрейченко охотно шёл на эти дискуссии, но при всём соблазне высказать свою позицию не мог. Не выходил за пределы образа, который соответствовал его легенде. Вжился в неё. Хотя бывали моменты: он вспоминал о невольных допущенных промахах, на первый взгляд несущественных, но которые в действительности могли оказаться роковыми. Огорчался, но менять что-либо уже было поздно. Всё это заставляло его постоянно оставаться начеку.

Для Михаила Селешко беседы с Андрейченко стали чем-то вроде отдушины. Он мог поделиться своими соображениями, поспорить с умным человеком, которого считал единомышленником, проверить себя.

Тем паче что собеседник слушал с необычайным интересом, поддерживал едва ли ни во всём, разделял его точку зрения.

Как-то в одном из затянувшихся за полночь разговоров Селешко рассказал, что в вопросе о прочности большевистского строя в России между главным расистским идеологом Розенбергом, главой СС Гиммлером, рейхсминистром пропаганды Геббельсом имеются существенные разногласия. Но сходятся они в одном: Россия должна быть завоёвана и колонизирована.

– Хотя Белую Рубению – так нацисты называли Белоруссию – они не ставят на одну ступень с Украиной, – продолжал Селешко, стараясь заинтересовать Андрейченко очередной новостью, – но почему-то о ней недоговаривают, о чём-то умалчивают.

– Наверное, не случайно.

– Немцы ничего случайно не делают.

– Верно, – согласился Андрейченко. – У них есть чему поучиться. Не так, как мы: что на уме, то и на языке.

– Провидник утверждает, будто немцы, завладев Россией, ни в чём не будут ущемлять украинцев.

– Возможно, – заметил Андрейченко, как будто рассуждая сам с собой, – Гитлер прекрасно понимает, что надёжность фронта зависит от прочности тыла. Правда, трудно сказать, как он поведёт себя, когда Россия будет оккупирована и отпадет необходимость в обеспечении фронта всем необходимым.

– В том то и дело! Но, как бы он ни вздумал себя вести, существует закономерность: горе победителю, который боится побеждённого, – заметил собеседник. – Поэтому те базы с оружием и продовольствием, о создании которых намекнул провидник, возможно, тогда и пригодятся.

– Вот чем и нравится мне Его превосходительство! – воскликнул Андрейченко. – Диапазон, масштабность, предвидение...

– Правильно! Как в той пословице: «На Господа надейся, а сам не плошай!» Иначе скинут с коня, и поминай, как звали.

Селешко говорил азартно и, казалось, несмотря на поздний час, только-только входил в раж. Поговорить он любил, правда, не всегда. Иногда на него находила молчанка. Очевидно, из-за плохого настроения. Когда же расходился, сыпал, как из рога изобилия. И отнюдь не пустословил. Он был хорошо осведомлен, обладал прекрасной памятью и, главное, не присочинял. Кое-что, возможно, утаивал. Положение в ОУН всё же его обязывало.

Родом он был из Долины в Галиции. Как и Коновалец, называл Украину родным краем, родной землёй. А вот народ украинский называть так избегал. Считал, что многие его предшественники предали Украину. Аналогичной формулировки придерживался и Коновалец. Оба старались не называть вещи своими именами, чтобы тем самым не привлекать внимания агентов Коминтерна или НКВД, которые, по их мнению, повсюду шныряют.

С этим Андрейченко был солидарен. Придерживался не только их позиции по важным для оуновского движения проблемам, но и в житейском плане. Совершенно справедливо полагал, что в вопросах конспирации всё важно. Тем более мелочи. Иногда кажется, что можно без риска пренебречь ими, а на самом деле пренебрежение смерти подобно.

На Селешко произвёл впечатление случай в Хельсинки. Тогда он предложил Андрейченко, как само собой разумеющееся, ехать в аэропорт на такси, но тот отказался. Сказал, улыбаясь: если времени не в обрез, предпочитает городской автобус.

– Выше сидишь, лучше видишь, – добавил он. – Вы не находите? Тем паче что отпущенное на расходы принадлежит движению.

Селешко оценил аргумент, и они вместе двинулись к автобусной остановке.

Такие мелочи обычно или сближают людей, или разводят. Андрейченко верно уловил особенность характера секретаря ОУН. Позднее Селешко стал свидетелем того, как Андрейченко рассчитался за номер в гостинице за три часа до выезда. И когда он, не понимая причины, выразил удивление, тот лишь усмехнулся. Селешко настаивал:

– Секрет?

И Андрейченко объяснил: если бы он выехал на три часа позже, ему пришлось бы уплатить за лишние сутки проживания.

– Но не подумайте, что я чёрт знает какой скупердяй! Близкие считают меня чуть ли ни мотом. Серьёзно! Деньги за гостиницу не мои личные. Я уважаю себя и отличаю свои деньги от не своих.

Ему было нетрудно вести себя таким образом, поскольку он делал это, сообразуясь со своими жизненными установками. В отличие от большинства эмигрантов, состоявших на содержании ОУН, Андрейченко всегда останавливался в недорогом номере обыкновенного отеля, старался не пользоваться услугами, без которых мог обойтись. Не шиковал и в ресторане, обходясь без деликатесов. О спиртном и речь не возникала. Как правило, предпочитал недорогую закусочную или столовую.

Вместе с тем он избегал крайностей. Твёрдо знал: любые крайности всегда подозрительны, вызывают недоверие, пробуждают излишнее любопытство.

В верхах ОУН его знали как человека скромного, неприхотливого, отказывавшегося от любых излишеств. В том числе и от дополнительных средств на личные и деловые расходы. Вместе с тем его не относили к аскетам. Напротив, считали умным и приятным собеседником, принципиальным, решительным и одновременно доброжелательным.

Оценивая свой образ жизни, Андрейченко приходил к выводу, что этой схемой, даже в мелочах, мог бы кое-кого и озадачить. Но, взвесив всё, решил оставаться таким, каким был известен.

Секретарю ОУН импонировало поведение Андрейченко. Сам он был верующим, чтит церковные праздники, соблюдал традиции, поминал усопших родных, хотя в соблюдении религиозных правил и не усердствовал. Из-за такого пренебрежения к общепринятым нормам в кругу оуновцев ходили слухи, будто он не очень благоволит к унии.

Единственное, в чём Селешко был твёрд и непреклонен, – это в антибольшевизме. Здесь он отвергал любой компромисс, выделялся суровой принципиальностью.

Глава 13

Андрейченко поддерживал постоянную связь с Москвой через приезжавшую в Хельсинки связную. По истечении срока пребывания за рубежом отправился домой без багажа, налегке. Так же, как и прибыл, – нелегально, преодолевая множество трудностей, сопряжённых с неизбежным при переходе границы риском. Пренебрегать этим маршрутом не мог. Стоило оуновским «хлопцам», бесспорно следившим за ним, заметить малейшую неестественность в его поведении, зная, сколь серьёзно охраняется советская граница, какое внимание придаёт этому НКВД, они моментально заподозрили бы неладное. Этого было бы достаточно, чтобы сорвалось задание, не говоря уже о других последствиях.

Как и в первый раз, глубокой ночью, с проводником и в сопровождении до границы члена Центрального провода Романа Сушко Андрейченко благополучно пересек советско-финскую границу и добрался до Москвы. Обо всём увиденном и услышанном доложил с соответствующими комментариями высшему руководству наркомата.

Вскоре, соблюдая необходимую конспирацию, он вновь выехал на Украину для доклада руководству местного подполья о результатах пребывания в Берлине.

Согласно разработанной в ИНО версии, он покинул Украину и снова оказался в Москве, откуда тем же путём вторично пересек границу и прибыл в Хельсинки в прежнем качестве посланца «подполья Великой Украины». Затем переехал в Берлин.

Здесь Андрейченко возобновил встречи, расширил круг давних знакомых и стал активно посещать различные оуновские собрания. В результате нащупал возможность содействовать расколу между членами Центрального провода. Это сулило серьёзный успех...

Обострению конфликта способствовали, разумеется, не одни лишь его усилия, хотя и они сыграли определённую роль. К тому вела и сама обстановка, складывавшаяся внутри ОУН из-за изменившейся ситуации в Европе. Задача Андрейченко заключалась в том, чтобы решительно воспользоваться столь благоприятной возможностью.

Свою линию он проводил теперь гораздо смелее и увереннее. Ему удалось узнать о существовании целого ряда засекреченных планов Центрального провода. Коновалец, который поддерживал тесные связи не только с немцами, но и с англичанами, канадцами, аргентинцами, французами... Доверенных людей вождь ОУН имел и в руководстве «Братства русской правды», обосновавшегося в Париже.

Глава 14

Своё положение в ОУН Селешко считал временным, хотя оно в некоторой мере и устраивало его. Работал усердно, как говорится, от души, ибо видел в своей деятельности высокий смысл. Иногда у него возникало сожаление, что не имеет возможности трудиться по специальности.

Селешко окончил Падебрадскую сельскохозяйственную академию в Чехословакии. Её специально для украинцев-эмигрантов создал президент республики Масарик, который, как и следующий президент Чехословакии Бенеш, покровительствовал украинской эмиграции, оказывал ей моральную и материальную помощь.

В Падебрадской академии учились и многие другие нынешние руководители ОУН, у которых Михаил Селешко пользовался авторитетом и на которых имел определённое влияние.

Благодаря Селешко, в результате сложившихся между ними добрых отношений, Андрейченко получил возможность чаще выходить на прямую связь с Коновальцем, добился допуска к отдельным секретным материалам, архивам, ознакомился с «Календарём» – своего рода дневником, где фиксировались каждодневные дела, события и решения, принятые Центральным проводом.

Записи в «Календаре» отличались прямотой, вещи назывались своими именами, без недомолвок и эвфемизмов.

Андрейченко сделал ряд выписок:

«...21 сентября 1921 года... когда начальник Польской державы маршал Пилсудский в сопровождении Львовского воеводы Грабовского находился у здания ратуши Львова, в него было произведено три выстрела. Пилсудский не пострадал. Грабовский ранен. Стрелял член Украинской военной организации – УВО, студент Федак, сын львовского банкира.

...разработано покушение на президента Польши Войцеховского. Акция предотвращена шляхтинской дефензивой в результате информации, поступившей из ОГПУ.

... в соответствии с решением Центрального провода ОУН убит заведующий Восточным отделом Министерства иностранных дел Польши Т. Голубко.

...подготовлено покушение на наркома иностранных дел Большеви Литвинова. Его приезд состоится в Вашингтоне. Предстоит встреча с президентом США Рузвельтом в связи с подготовкой установления дипломатических отношений между двумя странами. Для участия в акции выделена группа из пяти членов ОУН. Руководителем утвержден Лука Мишуга. Все участники – граждане США. Цель: срыв переговоров.

...накануне приезда Литвинова в США весь состав группы Мишуги интернирован по указанию президента Рузвельта и будет содержаться под арестом на всём протяжении пребывания большевистского наркома Литвинова в Вашингтоне.

Акция Рузвельта вызвала недоумение не только в Центральном проводе, но и среди целого ряда конгрессменов, поскольку президент США не раз отдавал предпочтение ОУН. По достоверным источникам, срыв акции произошёл на основании сведений, поступивших из Москвы.

...в ответ на провал покушения на наркома иностранных дел Литвинова в срочном порядке начата подготовка к взрыву здания посольства Советии в Варшаве. Согласно решению Провода, к месту действия по литовским паспортам из Франции прибыли члены ОУН Евгений Ляхович и Николай Сциборский.

Акция сорвалась в связи с арестом польской полицией Ляховича и Сциборского по наводке ОГПУ. По распоряжению вождя ОУН приняты меры к немедленному освобождению задержанных.

...во Львове подготовлено покушение на Генерального консула СССР. Разработка и осуществление акции возложены на членов Центрального провода Ивана Габрусевича и Богдана Кордюка. Исполнителем утверждён член ОУН Лемик.

В назначенный день и час Лемик явился на приём к секретарю большевистского консульства Майлову и застрелил его. Лемику удалось скрыться.

...восемь месяцев спустя в Аргентине, куда перебрался Лемик, агенты ОГПУ обнаружили его и убили...»

Из записей «Календаря», с которым Андрейченко удалось ознакомиться, особую ценность представляли сведения о ведущейся Центральным проводом, именовавшимся на Украине «Закордонным проводом», работе в ряде стран, где, казалось, у оуновцев нет интересов. Так, на Тайване, по согласованию с маршалом Чан Кайши и при финансовой поддержке американцев, содержались различные по назначению и функциям подразделения украинских националистов, членов ОУН. С целью инспектирования сюда по заданию абвера приезжала Чемеринская. Немцы интересовались возможностями этой части агентуры на Дальнем Востоке.

Судя по содержанию «Календаря», филиалы ОУН и находившиеся в их распоряжении вымуштрованные подразделения требовались не только Центральному проводу, но и тем, кто содержал их для проникновения на территорию СССР, проведения диверсионных актов, дестабилизации экономики и промышленности, дискредитации политики правительства.

Из того же «Календаря» явствовало, что по указанию Центрального провода функционеры ОУН проводили разведывательно-пропагандистские рейды по маршруту из Галиции и Волыни в Донбасс, Полтаву, Киев, Москву, Ленинград, Одессу. В портовых городах оуновские эмиссары подыскивали моряков дальнего плавания, подходящих на роль курьеров связи с Центральным проводом.

Тайные экскурсии оуновцев по СССР, помимо целенаправленных функций, сопровождалась попытками вербовки людей, имевших отношение к военной промышленности и оборонным секретам, транспорту и зарубежным поездкам. Добытые сведения оуновский Провод представлял союзникам. В основном нацистам.

Благодаря «Календарю», Андрейченко установил, в частности, что на протяжении девяти суток в Москве находилась разведчица-террористка Дарья Гушак. Прикрываясь фальшивым паспортом и при содействии своего единомышленника, она остановилась в гостинице «Метрополь».

Оуновка Гушак многократно бывала в Большом театре, где обычно проводились посвящённые знаменательным датам торжественные заседания с участием руководителей партии и правительства. Вместе с советскими экскурсантами она дважды посетила Мавзолей Ленина, изучала подходы, подыскивала подходящие места для установки взрывных устройств.

При первой же возможности Андрейченко отправил об этом срочную шифровку руководству ИНО НКВД. Гостиницу «Метрополь» взяли под усиленное наблюдение. Во время очередного приезда в Москву, уже с взрывчаткой, Гушак арестовали с поличным.

Сведения о предпринятых функционерами ОУН рейдах из Галиции и Волыни на Донбасс, почти по всей Украине, затем в Ленинград и Москву после тщательной проверки НКВД полностью подтвердились. При расследовании выяснилось, что рейд оуновских лазутчиков прошёл незамеченным чекистами.

Несмотря на серьёзную оппозицию внутри ОУН и возрастающие трудности, Коновалец имел достаточно сторонников и защитников, в том числе и стоявших во главе секретных служб ряда стран, умело контролировал деятельность эмигрантских националистических группировок, замаскированных под благотворительные общества, землячества, ассоциации.

От секретаря ОУН Селешко Андрейченко стало известно, что недели через две в Голландии состоится конференция, где речь пойдёт главным образом о создании атмосферы нетерпи-

мости вокруг политики правительства Польши внутри республики и за её пределами. В стратегических планах рейхсканцлера Гитлера решение «польского вопроса» стало главенствующим.

В этой связи предполагалось использовать имевшиеся на территории Галиции и Волыни спортивные организации «Сокол», «Луч», «Орлы», «Сичь», а также «Католическую акцию украинской молодёжи», «Украинское скаутство» и «Пласты», которым предстояло привести в движение «пятую колонну» для дестабилизации положения внутри Польши.

Члены этих обществ, согласно совместно разработанному плану ОУН и абвера с участием высокопоставленных эсэсовцев, уже приступили к срочному составлению списков малопольских государственных деятелей и коммунистов, чиновников и учителей, полицейских и лесничих. Одних надлежало интернировать, других – ликвидировать.

Цели намеченных действий раскрыл представитель рейхсфюрера СС Гимmlера в абвере полковник Штольц. На инструктивном совещании с руководством Центрального провода ОУН он заявил, что разгром Польши должен начаться с внутреннего выступления, к которому подключатся извне более мощные силы.

– Вам надлежит создать прецедент, – наставлял Штольц. – Где, когда и какими средствами вы получите наши указания. Остальное сработает в соответствии с планом. Действия тотальные и сокрушительные. Никому не позволено вмешиваться. Такова воля фюрера!

В соответствии с планом Генштаба Рейха абвер приступил к образованию трёх центров, получивших кодовые названия «Асте-Бреслау», «Асте-Штетин», «Асте-Кёнигсберг»¹.

Польская дефензива² не оставила без внимания подготовку националистов: верхушка и наиболее активные члены закамуфлированных нацистских организаций были арестованы.

В Германии между тем активно заработали краткосрочные курсы, на которых абверовские инструкторы спешно готовили кадры командного состава для будущих украинских соединений, призванных участвовать во вторжении в Польшу, а вслед за её разгромом – и в СССР.

Одно из таких училищ функционировало у озера Гюм. Свежеиспечённые оуновские командиры переправлялись в расположенный вблизи Вены небольшой городок Брук аф дем Мур, где базировались националистические кадры, прошедшие специальную диверсионно-террористическую подготовку в горах Гарца и на Ополцизне. К весне 1938-го здесь насчитывалось свыше пятисот вымуштрованных боевиков, готовых к выполнению дерзких военных операций. Из их числа абвер набирал бойцов для легиона, пополнявшегося также солдатами из бывшей «Карпатской Сийи». Легион состоял из двух батальонов. Первым командовал майор Карачевский, вторым – капитан Гитович. Командование легионом Центральный провод возложил на полковника Романа Сушко. Опекали легион Ярослав Барановский и Юзеф Байданюк.

По рекомендации Центрального провода абвер отбирал из состава легиона нужных ему людей для формирования украинских командос, предназначенных для проведения диверсионных акций.

Всю эту информацию прокручивал в уме Андрейченко, сидя с развёрнутой газетой в руках на скамейке небольшого скверика и не спуская глаз с расположенного через дорогу кафе. Обдумывая последствия предстоящего сборища в отеле «Атлант», он приходил к выводу, что медлить далее с выполнением главного задания равносильно преступлению.

События и планы ОУН, направленные против СССР, торопили с завершением операции. Однако встречи с руководителем, совещания и беседы с ним, совместные посещения зрелищ и просто прогулки ни разу не предоставили шанса осуществить её. Рождавшиеся один за другим планы оставались по различным причинам нереализованными. «Объект» постоянно

¹ «Ветвь» (нем.)

² Контрразведка (польск.)

находился под усиленной охраной, его всегда сопровождали два-три боевика, а поблизости находилась дополнительная охрана. И так в любой стране. Исключение, как обратил внимание Андрейченко, составляли Скандинавские государства, славившиеся спокойствием, порядком, дисциплинированностью населения. Может быть, здесь наконец подвернётся подходящий случай... Неожиданно Барановский сообщил Андрейченко о предстоящей встрече с руководителем в Голландии, где в конце следующей недели состоится совещание членов ОУН в связи с событиями в ряде европейских стран.

Глава 15

Итак, Роттердам. Андрейченко возлагал на эту поездку самые серьёзные надежды. Вновь обдумывал и вносил дополнения в «изобретение» – так он прозвал «главное задание». Прикинул в который раз, что у «объекта» в *правом* кармашке жилетки неизменно находятся его старые, хотя и неплохие часы. Значит, получив в подарок новые и очень дорогие, он должен вложить их в левый кармашек жилетки. Или в боковой карман пиджака?

В Роттердаме, сойдя с поезда, Андрейченко сел в давно отживший свой век таксомотор и велел шофёру, с грехом пополам понимавшему по-немецки, ехать в отель «Атлант». Подъезжая к отелю, как бы спохватился: придётся вернуться на вокзал, забыл кое-что взять из сданного в камеру хранения портфеля.

Дважды проехав таким образом мимо отеля, Андрейченко получил возможность оценить царившую вокруг него обстановку, подходы к зданию и прочие интересовавшие его детали. Визуально осмотрел добротное, хотя и невзрачное трёхэтажное здание, в нижнем этаже которого находилось респектабельное кафе «Ньюе-Маас» – место свидания, определённое Коновальцем. Запечатлел в памяти особенности местности, прилегавшие к дому улицы, сквозные проходы, переулки. Обратил внимание на немногочисленных прохожих, весьма ограниченное движение транспорта.

Вернувшись на вокзал, забрал из камеры хранения свой новенький портфель, в киоске купил газеты, в буфете у стойки выпил чашку молока, съел коржик и, словно случайно оставив портфель, ушёл. На городском транспорте доехал до кафе «Ньюе-Маас».

Во второй половине дня Руководителю предстояло важное совещание в зале отеля, куда должны были съехаться представители ОУН из многих стран Европы, Северной и Южной Америки. Руководитель собирался обсудить с ними политическую ситуацию в мире в свете успехов Германии по созданию Великого рейха и назревавших событий. Тема совещания была согласована с руководством абвера, Генштаба вермахта и Центрального провода.

Едва часы на возвышавшейся напротив сквера причудливой башне из ярко-бордового кирпича начали отбивать десять, Андрейченко аккуратно сложил газеты, поднялся и направился в кафе. Вождь ОУН сидел за столиком в глубине зала. Один! Глазам не верилось! Барановский, по всей вероятности, где-то поблизости. Но Коновалец пока сидел в одиночестве!

Андрейченко подошёл, поздоровался и, испросив разрешения, сел рядом за тот же столик. Как обычно, Коновалец осведомился, всё ли в порядке, затем завёл разговор о Дмитрие Донцове – первом председателе «Союза освобождения Украины», образованном ещё году в 1914-м. С восторгом сообщил, что Донцов перевёл на украинский язык «великое творение века» – «Майн кампф» Адольфа Гитлера.

В ответ Андрейченко кивнул в знак восхищения. Судя по всему, Руководитель придавал этому событию исключительно большое значение и потому предложил Андрейченко использовать все возможности для переброски тиража «Майн кампф» на территорию «Великой Украины».

– Как в прошлый раз, через Финляндию, – пояснил он. – У вас надёжные люди. Мы убедились. Пожалуйста, займитесь этим в высшей степени важным для нас делом.

Андрейченко на мгновение представил себе реакцию руководителей наркомата, войди он к ним с подобным предложением. Если с предыдущим поручением оуновского Руководителя в Москве с горем пополам согласились, то новое, аналогичного характера, связанное с «Майн кампф», вызовет не только гнев. Его, Павла Судоплатова, сочтут либо окончательно сбрендившим, либо работающим на оуновцев. Третьего не дано.

Что ответить Коновальцу? Разумеется, согласиться. Что он и сделал. Лишь бы побыстрее закончить разговор о Донцове и гитлеровской «Майн кампф». Но руководитель продолжал на все лады расхваливать качество перевода.

Андрейченко сидел, как на раскалённых углях. «Сейчас, или никогда!» – стучало в мозгу. Но Евгений Михайлович, словно нарочно, не прекращал восторгаться Донцовым, взвалившим на себя столь высокую ответственность:

– Эпохальное произведение, ему нет аналога в мире! Оно непременно должно стать достоянием нашего народа!

Андрейченко, делая вид, что разделяет его восторг, попытался выяснить главное, что его сейчас интересовало. И как бы между прочим высказал обеспокоенность тем, что Его превосходительство пребывает в абсолютном одиночестве, без охраны.

– Извините, Ваше превосходительство, но это недопустимо!

Выяснилось, что провидник, как и следовало ожидать, приехал с Барановским, но тот повёз какую-то покупку в отель «Атлант» и скоро должен вернуться.

У Андрейченко перехватило дыхание: он с вождём ОУН один на один! Впервые! И пока продолжался разговор о Донцове, Андрейченко лихорадочно обдумывал, как немедленно приступить к делу, хотя внешне ничем не выдавал своего волнения. Словно стараясь помочь ему, провидник достал из кармашка жилетки часы, открыл крышку и недовольно заметил:

– Ярослав, очевидно, вернётся не раньше, чем минут через пятнадцать-двадцать.

Андрейченко опешил: провидение? Провокация? Провидник словно сам лез в петлю. Отбросив сомнения, заботливо спросил:

– Ваше превосходительство, вы так хмуро взглянули на часы, что мне показалось, будто вы недовольны ими.

Коновалец поморщился:

– Спешат, чёрт возьми! Прежде шли минута в минуту. Недавно почему-то остановились. И дёрнуло меня отдать их в ремонт. С тех пор и барахлят.

– Что Господь не делает, гласит пословица, всё к лучшему.

– Басни, – насупился провидник.

Андрейченко показалось, что Коновалец огорчился не столько из-за неточности часов, сколько из-за прерванного разговора о переправе на Украину «гениального» труда германского фюрера.

Невзирая на это, Андрейченко перешёл в наступление. Малейшая задержка, и оно захлебнётся. Тогда – конец.

– Я сказал это не случайно, Ваше превосходительство, – интригуяще улыбнулся Андрейченко и, достав из бокового кармана пиджака часы, сверкавшие изумрудной инкрустацией на золотом корпусе, торжественно протянул их удивлённому Коновальцу. – Вам на память от признательных соотечественников с родного нашего края.

«Вождь» обрёл былую полковничью осанку, выпрямился и, не скрывая удивления, взял часы. Почувствовав их тяжесть, с должным уважением положил на ладонь, как бы взвешивая. Внимательно оглядев часы, нажал на кнопку, и расписанная орнаментами крышка, закрывавшая циферблат, мягко открылась. На её внутренней зеркальной стороне матовым оттенком выделялась гравировка царского герба со сверкавшим многоцветием бриллиантов на двуглавом орле, увенчанном короной с монограммой российского самодержца, – свидетельство несерьёзного, штучного изделия, изготовленного по специальному монаршему заказу.

Глаза Коновальца загорелись. Заговорщицким тоном он тихо спросил:

– И вправду? Его величества?

– Так нас заверили.

Внешне Андрейченко выглядел абсолютно спокойно. Будто это не ему надо спешно уходить. Барановский мог появиться каждую секунду, а его подозрительность известна. Не потому ли Андрейченко всё время хотелось оглянуться и убедиться, что тот не стоит у него за спиной.

Ситуация с трудом позволяла Андрейченко играть роль спокойного собеседника, чтобы не вызвать ни малейшего подозрения у человека, для которого не была секретом степень презрения к нему самых разных людей, прежде всего украинцев. В действительности же он волновался так, что удары сердца отдавались в висках.

Когда Его превосходительство наконец уберёт часы в карман?! Сколько можно держать их в руках? Куда он их положит? В карман пиджака или брюк? Или в свободный кармашек жилетки? Андрейченко обязан был удостовериться, ибо всё это имело важное значение для результата операции.

А провидник, как нарочно, не спешил. Любовался подарком. И в самом деле, было чем восхищаться! Он внимательно разглядывал циферблат, переворачивал корпус, не переставая удивляться их изяществу. Часы и в самом деле были необычайно красивы: зелень изумрудной инкрустации, переплетавшаяся с орнаментом на фоне благородного блеска золота, восхищала. А если к этому прибавить их размер и вес при наличии трёх золотых крышек – две с обратной стороны, то можно себе представить восторг, который испытывал Коновалец, разглядывая удивительный раритет.

– Вполне вероятно, – промолвил Коновалец, очарованный подарком. – Если память мне не изменяет, фирма «Павел Буре» до революции являлась постоянным поставщиком Двора Его Императорского Величества?

Андрейченко смущённо пожал плечами:

– Извините, ваше превосходительство, не в курсе. Но рад, что теперь этот удивительный раритет принадлежит именно вам.

Ни слова больше вымолвить он не мог. Надо срочно уходить! Дело сделано, любая задержка работает уже против него. В то же время приходится задерживаться, чтобы убедиться, куда Коновалец положит «подарок».

Коновалец сдержанно поблагодарил единомышленников по борьбе за столь ценный подарок, который будет напоминать ему о времени, необходимом для вызволения соотечественников от «большевиизма, москалий, та жидив» и, захлопнув крышку часов, сунул их в левый нижний кармашек жилетки. Место, предусмотренное операцией.

Андрейченко пообещал выполнить наказ Его превосходительства. И обмер: он забыл перед вручением подарка поставить его на боевой взвод!

Коновалец, пожалуй, впервые за последнее время неожиданно усмехнулся, словно догадался о промахе Андрейченко. И предложил, невзирая на строгое правило игнорировать роскошные кафе и рестораны, всё же выпить с ним за компанию стакан чая или цикория со сливками, которыми славилось заведение.

Андрейченко вежливо отказался, сославшись на то, что в вокзальном буфете выпил стакан молока с булочкой. Напрягая всю свою волю, чтобы казаться спокойным, достал из нагрудного кармана пиджака собственные простенькие часы с пожелтевшим циферблатом, положил их на стол:

– Если позволите, ваше превосходительство, поставлю на ваших часах точное время.

Коновалец согласился и предал подарок Андрейченко. Тот мгновенно перевёл стрелки и, повертев заводную головку, вернул «законному» владельцу.

Начался отсчёт рокового времени. Для владельца. И для дарителя, если ему не удастся вовремя уйти. Если сейчас явится Барановский, положение усугубится и для других посетителей кафе, в том числе для самого Андрейченко. Немедленно исчезнуть! Под любым предлогом! Убедительным.

Специальный взрывной механизм часов задействован на двадцать минут. Отклонения – секунды. У Андрейченко оставалось восемь-десять минут, чтобы исчезнуть из кафе, испариться, остаться вне подозрения. Хотя бы на ближайшее время. В мозгу, точно удары маятника часов, повелительно отбивало: «уходи, уходи»...

И он пересилил себя:

– Не вижу саквояжа Вашего превосходительства... Вы уже сняли номер в гостинице?

Коновалец не успел ответить, что Барановский увёз его в отель «Атлант», где они вместе останутся, как Андрейченко озабоченно засуетился: заглянул под стол, отодвинул стулья. Словно неожиданно вспомнив что-то, сокрушенно произнёс:

– Заговорили о вашем саквояже, а я вспомнил о своём портфеле. Забыл его в буфете. На вокзале.

Коновалец встрепнулся:

– В нём что-нибудь важное?

– Нет, ваше превосходительство, – Андрейченко старался ничем не выдать волнения. – Единственная ценная вещьца – отцовская бритва «Золинген». Остальное – чепуха, мелочь дорожная. Потерять, конечно, не хотелось бы.

– Конечно, конечно, отцовская память.

– Да и цел ли портфель? – сокрушался Андрейченко. – Не зря ли время потрачу?

– Здесь ничего не пропадает, уверяю вас. Поезжайте и непременно заберите. Я посижу один. Езжайте!

Андрейченко поднялся, секунду-другую постоял в раздумье: ехать или остаться? Не просто было сыграть эдакое безразличие к портфелю.

Коновалец уловил нерешительность Андрейченко:

– Езжайте! Сейчас же! Ярослав скоро вернется. Жду вас здесь. Либо в сквере напротив. Хочется подышать свежим воздухом. Здесь душновато.

Андрейченко не спеша двинулся к выходу, хотя далось ему это с трудом. Не убежать – вылететь бы отсюда! Будто мощные тормоза сдерживали его. Только бы не встретиться с Барановским! Две минуты, одна... Дойти до улицы... За углом стоянка такси. Была бы там машина!

Барановский задерживался. Зал кафе опустел. Лишь два толстяка о чём-то сдержанно спорили, размахивали руками, показывали друг другу какие-то бумаги.

Евгению Михайловичу не сиделось. Достав из кармашка жилетки новые часы, повертел их в руках, приложил к уху. Послушав ход, внимательно оглядел корпус, открыл крышку и, прочитав фирменную надпись на циферблате, задумался. Прошёлся большим пальцем по гравировке, задержал взгляд на царском гербе и монограмме, сквозь которую проглядывало его искажённое, как в кривом зеркале, отражение. Усмехнулся и сунул часы обратно в кармашек жилетки. Решительно поднявшись, направился к выходу. Официанту, поклонившемуся ему, объяснил на немецком, сопровождаемом жестами, что скоро вернётся. Если его будут искать, он в скверике.

Оказавшись на улице, Коновалец огляделся по сторонам, полагая, что Барановскому пора бы появиться. Но того видно не было. Постояв в раздумье, направился в сквер. У входа снова обернулся – Барановский не появлялся.

Заложив руки за спину, Коновалец прошёл в сквер и сразу же свернул в боковую аллею. Солнце ласково пригревало, зеленеющие кусты, тянувшиеся по обе стороны дорожки, издавали резкий аромат, напоминавший запах в храме в пасхальную ночь. Благоухало терпким ароматом ладана. Стояла мёртвая, как на кладбище, глухая тишина.

Провидник Центрального провода ОУН шагал не спеша. С наслаждением, вдыхая весенний аромат ожившей зелени, обдумывал своё выступление на предстоящем совещании. Вырисовывалась обнадёживающая перспектива. Мечте всей его жизни и посвящённой ей борьбе

предстояло воплотиться в реальность. Как никогда прежде, она отчётливо виделась, становилась осязаемой и... Досмотреть её Коновалец не успел. Что-то оглушительно грохнуло, в глазах помутилось, и он поплыл в бездну.

Евгений Михайлович Коновалец молча рухнул на ухоженную дорожку сквера, слегка подёрнутого синим дымком.

Задуманная высшим эшелоном НКВД и стоявшим над ней вдохновителем операция «Ходики» завершилась. Воинствующая националистическая сила, которой в германском Генштабе предназначалась роль «пятой колонны» в СССР, лишилась своего верховодителя, провидника, вождя.

Издали трудно было различить, что произошло в сквере. На боковой аллее рассеивался дымок. Немногочисленные прохожие, до которых донёлся хлопок приглушённого взрыва, приостановились, недоумённо переглядываясь. Никто не понял, что случилось. Кто-то всё же побежал туда, где ещё угадывался улетучившийся дымок. За ними другие прохожие. Примчался полицейский. Прикатила с колокольным звоном карета «скорой помощи». Появилась и машина полиции.

Над неподвижно лежавшим человеком склонились люди в белых халатах, полицейские, гражданские. Стали выяснять у прохожих, что они видели. Неизвестного мужчину уложили на носилки. Зеваки шарахнулись, увидев на дорожке лужицу крови.

Куранты на башне прозрачным перезвоном отбивали уходящее время. В унисон с ними с шумным колокольным звоном отъезжала карета с красным крестом. Покидавшие сквер роттердамцы так ничего и не поняли. Кто-то невзначай бросил:

– Сумасшедший... Подорвал себя! Надоело ему хорошо жить. Куча разных купюр при нём оказалась.

Вряд ли кто-либо, включая и полицейских экспертов, догадывался, что смерть незнакомца – результат действия драгоценного «подарка», созданного искусными российскими мастерами. Отнюдь не дореволюционными. Собственно, и сам «сувенир» не имел ничего общего ни с фирмой «Павел Буре», ни с высокой пробой на его корпусе, от которого ничего не осталось.

Следует отдать должное специалистам из особого ведомства, сумевшим создать филигранный, ювелирный предмет. Справедливости ради, отдадим должное и главному опекуну этого ведомства... А слава кому? Исполнителю? Его руководителям?

Нелегалы не остались без внимания, как и их непосредственные начальники. Однако никто из тех, кто ещё уцелел и работал, не обольщался. Работали и ждали; ждали и работали, надеясь: авось пронесёт. Андрейченко в том числе.

В роттердамский аэропорт Ваалхавен ринулись полицейские, сыщики оседлали вокзал, станции автобусных концессий, транспортные артерии. Подозрительных лиц задерживали, проверяли документы, подвергали обыску, извинившись, отпускали.

По настоянию Барановского, прибывшего в кафе «Ньюве-Маас» с большим опозданием, полицейские бросились в аванпорт Хук-ван-Холланд, где стояли советские грузовые суда. Представители властей проверяли экипажи, спускались в трюмы, поднимались на палубы, обыскивали каюты и кубрики, рыскали в машинных отделениях, просматривали отсеки, камбузы, мастерские, переворачивали всё вверх дном. Безрезультатно.

В роттердамской больнице тем временем Евгений Коновалец, слывший на протяжении двух десятилетий непревзойденным организатором покушений и убийств, диверсий и поджогов, стоивших жизни многим сотням людей, не приходя в сознание, расстался с грешной жизнью, не сумев рассказать о причине ухода в мир иной.

В официальном заявлении полиции Роттердама значилось: погибший имел при себе литовский паспорт на имя Иосифа Новака, чековую книжку со счётом в местном Национальном банке, приличную сумму голландских гульденов и немецких марок наличными, а также пистолет «парабеллум» германского производства с тиснённым на рукоятке орлом со свастикой, двумя запасными обоймами с разрывными патронами «дум-дум».

Сообщалось, что причина гибели полицией не установлена. Выдвигались различные версии: преднамеренное покушение, приведшее к печальному исходу, самоубийство...

Германский нацизм в союзе с итальянским фашизмом и милитаристской Японией образовал ось Рим-Берлин-Токио. В результате кровавых террористических акций в Марселе погибли король Югославии Александр и министр иностранных дел Франции Барту, а также премьер Румынии Дука. Тайные замыслы лидеров ряда европейских стран способствовали подготовке Германией войны против красной России. Всё это требовало обезвреживания партнёров нацистов, в том числе руководителя ОУН Коновальца, который как бы цементировал свою экстремистскую группировку.

После гибели Коновальца в ОУН началась ожесточённая внутрипартийная борьба, ярко характеризующая нравы этой организации и претендентов на главенство в ней. Она привела к расколу на три части: одну возглавил Андрей Мельник; вторую – Степан Бандера, сидевший в это время в польской тюрьме; третью – Николай Лебедь, тоже отбывавший наказание за диверсионно-террористическую подрывную работу. И началась подлинная охота за сторонниками бывшего провидника Центрального провода ОУН, бежавшими в разные страны Европы, Азии, Америки. Их находили и безжалостно истребляли.

Особой жестокостью отличался Степан Бандера. По его приказу приверженцев шурина Коновальца, подвергали традиционной в ОУН казни – секирой.

Бандера и Коновалец были женаты на сестрах – дочерях известного во Львове банкира Федака, сын которого выстрелом в упор ранил львовского воеводу Грабовского, сопровождавшего в поездке главу Польского государства маршала Пилсудского.

Руководителям НКВД ничего другого не оставалось, как с удовлетворением наблюдать за братоубийственной бойней националистов за лидерство.

Вопреки стараниям тайных служб ряда заинтересованных стран, никто так и не смог установить участников ликвидации главаря ОУН.

Гадали, по чьему указанию проведена акция: Берлина? Варшавы? Москвы? Лондона? Парижа?

Нацисты отвергали свою причастность, ссылаясь на междуусобицу внутри ОУН. Кивали на Варшаву – дескать, дефензива действовала в данном вопросе заодно с Москвой. Немцам было выгодно обвинять поляков, поскольку в германском Генштабе уже полным ходом разрабатывался план разгрома Польши.

Англичане и французы, наоборот, кивали на абвер, которому бывший провидник ОУН, хотя они и сотрудничали, изрядно осточертел бесконечным попрошайничеством, в результате чего терял авторитет у молодёжи своей организации. Нацистов раздражало, что Коновалец обязал своих приверженцев величать его «фюрером» или «вождём украинцев». Даже на панихиде по Коновальцу было заметно недовольство нацистов, когда один из приближённых провидника – немец из Галиции, заливаясь слезами, причитал: «Майн фюрер... О, майн фюрер!»

Начальник абвера адмирал Канарис приказал провести тщательное расследование обстоятельств гибели главы ОУН. Образовали специальную комиссию. Некоторое время спустя она установила, что к убийству Коновальца причастно... гестапо! Оказалось, что там давно было заведено досье на провидника, с тех пор как стали известны факты, свидетельствующие о его заигрывании с французским Вторым бюро и британским Интеллидженс сервис. Тогда же гестапо подготовило вариант физического устранения Коновальца. Аналогичный план его лик-

видации вынашивала и французская контрразведка, располагавшая доказательствами анти-французской деятельности ОУН.

Абверовцы, естественно, прикусили язык. Официально же комиссия выставила туманную версию о причастности поляков как наиболее вероятных организаторов покушения на бывшего лидера ОУН.

Таким образом, операция в Роттердаме не оставила ни вещественных доказательств, ни улик, ни свидетелей. Догадок, версий, слухов уйма и, как всегда в подобных случаях, самых неожиданных, сенсационных, невероятно противоречивых и тенденциозных. Однако ни исполнитель акции, ни страна, по заданию которой она осуществлена, установлены не были.

Факт остаётся фактом: для того чтобы акцию исполнить так, как она была исполнена, требовались нечеловеческие усилия на протяжении длительного времени, огромное напряжение нервов, выдержка и терпение, расчётливость в выборе подходящего места и момента. И немного везения. О верности долгу, исполнителя и говорить не приходится. Долг свой он выполнил, как солдат.

Кто-то заметил однажды: «Назовите мне ваши средства, и я скажу, благородна ли цель». Справедливо, не так ли? Но лишь для времени, о котором пока можно только мечтать. Говорить же об этом применительно к обстановке тех лет, очевидно, наивно и неправильно. Всё существует в контексте времени и может быть верно оценено лишь с его учётом.

Глава 16

Тем временем Андрейченко возвращался в Москву окольными путями и под другим именем. Маршрут длинный, утомительный. Но в определённой мере безопасный. Сюрпризы, разумеется, не исключались. Шум вокруг покушения в Роттердаме был поднят большой. Его эхо отдавалось в разных концах Европы и за её пределами. Полицейские, жандармские посты, сыщики, оуновцы рыскали в поисках следов повсюду. Особое внимание уделялось границам. Проинструктированы таможенники, железнодорожные проводники, диспетчеры автобусных концессий, портовые и авиаслужащие...

В всё этом проглядывал почерк Ярослава Барановского. Только он знал, что провиднику предстояла встреча с Андрейченко и что она, очевидно, состоялась. Показания официанта кафе о человеке, сидевшем за одним столиком с жертвой, были расплывчаты, противоречивы, не совпадали с внешностью предполагаемого убийцы. Единственное, что бросало тень на Андрейченко, – его исчезновение. Больше ничего.

Судоплатов дома, на прежней работе в ИНО. Выполненное задание имело неожиданно громкий результат: в закордонной националистической организации оказалось гораздо больше мин замедленного действия, чем предполагали высшие руководители НКВД и сам генсек ВКП(б). Как обычно в подобных случаях, он молчал. Словно не он был инициатором осуществлённой акции. Одни довольствовались этим, другие – ёжились и гадали.

Тем временем в стане оуновцев мины продолжали взрываться с колоссальным поражающим эффектом. В националистическом движении начался разброд. И не только в верхах, но и среди рядовых его членов. Подозрительность превратилась в эпидемию мстительности, перешагнула все мыслимые границы.

Неприязнь, зачастую и ненависть, которые испытывали друг к другу различные группировки и отдельные националисты, свидетельствовали о их крайне низком интеллекте, отсутствии элементарной культуры, обыкновённой человечности. Жестокость проявлялась в открытую и, проникая всё глубже в движение, разъедала его изнутри.

В ОУН разгорелся всеобъемлющий пожар. Германский абвер выступил в роли пожарного. В зависимости от интересов к конкретным вопросам, лил в бушевавшие страсти то воду, а то и масло. Одним оуновским заправилам выплачивал «страховые», других отстранял, а наиболее строптивых лишал жизни.

В ИНО и других подразделениях НКВД внимательно следили за развитием событий в ОУН и вокруг неё. На данном этапе цель достигнута. Обнадёживающе выглядела и перспектива. Националистическое подполье, по существу, блокировано, отдушины перекрыты, а уцелевшие блуждающие «самостийцы» сновали, как бездомные дворняги с поджатыми хвостами, на каждом шагу шарахаясь от страха оказаться на аркане НКВД. В определённой мере такого положения удавалось добиться благодаря Андрейченко и его людям. Но основа всего достигнутого была заложена ещё Шпигельгласом в бытность его заместителем начальника ИНО НКВД СССР. Его вклад в ослабление позиций ОУН – как за рубежом, так и внутри страны – неопределим.

Быть может, потому попытку приобщить к его «делу» Судоплатова оставили без последствий. Ушло в тайный архив и подготовленное ранее решение партбюро ИНО НКВД об его исключении из партии.

О деле почти двухлетней давности никто в наркомате и не вспоминал. По крайней мере, вслух. Хотя об операции «Ходики» и участии в ней Павла Анатольевича знал лишь ограниченный круг руководящих работников ИНО НКВД, не исключено, что кое-кто из его сослуживцев

живцев догадывался о причине, позволившей ему чудодейственным образом выйти сухим из собственной крови.

За время отсутствия Судоплатова (Андрейченко) в Москве маховик репрессий простых граждан и сотрудников НКВД продолжал раскручиваться, набирая силу. Его кровавые обороты болезненно воспринимались старыми работниками грозного ведомства.

Судоплатов знал, что ряд сотрудников за неведомые им самим проступки находятся под следствием, другие отбывают сроки наказания либо уже лишены жизни. Ужас состоял в том, что этому не было видно конца!

Судоплатов с грустью отмечал: за время его отсутствия дела на Родине пошли далеко не в лучшую сторону. С душевной болью принялся он за составление отчётной записки. Её выводы должны были способствовать улучшению практической деятельности органов внутренних дел в разоблачении национализма, повышении эффективности контрразведки, обеспечении надёжности государственных границ, упрочении боеспособности Красной Армии, безопасности страны в целом.

Уделяя этим вопросам многие страницы, всячески старался, чтобы между строк прочитывалась его обеспокоенность за безвинно страдающих людей, преданных партии и социалистической Отчизне.

По истечении месяца со дня возвращения в Союз он предстал с отчётом перед комиссией ЦК ВКП(б), состоявшей из двух ответственных партийных работников высокого ранга и начальника Особой группы при нарком НКВД старшего майора госбезопасности Якова Исаковича Серебрянского.

Комиссия, выслушав доклад Судоплатова, утвердила его, признала удовлетворительной работу, проведённую за рубежом, выразила благодарность.

Через несколько дней он отбыл в положенный ему отпуск. Побывал вместе с женой Эммой Карловной в Харькове, где она прежде работала в ГПУ, задержались ненадолго в родном Мелитополе и уехали в Сочи в ведомственный санаторий.

На Черноморском побережье Кавказа стояла нестерпимая жара, донимала духота. Море, как обычно в таких случаях, сравнивали с парным молоком. В санатории чекисты относились друг к другу подчёркнуто учтиво, иногда даже дружелюбно, хотя и со скрытой недоверчивостью, что с недавних пор стало явлением обычным. Отдыхающие купались, загорали, ходили на танцы, смотрели фильмы, а натянутость в общении оставалась.

Глава 17

Отобранные Серебрянским и его сотрудниками в разных странах для борьбы с потенциальным агрессором надёжные люди представляли собой серьёзное оружие Советского Союза за его пределами. Это были немногочисленные, мобильные группы, наносившие своими действиями весьма чувствительный урон нацистам.

С помощью таких групп удавалось причинить немалый ущерб нацистской агентуре; её эмиссары время от времени бесследно исчезали в разных точках земного шара. Аналогичная участь постигала и иностранных агентов, проходивших соответствующую подготовку в Германии.

Агентура, заброшенная в СССР, как правило, сразу же обезвреживалась. Адреса и «почтовые ящики», куда по прибытии обращались связные или новые лазутчики, неизменно находились под зорким наблюдением оперативников НКВД. И бдительных народных масс.

Чекисты участвовали в различных операциях, душой которых был Иосиф Сталин. Наиболее чувствительный удар пришёлся по главному штабу «Русского общевойскового союза» (РОВСа), известному своей воинственностью, диверсионными и террористическими актами против СССР. Такое положение пришлось не по душе генсеку. После очередного теракта в советском консульстве в Варшаве Сталин сказал:

– Парижский гнойничок уже достаточно созрел, чтобы его обезвредить.

И этого было достаточно.

Вскоре в пригороде французской столицы среди бела дня, при всем честном народе и содействии подставного полицейского, бесследно исчез в подкатившей автомашине главнокомандующий РОВСа царский генерал Кутепов.

По этому случаю на ближней подмосковной даче её хозяин, не открывая причину, усердно угощал соратников по Политбюро отборным грузинским вином. На удивление гостей и сам изрядно выпил. Был на то серьёзный повод...

Заняв место канувшего в Лету Кутепова, генерал Миллер, присягая на верность Отечеству и «Общевойсковому союзу», в сердцах поклялся калёным железом отомстить за исчезновение своего достопочтенного предшественника.

Миллер и в самом деле сумел кое-что начать из обещанного... Но вскоре во время совещания, после объявления короткого перерыва, он точно сквозь землю провалился. И вновь не без содействия «осведомителей» родного Миллеру РОВСа. Почти по аналогичному с Кутеповым сценарию. Как продолжение после небольшого антракта. С последующим, на протяжении длительного времени захватывающим дух немым эпилогом. В Москве.

Такое пошло время. зуб за зуб, око за око. В отместку. Каким образом? Кто за этим стоит? Важно выполнить приказ: фюрера ли Третьего рейха, доверенного ли ООН, кремлёвского ли самодержца...

Работа сотрудников Особой группы в Германии была организована намного надёжнее, чем в других странах. Люди серьёзные, стойкие, идейные. Среди них и влиятельные служащие в известном миру концерне «Лейне-Верке». Особое внимание этой фирме уделялось прежде всего потому, что там работала строго законспирированная группа людей, занятая разработкой новых газов.

Серебрянский сумел создать из служащих концерна группу, готовую в случае войны развернуть диверсионную работу против врага на его собственной территории, а также в ряде стран Европы и Африки.

Не менее серьёзная работа проводилась и по созданию за рубежом немногочисленных групп боевиков для проведения диверсионных актов в случае военного конфликта СССР с фашистской Германией. В Норвегии, в частности, своими диверсионными операциями выде-

лялась ячейка, во главе которой стоял один из давних немецких друзей и соратников начальника Особой группы, в прошлом матрос германского флота. Ещё в восемнадцатом году за участие в восстании против кайзера, когда немецкая буржуазия учинила расправу над Розой Люксембург и Карлом Либкнехтом, военно-полевой трибунал приговорил его к смертной казни. Однако с помощью Якова Исаковича Серебрянского и единомышленников матросу удалось бежать.

Четырнадцать немецких коммунистов тогда же изменили свои фамилии и разбрелись по белу свету, основав на местах пребывания обособленные ячейки, которые очень быстро переросли в немногочисленные, совершенно незаметные, но активно действующие боевые группы. Распределением функций между ними занимался непосредственно Яков Исакович. Рассеянные по наиболее важным стратегическим пунктам, они состояли из проверенных, испытанных борцов против нацизма.

Возглавлявший норвежскую группу бывший матрос по кличке «Густав» умело рассредоточил своих людей по наиболее важным объектам, прежде всего портам Нарвик, Берген и Тронхейм. Это обстоятельство сыграло в деятельности его группы исключительную роль, учитывая, что флот Норвегии занимал после США и Великобритании третье место в мире.

Через осевших в этих местах доверенных лиц «Густав» поддерживал контакт с рабочими отдельных заводов, небольших фабрик, служащими фирмы, занимавшейся добычей железной руды. Норвегия экспортировала в нацистскую Германию не только руду, но и алюминий, никель, цинк... Это поощрял норвежский военный министр Квислинг, возглавлявший в стране нацистскую «пятую колонну».

Связи «Густава» тянулись и за пределы Норвегии – к крупнейшему в Швеции порту Лулео на побережье Ботнического залива. Сюда поступала руда из железорудного бассейна Кируну.

Филиалы группы «Густава» делали всё возможное, чтобы суда с наибольшим тоннажем грузов, предназначенных немцам, спешно готовящимся к войне с советской Россией, не достигли пункта назначения.

Часть вторая

Глава 1

По возвращении из отпуска Судоплатов занял более высокую должность: учтены были заслуги, опыт, знания, кругозор. Разумеется, повышение принесло удовлетворение. Хотя жизнь складывалась таким образом, что не оставляла места для радости, даже по столь значительному поводу.

Дошёл слух о том, что член комиссии ЦК ВКП(б), старший майор госбезопасности Яков Серебрянский, давший высокую оценку операции по дестабилизации деятельности ОУН, арестован. Судоплатов давно по достоинству ценил способности этого необычайно компетентного руководителя, был наслышан о его заслугах перед страной и глубоко переживал трагическую новость. Разумеется, молча, как и остальные коллеги.

Конечно, он не мог знать обстоятельств, предшествовавших аресту Якова Исааковича, не знал, что ему формально инкриминируется. Это было и необязательно. Вероятнее всего, привычный стандарт: обвинение в контрреволюции, попытке свергнуть советский государственный строй, восстановить капитализм... и чёрт знает что ещё могли напести. Возможно, и обвинение в шпионаже. В пользу какого конкретно государства, значения не имело. Следователи сочинят сами. Даже не позаботятся хотя бы о внешней правдоподобности. Главное – приписать «делу» весомость!

Иногда невольно приходила ужасающая мысль: вдруг аресты справедливы? Как Павел Анатольевич ни гнал её от себя, мысль эта, точно застрявшая глубоко заноза, вселяла сомнения, сбивала с толку, терзала... Не хотелось верить. И снова одолевали сомнения. К тому же Серебрянский был не один. На памяти был и Шпигельглас...

Всё это угнетало Судоплатова. Но как изменить ситуацию? Избавить невинных от мук, терзаний, несправедливости? Тем паче что и обстановка на мировой арене всё более накалялась.

Всё это, вместе взятое, подвигло Судоплатова на, казалось бы, безрассудный шаг: пренебрегая правилами служебного поведения и естественным чувством самосохранения, он обратился с пространной запиской в коллегия НКВД СССР.

Обрисовав бедственное положение заграничной агентурной разведки из-за крайне низкого уровня компетентности уцелевшего кадрового состава, Судоплатов предложил безотлагательно пересмотреть ряд дел бывших чекистов-нелегалов, осуждённых советским судом, возможно, по недостаточно убедительным основаниям. Фамилий не называл умышленно. Как бы мимоходом упомянул Особую группу. О бывшем её руководителе – ни слова.

Глава 2

Незадолго до описанных выше событий на партсобрании наркомата обсуждалось персональное дело коммуниста Виктора Семёновича Абакумова. Ему инкриминировалось злоупотребление служебным положением во время следственных действий: оскорбление заключённых, провокации, а в отношении арестованного чекиста разведчика-нелегала Зубова и рукоприкладство. Подобными методами следователь Абакумов добивался от подсудимых признания в несовершенных ими преступлениях.

Сотрудники ИНО НКВД, вопреки бытовавшему правилу не вмешиваться, сумели Петра Зубова отстоять. Дело прекратили; Зубова восстановили на прежней работе. Немалая заслуга в том руководителей ИНО Артура Христиановича Артузова и Сергея Дмитриевича Шпигельгласа. Они пользовались непререкаемым авторитетом не только в ИНО, но и у подавляющего большинства оперативного аппарата наркомата.

На это партсобрание пригласили и руководителя Особой группы старшего майора ГБ Серебрянского, поскольку Зубов по роду своей работы соприкасался с ним. Предложений было два: первое – исключить Абакумова из членов ВКП(б), второе – объявить строгий выговор с занесением в учётную карточку и уволить из органов НКВД.

Если за исключением чекиста из партии, как правило, следовал арест с непредсказуемыми трагическими последствиями, то второе наказание, оставляло шанс на жизнь.

Присутствовавший на собрании Серебрянский, говоря о Зубове, характеризовал его как добросовестного специалиста, честного чекиста, до конца преданного партии. Коснулся и Абакумова. Осудил его аморальные поступки, но заметил, что тот ещё молод, взысканий не имел, и потому мера наказания должна быть воспитательной. Предложил ограничиться выговором. Возникло и другое предложение – перевести коммуниста Абакумова из членов партии в кандидаты, но оставить в органах НКВД.

Партсобрание согласилось с последним. И Абакумова, понизив в должности, оставили в органах.

Через год с небольшим Абакумова восстановили в правах члена партии, вернули на прежнюю должность в следственную часть. Некоторое время спустя даже присвоили очередное звание. Абакумов набирал очки.

Спустя ещё несколько лет неожиданные события заставили сотрудников ИНО вспомнить об Абакумове. Вспомнили и не могли простить себе некогда проявленную гуманность: среди арестованных сотрудников ИНО, невзирая на их огромные заслуги перед Советским государством, оказались и уважаемые руководители внешней разведки Артур Артузов и Сергей Шпигельглас. Их приговорили к высшей мере наказания.

Как оказалось, к следствию приложил руку исполнявший к тому времени обязанности начальника следственного отделения НКВД СССР Виктор Абакумов. В камеру внутренней тюрьмы на Лубянке вернули и Петра Зубова; вслед за ним и начальника Особой группы Якова Серебрянского, некогда заступившегося за Зубова и Абакумова. Поистине, ни одно доброе дело не остаётся безнаказанным!

Абакумов забыл обещание товарищам по партии не повторять при ведении следствия произвола. Тогда, на партсобрании, он просил у коммунистов прощения, заверял, клялся. Теперь отплатил им за своё унижение. Мстил. Жестоко.

На костях своих жертв Абакумов делал карьеру и не замечал, что и для него самого уже обозначился аналогичный исход.

Старый работник ГПУ, испытывавший на себе метод ведения дознания Абакумовым, в сердцах поделился с Судоплатовым:

– Я убеждённый атеист, далек от предрассудков. Но, по мнению верующих, «Бог не бьет своих отступников палкой». Абакумов же выбивает от подследственных нужные показания. Безнаказанным ничто на свете не остаётся. Увидите! Мы ещё доживём до возмездия.

Слушая изрядно пострадавшего и чудом выжившего чекиста, Судоплатов ещё больше огорчался:

– Несомненно, возмездие наступит. Но сколько ещё безвинных людей пострадает! – Про себя же думал: «Разве в одном этом сукином сыне дело?»

Судоплатов был прав: абакумовы существуют лишь потому, что нужны стоявшим над ними. Система всеохватного произвола была устроена таким образом, чтобы страх висел над всеми, в том числе и над теми, чьими руками творились фальсифицированные дела. Периодически молох перемалывал и их жизни, превращая вчерашних палачей в жертвы.

Некоторые чекисты, предвидя арест и зная, чем он завершится, не выдерживали мучительных ожиданий и кончали самоубийством. Нередко так же поступали и находившиеся в длительных служебных командировках за рубежом, получив приказ наркомата вернуться в Союз.

Случалось, разведчики-нелегалы, понимая, с какой целью их отзывают, и не чувствуя за собой никакой вины, но уже узнав об аресте начальника или подчинённого, сослуживца, родственника, отказывались возвращаться. Одни уходили в сторону от какого-либо участия в политике; другие шли на службу к потенциальному противнику; третьи, не желая изменить Отечеству и зная, каким мукам будут подвергнуты, накладывали на себя руки.

Время от времени в карающее жерло наркомата попадали и самые высокие его руководители, ещё недавно обладавшие, казалось бы, неограниченной властью.

Глава 3

...Серебрянский терялся в догадках, думая о судьбах учёных-физиков – немецких евреев. Порой приходил в отчаяние при мысли, что их просто-напросто оставили без надлежащего внимания. Гнал эти грустные мысли, надеясь, что подобного не случится: «Среди учёных много именитых людей. С Нильсом Бором проводили совместные исследования; с Эйнштейном обменивались достижениями; с супругами Кюри дружили... Не везде же сидят кретины! Наверняка уже разобрались, – прикидывал узник. И тут же спохватывался: – А если нет?»

Уставший от изнурительных допросов Серебрянский чаще, чем прежде, вспоминал, сколько сил и нервов потребовалось, чтобы убедить этих выдающихся учёных уверовать в преимущество социалистической системы. Доказать, что только она – единственный гарант науки, служащей интересам человечества.

Оставаясь в полном неведении о судьбе этих людей, Серебрянский не переставал думать о них, даже когда следствие исчерпало все «возможности» допросов и дело шло к завершению. Тешил себя надеждой, что его люди сумели-таки переправить около десяти именитых учёных в Союз. В том, что близится его конец, Яков Исаакович не сомневался. Свыкся с такой мыслью. Со дня ареста перевалило на третий год... За что? За то, что руководил Особой группой ещё в ВЧК, затем в ОГПУ, потом в НКВД? Свой хлеб работники Особой группы оправдывали. К тому же её состав неизменно оставался небольшим. Всего полтора десятка специалистов.

Зарубежная часть агентуры была гораздо многочисленней. И разнообразнее: от рядовых клерков и маклеров, портовых грузчиков и докеров, официантов и администраторов отелей, служителей казино и водителей такси до комиссаров полиции и известных политических деятелей, статс-секретарей министерств и учёных с мировым именем.

Лишь незначительная часть этих людей удостоивалась денежного вознаграждения. Не столько за опасную работу, сколько на покрытие расходов. Другие же сами оплачивали затраты, связанные с разведывательной работой, а некоторые вообще финансировали деятельность единомышленников.

При этом их политические взгляды не всегда совпадали. В то же время всех объединяла общая антифашистская позиция. Поэтому все без исключения симпатизировали Советам. Считали «красную» державу флагманом борьбы с нацизмом, возлагали надежды на её способность нанести поражение распространяющемуся по планете, как чума, гитлеризму. Для антифашистов СССР представлял собой единственную страну в мире, располагавшую необходимыми возможностями справиться с нацизмом. Так было до сближения СССР с Германией.

Глава 4

Серебрянский подыскивал толковых, умных, обязательных людей. Тщательно отбирал самых надёжных, способных без лишнего шума и суеты незаметно выполнять задачи. И эти люди становились для Особой группы незаменимыми, бесценными. Дорожили доверием своего руководителя, некоторые боготворили его.

И вдруг ошеломляющее известие: руководитель не даёт о себе знать! Связь прервана. Слухи неутешительные. Обеспокоенность росла с каждым днем. Воцарилась мучительная неопределённость.

Попадавшие на страницы газет сообщения о происходивших в СССР арестах и казнях озадачивали агентуру, вселяли тревогу, настораживали. Толком никто ничего не понимал. Никакой ясности. В тех же газетах появлялись опровержения слухов. В том числе и от посетившего Советский Союз Лиона Фейхтвангера. Но он, по сути, мало что видел и ничего толком не понял во время визита в СССР. От всего главного, что могло открыть глаза, его преднамеренно уводили. В результате он покинул страну очарованный фасадом, энтузиазмом народа, размахом новостроек...

Гости в основном побывали в незнакомой стране с завязанными глазами и заткнутыми ушами. Пожалуй, лишь Андре Жиду удалось в некоторой мере разглядеть реальную жизнь страны. Но его справедливое, хотя и поверхностное заключение, вызвало бурю опровержений и гнев защитников социалистического режима.

По-разному оценивали проходившие в Москве судебные процессы над «врагами народа» и другие известные в мире деятели. Сбитыми с толку оказывались и люди, привыкшие объективно оценивать события. Трезво и демократично мыслящие европейцы весьма смутно представляли себе большевистский режим и его правителя.

Новая волна горячих споров возникла после заключения СССР пакта о ненападении и договора о дружбе с Германией. Только и слышалось: как могли Советы пойти на сближение с нацистами? К чему приведёт советско-германский альянс? Неужели Сталин до сих пор не понял, что представляет собой Гитлер? Как мог Сталин пойти на сотрудничество с нацистами после того, как они истребили германскую компартию? Означает ли договор о дружбе с Германией альянс большевизма и нацизма? Будут ли в СССР преследоваться евреи, как в Германии? Как мог Сталин провозгласить тост за здоровье Гитлера, поставившего перед собой цель уничтожения большевизма? Этикет обязывал? Какую позицию должны занять антифашисты? Правда ли, что в Советском Союзе преследуются антифашисты?

За пределами СССР в среде прогрессивной интеллигенции наметился раскол. Правые торжествовали, упрекая антифашистов в слепоте. Антифашистскому движению, идеям демократии, не говоря уже о коммунистической идеологии, был нанесен серьёзный удар.

Попытки отдельных функционеров разъяснить цели, преследуемые Советским Союзом при заключении с Германией пакта о дружбе и ненападении, не имели успеха. Доводы звучали расплывчато, беспомощно, неубедительно, примитивно.

Вдобавок нацистам удалось арестовать и заключить в тюрьму вождя Коммунистической партии Германии Эрнста Тельмана. Внезапно смолк Коминтерн. Будто это не он во всеуслышание заявлял о своей непримиримости к германскому нацизму и итальянскому фашизму. Становилось очевидно, что Коминтерн лишен какой-либо самостоятельности и полностью находится под властью Сталина.

Престиж Советского государства на мировой арене падал, оно подвергалось резкой критике. ВКП(б) и НСДАП Германии ставили в один ряд как близких партнёров с родственными интересами, целями, методами.

Припоминались слова Сталина, произнесённые им несколько лет назад в отчётном докладе XVII съезду партии: «...фашизм, например, в Италии, не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной».

Если раньше мало кто обратил внимание на эти слова, то теперь им придавалось принципиальное значение. Подчёркивалось, что они сказаны как раз в то время, когда на улицах Рима и Милана чернорубашечники Муссолини отлавливали коммунистов. В самой же Германии к середине тридцатых годов две трети функционеров компартии были ликвидированы. Остальные содержались в тюрьмах и концлагерях. Охота шла не только на коммунистов, но и на тех немцев, которые в своё время проявляли лояльность к Советскому Союзу. Его открытые сторонники рассматривались как государственные преступники.

В отличие от сталинского, гитлеровское руководство из-за изменения внешней ориентации лишь подкрасило фасад, притом на весьма короткий срок, ничуть не изменив нацистским принципам. Открыто, даже в беседах с наркомом иностранных дел и председателем Совнаркома СССР Молотовым, говорилось, что в Германии коммунизм полностью искоренен.

Советская же сторона вела себя так, что в СССР начали преследовать непримиримых противников германского фашизма. Это стало достоянием зарубежной прессы, и советскую внешнюю политику заклеями позором.

Европейцы не только прогрессивных, но и умеренно-консервативных взглядов пришли в полное замешательство.

За пределами Советского Союза люди не понимали истинных мотивов происходившего. У наблюдавших за яростной борьбой руководства ВКП(б) с европейскими социал-демократами, которых винили в уступках нацистам и называли не иначе, как «социал-соглашателями» и «социал-предателями», невольно возникал вопрос: разве не руководители Советского Союза Сталин и Молотов пошли на сближение с главарями нацистской партии и её фюрером? Разве не они заключили с ними пакт о ненападении и договор о дружбе?

Стало очевидно и другое: Коминтерн превратился в придаток центрального партийного аппарата Москвы. После заключения СССР договора с Германией даже те, кто вопреки всем фактам смотрели на происходящее сквозь розовые очки, отбросили их прочь.

Сталин заметил, насколько изменилась ситуация, и тут же дал указание усилить пропагандистскую работу. Надо отдать ему должное: многое удалось. Разумеется, внутри страны. Здесь он всегда добивался своего. На Западе же его пропагандистские усилия приносили весьма скудные результаты.

Резкий поворот во внешней политике генсека объяснялся несговорчивостью руководителей правительств европейских стран, и прежде всего Англии и Франции. Переговоры с ними оказались бесплодными. Но была и другая, более веская причина: экономическая отсталость страны и неподготовленность армии к войне с сильным противником. Понимая это, советские руководители стремились любыми путями выиграть время, чтобы наверстать упущенное и укрепить необходимый военно-экономический потенциал.

В то же время могло казаться, что не все средства исчерпаны для достижения согласия с Англией и Францией и тем самым преграждения пути фашизму. Но нельзя забывать, что лидеры этих государств на протяжении последних лет шли на поводу у германского фюрера, соглашаясь на уступки. В результате с карты Европы исчезла Австрия, а затем Чехословакия. В Африке – Абиссиния, отданная с их молчаливого согласия Италии. Теперь же они не прочь согласиться и на альянс с Гитлером при условии, что новые аннексии пойдут за счёт большевистской России.

Могло также казаться, что Сталин не питал неприязни к нацизму и его лидерам. Что гитлеровский режим был намного ближе его мировоззрению, нежели буржуазная демократия. Конечно, он ловчил, изворачивался, но вида не подавал. Не в его это характере. В то же время

он хорошо знал цену и европейским, и нацистским руководителям. Считал, что они стоят друг друга.

Лозунги и их реализация – нередко всего лишь удобное прикрытие непопулярных целей. Большевистский генсек шёл на союз с нацистским фюрером почти без всяких усилий, отбросив им же провозглашённые идеологические постулаты. Не считаясь с судьбами миллионов своих граждан, поверивших ему. Предав их, без сомнений, сожалений, зазрения совести.

Для Сталина и его окружения главным стало достижение собственных целей, чему они и отдавали все свои силы, делая вид, что действуют во благо народа. В действительности же ради удержания власти. Потому и наращивали мощь страны, укрепляя её военный потенциал, старались расширить экономическую базу. Подавляя при этом малейшее неповиновение, проявление инакомыслия.

Глава 5

В этот весьма мрачный период жизни страны подавляющее большинство зарубежных групп, сколоченных Серебрянским и его людьми, чтобы разобраться в ситуации, приостановили диверсии против нацистской Германии.

Группы предназначались для борьбы с агрессором на случай войны. Их долго готовили, каждого члена обучали индивидуально, создали для них специальные «базы», обеспечили необходимой техникой. Предстояло кое-что привнести новое в структуру работы и прикрытия, сделать и многое другое, постоянно требовавшее усовершенствования.

Некоторое время спустя группы Серебрянского, несмотря на его загадочное исчезновение, возобновили деятельность, однако не всегда так, как планировалось; приходилось вносить неизбежные в таких случаях коррективы.

Всё было готово для того, чтобы в нужный момент приступить к выполнению заданий. Каждый знал свои функции. И, что существенно, за всё время не было ни утечки информации, ни тем более измены. Этому руководство Особой группы придавало исключительно большое значение. Агрессор известен. Его подготовка к войне очевидна. Но не всё запланированное удавалось осуществить. Чередовались события, менялась обстановка, другими становились люди. Приходилось не только держать ухо остро, но и не выпускать никого из поля зрения, искать былые контакты. Всё тщательно выверять, чтобы не попасть впросак.

В связи с разрывом, а затем и противостоянием бывшему Центру боевикам пришлось многое менять. Разочарование в связи с заключением СССР договора о дружбе с Германией переносилось невероятно болезненно.

Особую озабоченность вызывала у руководителей групп сложность приобретения взрывных механизмов. Основные детали к ним были на исходе. Новые не поступали. Это грозило остановкой деятельности. Выручить обещали шведские друзья, они должны были смастерить «главное устройство». Новый взрывной механизм коренным образом отличался от ранее применявшихся, хотя и устаревших, но срабатывавших безотказно.

Шведы выполнили обещание, но изменилась обстановка: в Норвегию вторглись нацисты. Возникли трудности с доставкой из Швеции «механизма» и ряда «агрегатов» к нему.

Серьёзному риску подвергались люди, на которых была возложена задача провоза через границу взрывного устройства. Когда и эту проблему решили, возникла другая, ещё более рискованная: доставка механизма на судно, намеченное для диверсии. Бдительность проявляли не только нацистские и местные ищейки, но и судовые команды. В случае взрыва они были обречены.

Работать становилось всё труднее. Иногда даже казалось, что проведение диверсий на грузовых судах – дело совершенно бесперспективное и безнадёжное. И всё же время от времени гремели взрывы, эхо которых разносилось по всему миру. Достигало и Кремля.

Всё это было дело рук боевиков группы «Густава» – того самого матроса германского флота, приговорённого к расстрелу и некогда с помощью Серебрянского совершившего побег из тюрьмы.

Глава 6

Таинственное исчезновение Серебрянского вселило в среду зарубежной агентуры растерянность, неопределённость, перераставшую в апатию. Слухи о постигшей его трагедии выбивали из колеи, настораживали, разочаровывали.

Слухи шли волнами. В очередном, говорилось, будто страна, которой боевики посвятили жизнь, выразила им недоверие, и всё сделанное ими поставлено НКВД под сомнение, ведётся следствие. Многие видные работники Центра репрессированы.

Колоссальную обиду нанёс слух о том, что Сталин признал зарубежных боевиков «враждебным элементом, состоящим на службе мирового империализма».

Прежде никто из этих мужественных людей не придал бы значения подобным слухам, счёл бы их злонамеренной фальсификацией, теперь же они воспринимались как соответствующие реальности.

Подтверждением послужил заключённый Советским Союзом и Германией Пакт о ненападении. Последовавший за ним Договор о дружбе стал последним доказательством измены советских руководителей принципам антифашизма. Никто и ничто уже не могло поколебать этот вывод.

Растерянность, бесперспективность изменили людей до неузнаваемости. Изменилось и их отношение к обязанностям, и общий настрой. Словно их лишили сил.

Совсем недавно никто не посмел бы заподозрить, что деятельность исчезнувшего руководителя и его доверенных людей за рубежом может рассматриваться в Кремле как пособничество врагам народа, которых в последнее время клеймили газеты и радио.

Всё это крайне тяжело влияло на бывших сотрудников Особой группы. Образовался некий вакуум, преобладали беспомощность и аморфность. Казалось, будто все они выброшены за борт в бескрайний океан и без каких-либо спасательных средств должны держаться на плаву.

Но это поначалу. Боевики «Густава» сориентировались. Опомнились. Словно очнулись. Во всяком случае, взяли себя в руки. Поразмыслив, оглядевшись, взвесив отдельные обстоятельства, решили доказать, что антифашисты в любых условиях остаются антифашистами до конца. Даже если их предадут.

Наметилась новая фаза борьбы. Незыблемым оставалось главное: борьба с фашизмом. Не на жизнь, а на смерть. Вопреки создавшемуся положению, вопреки козням, трудностям, отсутствию руководства.

Это обстоятельство сыграло решающую роль в судьбах боевиков, обласканных в своё время начальником Особой группы Серебрянским.

В «знак признательности» его удостоили в подвале Лубянки отдельной камеры, путь от которой шёл в крематорий.

В бытность Серебрянского руководителем отдельного подразделения разведки и диверсии там не было ни одного случая измены или предательства. Ни со стороны нелегалов, ни со стороны сотрудников аппарата, ни со стороны других подчинённых. Хотя большинство и работали в условиях, когда ничего не стоило «затеряться».

Зарубежная агентура Особой группы НКВД обретала второе дыхание. Её людям, особенно руководителю, было бы гораздо труднее выполнять свои обязанности, если бы у действовавших за рубежом группировок не нашлись потенциальные сторонники СССР. Их помощь порой была едва ли не решающей. Во всяком случае, без неё пришлось бы сталкиваться с труднопреодолимыми препятствиями и отдельные операции потерпели бы фиаско.

Благодаря этой части агентуры, Особая группа получила возможность осуществить за рубежом ряд подрывных акций важного значения.

И всё же вопрос, как быть после заключения Советским Союзом договора с Гитлером, возникал постоянно. Приостановить диверсии? Не топить корабли, следующие с грузом в Германию?

Единства мнений в этих группах не существовало. Этим и пытались воспользоваться разведывательные службы французского Второго бюро, немецкого абвера, английского Интеллидженс сервиса, итальянской ОВРА.

Глава 7

У Якова Исааковича Серебрянского, заключённого внутренней тюрьмы на Лубянке, голова раскалывалась от тяжких мыслей. Ясности – никакой. В одном он не сомневался: бесчеловечность, жестокость начальника следственной части НКВД Абакумова не случайна.

Позиция арестованного: как можно больше наговорить небылиц о своей «преступной деятельности», чтобы завершился наконец этот кошмар и настал конец мукам, обходилась ему слишком дорого, но результата не давала.

Молодой, белобрысый, с раскосыми глазками следователь закусил удила. Понимал, что подследственный признаётся в шпионской деятельности в пользу Абиссинии с явной целью унижить его в глазах начальства, показать его невежество. И это приводило следователя в бешенство. Несостоявшийся спортсмен по метанию молота теперь метал кулаки-кувалды в свою жертву, яростно выплескивая накопившуюся злобу.

...Абакумов, словно тренер после удачного выступления выпестованного им спортсмена, наслаждался работой подручного. Одновременно любовался и самим собой. Внушительный, высокий, стройный, атлетического сложения, голубоглазый, с симпатичной, физиономией, он казался привлекательным. В работе настойчив, аккуратен, педантичен, что отмечалось начальством. Решения принимает быстро, зачастую не раздумывая. Отчего же не любить себя? Не наслаждаться собой? Не ценить?

А как умел он пользоваться властью! Как заставлял других дрожать перед собой, признавать его силу! На пустом месте создавал значимые дела. Из ничего! Если требовалось, с успехом лицемерил. Его жёсткость импонировала вышестоящему руководству. Результаты всегда налицо. Каким образом добыты? Кто бы посмел усомниться?!

Если б могла заговорить в нём совесть! Но она напрочь отсутствовала.

Подручные подражали ему. Старались ни на шаг не отставать от наставника в жестокости. Без неё не могли обойтись как без воздуха. И преуспевали.

Расчётливый, он знал свой недостаток – интеллектуальную ограниченность, ловко скрывал её. Когда не удавалось что-то с ходу понять, хотя бы уловить смысл, лез из кожи вон, стараясь дойти до сути. Умело держал паузу, затем преподносил её как раздумья над абсолютно ясным ему делом. Как творческое осмысление фабулы, доказательств, юридической квалификации преступления и выбора единственно верной меры наказания.

Жестокость и только жестокость! Без оглядки на человечность: решительность и оперативность ценились руководством наркомата. Абакумов был в чести и быстро делал карьеру.

Женщины нередко влюблялись в него с первого взгляда. Он с удовольствием знакомился с ними на вечерних прогулках по улице Горького, вблизи которой жил; на Центральном рынке, куда навещался по выходным. Особенно любил недолгие прогулки в саду «Эрмитаж», где во время вечернего рабочего перерыва расхаживал по извилистым аллеям, наслаждаясь ароматом маттиол, флоксов, табака. Заводил знакомства, невзирая на постоянно следовавших за ним на незначительном расстоянии двух охранников в серых, одинаковых, как у близнецов, костюмах.

Глава 8

Генсеку Абакумов импонировал: энергичный, бескомпромиссный, хваткий. Не получил и среднего образования, звёзд с неба не хватал. Однако, знал себе цену. Избалован. Прямолинеен. Резок. Чувствуя, что хватил через край, приостанавливался, но потом навёрстывал упущенное.

Эти качества устраивали отца народов. Хотя кое-что и настораживало, но не принципиальное. И вообще, лучше такой, чем изворотливый, с бегающими глазками.

Признание Серебрянского в шпионской деятельности в пользу уже несуществующей Абиссинии сначала вызвало у Абакумова возмущение и озлобление дерзкой попыткой насмешки над следствием. Отвергнув было версию арестованного, как абсолютно нелепую и явно провокационную, Абакумов вдруг вспомнил, что старший майор госбезопасности Серебрянский когда-то действительно бывал в тех краях! И стал рассматривать этот факт, как чрезвычайно важный, требующий серьёзного исследования. В Аддис-Абебе, столице Абиссинии, начальник Особой группы присутствовал на большом празднике по случаю завершения Италией победоносной кампании по завоеванию страны. Более того, Серебрянский находился тогда вблизи трибуны, с которой вождь чёрнорубашечников Бенито Муссолини принимал парад войск, оккупировавших страну и установивших в ней фашистский режим.

Эти данные зафиксированы в «деле». Там же со слов Серебрянского записано: близкий к итальянскому дуче генерал – агент Особой группы НКВД сообщил, что многие армейские подразделения, пройдя мимо трибун, делали где-то поблизости круг и, вклинившись в колонну, снова дефилировали перед Муссолини. Моторизованные части давали третий круг... У стоявших на трибунах гостей создавалось впечатление об армаде войск, которыми Италия располагала в Абиссинии.

Все эти сведения имелись и в докладной Серебрянского, представленной им по возвращении в Москву. Теперь следователь открывал новую, далеко не последнюю главу в якобы небывалой по масштабам антисоветской, контрреволюционной, подрывной деятельности, главными персонажами которой являлись бывший руководитель Особой группы НКВД Яков Серебрянский и его подчинённые. То, что многих из них уже нет в живых, значения не имело. Остались родственники, знакомые, друзья. Поразмыслив над значимостью материалов, следователь пришёл к убеждению, что Серебрянский если и не работал напрямую на Абиссинию, то, несомненно, сотрудничал с итальянской военной разведкой ОВРА, внесшей значительный вклад в оккупацию этой страны. Обеспеченная итальянским генералом возможность присутствовать рядом с трибуной дуче Италии говорила об обширных связях начальника Особой группы.

По заключению Абакумова и его сотрудника, значительная часть сведений, изложенных в протоколах допроса, свидетельствовала о полной дезинформации Советского правительства, которое вследствие этого оказалось введено в заблуждение о действительном положении дел в Абиссинии. Так как бывший начальник Особой группы в прошлом активный эсер, то абсолютно ясно, что все его действия злонамеренно направлены на измену социалистическому строю.

Подобные умозаключения были включены в материалы дела как дополнительные признания преступника. Особому совещанию не оставалось ничего другого, как утвердить заслуженную подсудимым высшую меру наказания.

– Понятно, почему его так влекло в Аддис-Абебу, как стрелку компаса всегда тянет на север, – повторял Абакумов вычитанную где-то или кем-то произнесённую фразу.

И следователь сделал вывод. В столице Абиссинии располагается филиал Римского разведывательного центра ОВРА. Вот где собака зарыта!

Жаль, Серебрянский не имел никакого отношения к Японии...

– К тому же эсер, эсером и остался. В его руках находилась Особая группа, разветвлённая чуть ли ни по всему миру! Огромные возможности для террористической деятельности!

Следователь воспрянул духом: он первым потянул за абиссинскую ниточку! Первым начал раскручивать «дело». Правда, начальник тогда высмеял его. Выругал. Но неожиданно начал прислушиваться. Теперь же сообразил: «дело» обретает огромный масштаб. Наверняка не останется незамеченным руководством наркомата. А может, и выше. Его личный вклад оценят. Правда, об обещанном повышении в должности и звании начальник помалкивает.

Абакумов прервал мечты следователя:

– Разматывай эсера! Не стесняйся! В заглавнике у него ещё много предательских дел. Понял? И не тяни!

Глава 9

Между тем в Генштабе вермахта разрабатывались планы кампании «Дранг нах Остен»³. В ряде европейских стран и отчасти в Америке уже дали о себе знать «пятые колонны». А на «Великой Украине» не удавалось даже семена посеять. Если они и прорастали, то побеги немедленно срезались! Лишь кое-где уцелели корни...

В Берлине, в отличие от новоназначенных руководителей ОУН, трезво оценивали ситуацию. Втайне тешили себя надеждой: рейх установит с Украиной общую границу. Мечта сбывается, и можно будет наверстать упущенное.

³ «Поход на Восток» (нем.).

Глава 10

Трагическая участь постигла Особую группу и её начальника Серебрянского после принятия Постановления ЦК ВКП(б) о «недоверии руководящему составу НКВД».

Менее года назад, когда он вернулся из-за кордона, его горячо приветствовали в наркомате, торжественно чествовали в Кремле, вручили орден Ленина. Столь высокой наградой Советское правительство не так уж часто баловало чекистов. Тем более на исходе тридцать седьмого.

Указ о награждении Якова Исааковича Серебрянского был опубликован 31 декабря 1937 года. Не вызывало сомнений, что высшее государственное признание – не за красивые глаза. Тем более что у него они навывкате, большие, карие. Всегда ясные, чистые, спокойные. Будто смотрели на мир индифферентно, отчуждённо. Но это только казалось. Проницательный взгляд мгновенно фиксировал главное и, что любопытно, тотчас же уходил куда-то в сторону. Почти отвлечённый, мельком скользнувший взгляд этот оставался незамеченным посторонними. Ещё одно качество Серебрянского, способствовавшее успеху в постоянно рискованной профессии: он не любил выделяться. Очевидно, потому и сутулился.

На сессии Верховного Совета СССР должны были утвердить план новой пятилетки. Один из пунктов заблаговременно намеченного решения – необходимость срочной механизации сельского хозяйства. Предусматривалось строительство ряда заводов. В частности, по выпуску моторов, без которых поднять экономику страны невыносимо. И обнаружилась масса трудностей.

Генсеку тотчас стало об этом известно. Он сказал:

– Надо их преодолеть! Не такие крепости брали большевики. Пороха у нас хватит. Справимся!

К преодолению невероятных, возникших при «взятии крепости» трудностей – непредвиденных, неучтённых, а потому вполне закономерных, подключились и стар, и млад. Энтузиазм сочетался с преданностью и особенно – с боязнью: как бы чего не вышло, не сочли бы вредителем. Страх, как дамоклов меч, постоянно висел над людьми. Работали в поте лица своего, жили впроголодь, недосыпали.

В красном уголке или отстроенном на скорую руку Доме культуры по вечерам выходного дня играл патефон. В сопровождении баяна танцевали модный фокстрот, пели про влюблённого ударника труда, повара, из ничего стряпавшего котлеты размером в лапоть, смотрели фильм «Путёвка в жизнь», сражались в шашки, шахматы...

Расходились рано. Предстоял трудовой день. Невозможное делали возможным, лишь бы выполнить в срок наказ «великого Вождя».

А «Вождь» скромничал, говорил: он ни при чём:

– Для чего примешивать сюда товарища Сталина? Товарищ Сталин тоже выполняет волю советского народа. А поскольку такова воля наших людей, значит, такова воля рабочего класса и крестьянства! Значит, и товарищ Сталин, и члены Политбюро, и Центральный Комитет партии подчиняются этой воле народа. Здесь мы все едины, все наравне, все одинаковы: в труде и помыслах на благо народа!

В ответ народ аплодировал до одурения и вновь самозабвенно трудился, не зная ни сна, ни отдыха. Путёвки в дома отдыха и тем более в санатории были крайне редки, в основном для передовиков производства да отличившихся в пропаганде идей партии большевиков.

Люди валились с ног, едва ли не замертво, а на следующий день, чуть свет, снова принимались за работу – неприхотливые, тихие, молчаливые.

Однако задание партии и народа решили выполнить досрочно.

Энтузиазм бил через край. Люди искренне радовались и в то же время испытывали в душе неподдельный страх – как бы кто-нибудь не упрекнул в чём-либо, не придрался, не истолковал случайную ошибку как вредительство. Либо просто не оклеветал. Такое тоже случалось.

...Между тем строительство моторного завода шло полным ходом. Стены росли, станки устанавливали ещё до возведения крыши, рабочие места закреплялись. Со всех сторон лозунги призывали: «Даёшь досрочно!»

И в самом деле, выпускали продукцию. Досрочно! Вопреки прогнозам буржуазных скептиков и доморощенных критиканов, называвших себя специалистами. Назло им состоялось торжественное принятие первой партии моторов.

Восторгу, естественно, не было предела. Радовались от души. Жали друг другу руки, обнимались, хлопали по плечу. И сразу же начали кампанию за перевыполнение плана, брали новые обязательства на увеличение выпуска отдельных деталей, всей продукции в целом. И она пошла! Полным ходом. Но... качество, как выяснилось, не отвечало нужной кондиции.

Не из-за лени, не из-за головотяпства. И конечно, не по злему умыслу. Такое напрочь исключалось. Но сказать об этом в открытую никто не осмеливался. Призывы к бдительности звучали круглосуточно. Во всем мерещились происки врагов. Люди невольно настороженно озирались по сторонам, зачастую не столько искали шпионов, сколько остерегались шептунов, клязников и просто стукачей. Этих боялись больше всего.

И всё же энтузиазм был на высочайшем подъёме, хотя и не компенсировал пробелы. Они, в частности, выражались в пренебрежении к углублённой подготовке, опыту, талантам и, конечно, необходимым профессиональным знаниям.

Митинговали, совещались, спорили, брали новые сообязательства: «Решить проблему!», «Освоить новый метод!», «Улучить качество!» А результат по-прежнему неутешительный.

– Хоть убей, ничего пока не выходит, – сокрушался начальник цеха по выпуску подшипников. – И главный технолог ума не приложит.

Информация о неудаче дошла до генсека. В Кремле срочно созвали совещание узкого круга изобретателей, конструкторов, ведущих инженеров, технологов. Выяснилось, напором здесь не возьмёшь, угрозами успеха не добиться. Необходимо время для серьёзных исследований, экспериментов, точное оборудование. Но времени в обрез. Международная обстановка накалялась и грозила неожиданностями. Особенно без необходимого количества надёжных моторов для военной и гражданской промышленности. А тут ещё произошёл казус, к счастью, не замеченный иностранными корреспондентами, аккредитованными в Москве. Во время репетиции военного парада, посвящённого годовщине Октябрьской революции, на Манежной площади с ночи выстроили колонны танков и бронемашин. И, словно нарочно, у двух танков заклинило моторы. Выяснилось: не первый случай. Оба танка пришлось срочно отбуксировать в часть. Но в пути напрочь заглох мотор и на одном из буксировщиков. Танки увезли тракторами. Военное командование лезло из кожи вон, стараясь скрыть ЧП.

В Кремле тотчас созвали внеочередное совещание. В ещё более узком кругу. Ни конструкторов, ни инженеров, ни изобретателей. Присутствовали лишь чекисты – специалисты особого профиля.

На совещании выступил генсек. В отличие от обычного порядка выступать последним, взял слово первым. Говорил необычайно тихо, проникновенно, даже сердечно. Казался на редкость обаятельным. Говорил так, точно всё благосостояние и сама жизнь многомиллионного народа Страны Советов и всего мирового пролетариата, о которых болело его сердце, зависели теперь только от собравшихся в этом небольшом зале людей, ничего не знавших о причине столь высокой чести.

– Конечно, мы освоим выпуск моторов, – уверенно заявил Сталин. – Сомнений нет. Наладим и массовое производство. И здесь сомнения исключены. Однако мотор должен быть изготовлен на основе добротной технологии! Приподняв руку и вытянув полусогнутый указательный палец, Сталин своим хорошо знакомым жестом как бы акцентировал внимание присутствующих на этом факте. Чекисты слушали внимательно и напряжённо, не спуская глаз с вождя. А он в свою очередь оглядывал присутствующих, пытаясь разгадать их реакцию.

– И дело не в самом моторе, а в отдельных его деталях. Их немного. Есть там одна чертовщина, – пояснял он, ещё выше подняв руку и выпрямив палец, будто наставляя на чекистов ствол нагана, – на первый взгляд пустяковая. Так может казаться непосвящённому. Но мы знаем, что небольшой камушек в состоянии опрокинуть огромную гору. В данном случае речь идет о роликах и шариках. В них-то как раз и загвоздка! У наших технологов именно с шариками дело обстоит неблагоприятно. Но, к сожалению, только благодаря этим шарикам и роликам могут безотказно вращаться колеса автомашины. Значит, и бронемашины! Также и гусеницы трактора. Значит, и танка! Пропеллера гражданского или спортивного самолёта. Значит, и бомбардировщика, и истребителя! И винт грузового или пассажирского судна. Значит, и сторожевого корабля, торпедного катера или крейсера!

Сталин смолк. Слегка перевёл дыхание и обвёл многозначительным взглядом чекистов, ещё не понимавших, куда он клонит. После недолгой паузы генсек наконец раскрыл свой замысел:

– Причина в технологии... именно в изготовлении этой роликово-шариковой детали. При плохом её качестве мотор может застопориться. Значит, может застопориться вся наша техника. Может застопориться и экономика. Может застопориться и обороноспособность страны. А мы обязаны, как учит нас великий Ленин, никогда не забывать об обороноспособности нашего государства, которое обязаны беречь как зеницу ока!

– Пренебречь мудрыми заветами Ильича – значит встать на путь измены, – продолжал он, – предать интересы народа, обречь государство на гибель. Такого мы не допустим. Поэтому и решили приобрести лицензии на технологию изготовления той самой шарикороликовой штуковины у господ фабрикантов и заводчиков. Такие сделки с эксплуататорами мы иногда практикуем. К сожалению. Обходится нам это втридорога. Но пути иного пока нет. Однако в данном случае господа капиталисты заартачились: запросили такую сумму, что, если бы наши колхозники и колхозницы, рабочие и работницы отдали бы все свои заработки, вплоть до последнего рубля, трудовая интеллигенция сняла бы с себя последнюю пару штанов, мы опустошили бы государственную казну до копейки, нам бы не расплатиться с акулами капитала. Не хотят они, чтобы у большевиков дела стали налаживаться. Понимают, вопрос касается обороноспособности нашего государства.

Сталин вновь скользнул пронизывающим взглядом слегка прищуренных буро-зелёных с карим оттенком глаз по сосредоточенным лицам чекистов и, удовлетворенный их напряжённым вниманием, добавил:

– Здесь чекистам придётся хорошенько пошевелить мозгами, чтобы раздобыть необходимое для налаживания производства добротных шариков. Советский народ будет благодарен. Вы хорошо знаете, что партия большевиков слов на ветер не бросает.

И предложил:

– Возможно, мы отойдем от принятого у нас правила, когда кто-то должен непременно выступить и взять на себя обязательства. Наверное, полезнее будет не выдавать сейчас векселей, лучше хорошенько подумать и уже по конкретному предложению обсудить намеченное мероприятие. Если нет возражений, я пожелаю всем успеха в работе.

На том и завершилось выступление генсека. Как обычно, лаконичное, ёмкое, доходчивое, образное.

Вопросов не задавали. Сомнений, естественно, не высказывали. Срок выполнения не оговаривали. Понимали, он до предела сжат. Задание конкретное. Скидок не будет. Выполнение поручения генсека в ту же ночь возложили на Особую группу, именовавшуюся тогда «Группа Я» – «Группа Якова Серебрянского». Структура, содержание, форма и методы работы, разумеется, особые. Формально группа подчинялась непосредственно наркому внутренних дел, фактически же – генсеку.

Задание – без излишнего шума раздобыть у зловердных капиталистов технологию производства шарикоподшипников – работники Особой группы выполнили. А что, в самом деле, миндальничать!.. Сделали аккуратно, чисто и без малейшего намёка на незаконное вторжение в «чужую запатентованность».

Вождь тоже сдержал слово. Сотрудники Особой группы ещё не успели вернуться из-за кордона, а Указ о награждении участников операции уже состоялся. Отличившимся присвоили внеочередные звания, кое-кого повысили в должности. Награды вручал Председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Иванович Калинин в присутствии генсека. По-товарищески, почти по-свойски генсек сказал:

– У членов Политбюро было мнение наградить начальника Особой группы и руководителя операции товарища Серебрянского двумя орденами Ленина. Более высокой награды у нас нет, вы знаете. А наш Яша Серебрянский заслуживает её. И это вы тоже знаете. Мы посоветовались на Политбюро. И пришли к выводу: Ленин у нас один, великий и неповторимый! Это вы тоже знаете. И остановились на одном ордене Ленина.

Умные, проникновенные слова, присущие Вождю. Как всегда, необычные, с неожиданным поворотом, запоминающиеся.

Чекисты горячо аплодировали. Яков Исаакович даже покраснел от смущения. Искренне и сердечно поблагодарил за высокую награду, заверив их в своей неизменной преданности и готовности выполнить любые задания, а если потребуется, отдать и жизнь.

Генсек обвёл чекистов взглядом, остановил его на Серебрянском, добавил:

– Жертвовать жизнью ради общего дела похвально. Но жизнь надо беречь, как самое драгоценное, что есть у человека. Она даётся ему всего один раз. А ваша жизнь, товарищ Серебрянский, ещё понадобится Социалистической Отчизне! Мы, к сожалению, не так богаты такими специалистами, мастерами своего дела, как Серебрянский. И мы умеем это ценить.

Это произошло в Кремле в январе 1938 года.

Яков Исаакович тогда растрогался от такой похвалы, да ещё прозвучавшей из уст самого вождя. Тронули и слова Калинина: «Родина никогда не забудет ни вклада чекистов в оборонную мощь Советского государства, ни самих награждённых, ни их семьи...»

Новая награда поблескивала золотом и платиной рядом с поблекшим старого формата орденом Красного Знамени, которого Серебрянский был удостоен за изобретательность и беспрецедентное мужество в работе за кордоном.

Увы, теперь это уже не имело значения. Значение имело лишь слово начальника следственной части НКВД капитана ГБ Абакумова. Того самого, которого несколько лет назад по инициативе Серебрянского спасли от верной гибели. Люди, как и сама жизнь, преподносят подчас коварные сюрпризы. Честный человек остаётся признателен тому, кто однажды спас ему жизнь; негодяй же отнимает жизнь у своего спасителя.

Глава 11

...В октябре того же 1938 года Серебрянского арестовали. Как обещали, «не забыли» и его жену Полину Натановну, сотрудника Особой группы, участвовавшую не только в операции с подшипниками.

Абакумов, злобный, мстительный, не мог снести унижения, испытанного на том партсобрании, когда ему во спасение карьеры и жизни пришлось просить прощения за произвол, допущенный им при ведении следствия.

Одновременно с Серебрянским допрашивали ряд ведущих работников Особой группы. Испытанных специалистов, не только знавших иностранные языки, конъюнктуру, обстановку, быт тех стран, где они работали, но и имевших обширные знакомства в различных слоях общества многих государств. Людей, преданных до мозга костей Отечеству, готовых на самопожертвование ради дела, которому себя посвятили. Честных, отважных чекистов.

Но, некоторые из них, не выдержав пыток, на очных ставках со своим недавним начальником и другом плели о нём несусветные небылицы. При расставании же просили у него прощения за оговор, просили понять их состояние. Однако следователь делал вид, что ничего подобного не слышал. Главное – протоколы показаний, подписанные оговорщиками.

Абакумов с подручными раскручивал «заговоры». Подследственные же вынужденно признавали себя виновными по всем предъявленным им обвинениям. Оговаривали других.

Вначале Серебрянский сопротивлялся. Пытался возразить, опровергнуть, что-то доказать. В частности, напоминал, что первый председатель ВЧК-ОГПУ Феликс Эдмундович Дзержинский хорошо его знал, доверял ему и поручал задания государственной важности, которые всегда выполнялись. Что в личном деле имеются его приказы с благодарностями. Что не случайно Дзержинский поручил именно ему сформировать Особую группу из преданных, толковых разведчиков-нелегалов. И нет случая, когда бы он или его подчинённые подвели или сорвали выполнение задания. В ОГПУ, затем в НКВД при других руководителях. Вплоть до последнего дня!

Следователь прервал Серебрянского сильнейшим ударом палкой по шее, сопроводив удар отборной матерщиной. Серебрянский без сознания упал на пол. Прибывший по вызову фельдшер помог следователю поднять бездыханного заключённого, с трудом усадить его на стул.

А следователь, не обращая внимания на полуобморочное состояние Серебрянского, продолжал требовать:

– Будешь говорить о своей антисоветской, шпионской работе?!

Не добившись ответа несчастного, который не мог произнести ни слова, был вынужден прекратить допрос. Временно.

Спустя двое суток Серебрянского снова приволокли на допрос. На этот раз сразу в сопровождении фельдшера.

– Чьё выполнял задание по дискредитации политики Советского государства? Конкретно!? Как в твоей группе величали хозяев? Отвечай, эсеровская образина!

Серебрянский молчал.

– Я спрашиваю: кто? Второе бюро? Или разом англичане и французы? – Выходил из себя следователь и замахивался палкой. – Говори, слышь!? Хуже будет! – И набрав телефонный номер, приказал: Давайте! Сейчас же!

Появились помощники. Двое. Стажёры. Будущие следователи. И сразу приступили к «исполнению обязанностей»: прижав заключённого к стулу, с такой силой сдавили ему плечи

и скрутили за спину руки, что он начал задыхаться. А следователь, ехидно ухмыляясь, пустил в ход кулаки. Будто взбивал подушку.

Стали палкой лупить по пяткам. Казалось, сейчас вылетят из черепа мозги. Подследственный, до сих пор молчавший, закричал от невыносимой боли. И тут же утих, повалился на пол.

Жертву облили водой. Попытались приподнять, снова усадить на стул. Подследственный был без сознания. Так и оставили его на полу. Следователь и стажёры пошли отмывать кровь с рук. Вернулись с графином воды. Побрызгали несчастному в лицо, вылили воду на голову и отошли, созерцая на расстоянии стонущую на полу жертву. Вскоре следователь махнул рукой, крепко выругался и отпустил помощников.

Заключённый лежал, как мешок, из-под которого вытекала на пол густая красная жижа. Следователь зло скрипнул зубами. Достал папиросу, закурил. Взглянув на часы, решительно сел за стол, принялся фиксировать «достигнутое» в протоколе допроса.

Обвиняемому вменялось в вину сознательное преувеличение уровня технической оснащенности армий ряда буржуазных стран, в частности, германского вермахта. Это квалифицировалось, как стремление принизить мощь Красной Армии, дискредитировать ее военачальников, вплоть до самого... Имя, естественно, не упоминалось.

Нагромождённые обвинения ни на йоту не отступали от шаблона, которым оперировали следователи, руководимые Абакумовым. Ничего нового. Хотя фальсификаторы лезли из кожи вон, стараясь приплести к обвинению нечто сногшибательное.

Часть третья

Глава 1

Судьба Юрия Котельникова складывалась несколько необычно. Родился он в небольшом городке Болграде Измаильского уезда Бессарабии, входившей в состав королевской Румынии.

Среднее образование получил там же в начальной румынской школе имени Штефана Великого, затем в лицее короля Карла II, попутно увлекался авиамоделизмом. Когда было образовано военизированное подразделение «черчеташы» – наподобие бойскаутского общества, Юрий вступил в него одним из первых.

Но для этого требовалась соответствующая экипировка: широкополая панاما с ремешком у подбородка, блуза с накладными карманами и короткие штаны, боты на утолщенной подошве и гетры почти под самое колено. Чтобы приобрести всё это, пришлось месяца два с лишним поработать с рассвета и до темна на уборке урожая в расположенном неподалеку немецком селе Александрфельд.

Спал под открытым небом у скирды соломы, зато хозяева кормили отменно! И сами тоже трудились так, что подёнщику этот пример запомнился на всю жизнь.

Задолго до рассвета он просыпался от шума вёдер, бутылей, бидонов. Это молодые немки уже принимались доить коров, а сыновья в это время уводили лошадей на водопой. Пожилая, но крепкая хозяйка при свете большой переносной керосиновой лампы уже хлопотала всюду у печи, откуда доносились вкусные запахи жареного – вареного.

Завтрак состоял из половины срезанного вкруговую огромного ароматного ломтя хлеба домашней выпечки и здоровенной кружки парного молока. Начинался трудовой день. Подёнщик вращал молотилку со скошенным урожаем зерновых, вместе с напарником насыпал в мешки ячмень, овёс, кукурузу. Обед был скромный – мясной суп и очень сладкий компот из прошлогодних сухофруктов. Зато ужином наедался досыта, что называется, от пуза! Особенно нравилась домашняя колбаса. Иногда гусиная с душистым чёрным перцем. Редчайшая вкуснятина, которую прежде гимназисту не только не доводилось есть, но даже видеть. Денежки, как и остальным двум подёнщикам, только после окончания работы.

Своей старательностью Юрий пришёлся по душе немецким хозяевам. К тому же он – гимназист и, стало быть, образованный. На удивление они еле-еле умели и читать, и писать, не знали обыкновенной арифметики и часто ошибались, подсчитывая вес мешков с зерном.

Румынским языком почти не владели. Русский, куда ни шло, можно понять, унаследовали от родителей, живших в Бессарабии, когда она входила в состав Российской империи. Хозяева-немцы были неразговорчивы, в меру строги и требовательны. Исключительно пунктуальны. Доброжелательны, но, как правило, после завершения дневных работ и наступления сумерек. Тогда и звали к ужину.

Гимназиста Юрия хозяева оставили и после уборки урожая. Он понадобился им для подсчёта подготовленных на продажу мешков с овсом по 75, ячменём по 80, кукурузой по 85 килограммов. И, главное, во время продажи с учётом разницы в ценах. К тому же скупщики зерна жульничали при взвешивании мешков, особенно при расчётах. А хозяева не могли обнаружить их мошенничества. Домой они отправили своего «учёного» подёнщика на попутной повозке, ехавшей в Болград. Порадовали гостинцами – продуктами.

– Какие хорошие эти немцы! – Прослезилась Юрина мать. – Раньше слыхала. Но чтоб настолько, да ещё даром! Выходит, добрые у них сердца, потому и даёт им Господь.

Почти все заработанные деньги ушли на черчеташскую экипировку. Юру назначили старшим группы и выдали ему свисток, взамен кортика большой нож в чехле, куцеватый голубой

аксельбант, сапёрную лопатку в чехле и записную книжку с карандашом. Обещанный старшим когорты широкий кожаный ремень с португеей и ранец для предстоящих походов пришлось докупать самому.

Гордости у принятого в бойскауты не было предела! Увидев его в черчеташской форме, мать заулыбалась сквозь слёзы, но не столько от радости, сколько от грустных размышлений. С самого начала она пыталась отговорить сына от этакой затеи. Доказывала её никчёмность, настаивала, умоляла... Не помогло.

...По рассказам матери, Юрий родился на рассвете 30 декабря 1921 года. В первые дни 1922-го крутила снежная буря. Стемнело, как глубокой ночью. Зарегистрировали новорождённого 3 марта. По новому стилю – 17 марта.

Всего за четыре года до его «пришествия» Бессарабия была отторгнута от Российской империи. 18 января 1918 года румынский монарх Фердинанд Первый, воспользовавшись царившей неразберихой при установлении там Советской власти, втихаря ввёл войска в Бессарабию и тем самым присоединил к королевству плодородный и значительный кусок земли, правда, населённой не очень покорными народами, не желавшими мириться с оккупацией. В городах Бессарабии продолжала преобладать русская речь, несмотря на запрет властей и на таблички в румынской транскрипции с требованием: «Говорите только по-румынски». Штрафовали. Не помогало. Советская же Россия никогда не признавала за Румынией отторгнутую от неё Бессарабию.

У бойскаутов Юрия привлекло пришедшееся ему по душе правило: каждый черчеташ обязан ежедневно совершать доброе дело, делать запись о нём в небольшой календарной книжице и отчитываться на общем сборе группы. Записи служили подтверждением выполненных добрых поступков. К примеру: «*Понедельник*, перевёл старушку через дорогу; *вторник*, принёс дрова из сарая в дом престарелым соседям; *среда*, помог старику донести с базара объёмистую корзину с покупками; в сквере уступил место на скамейке пожилой даме»...

Мечта болгарского лицеиста сбылась: вскоре черчеташское «войско» отправилось в свой первый поход. Одолели за день целых сорок километров! На ночёвку остановились на окраине уездного городка Измаила, у стен крепости, некогда турецкой. О том, что в позапрошлом столетии её штурмом взяла сорокатысячная армия легендарного генералиссимуса России Александра Васильевича Суворова, никто из черчеташей и представления не имел.

Юрий же кое-что слышал, но помалкивал. Упоминание России вообще запрещалось. О том, что за этим власти следили строго, свидетельствовали переполненные тюрьмы, аресты, судебные процессы. Знавшие об этом предпочитали молчать.

К Измаильской крепости начали стекаться и группы черчеташей, прибывшие по Дунаю из румынской метрополии. К удивлению болгарских лицеистов, они приветствовали друг друга жестом руки, похожим на нацистское «хайль», и звонко чеканили: «Здравья!» («*Sănătate!*» – рум.).

В торжественной обстановке зажгли костёр. Руководитель черчеташей из метрополии произнёс краткую речь и также приветствовал присутствовавших жестом, повторявшим нацистское приветствие. Зазвучала песня: «На нашем стяге начертано объединение» («*Pe al nostru steag e scris unire!*» – рум.). И вслед припев нацистского толка: «По приказу командира мы города снесём, фонари трупами неверных украсим...», который прерывался общим рифмованным выкриком: «Запомните три слова: «Гвардия идёт вперёд!» («*Tineti minte trei cuvinte: «Garda merge înainte!*» – рум.).

Слова песни, подобие нацистских приветствий сбили с толку болгарских лицеистов и прежде всего старшего группы Юрия. Мелькнула тревожная мысль: «С кем оказался в когорте?» Понял, о какой «гвардии» идёт речь. Конечно же, о нацистской «Железной гвардии»! Делая вид, что поёт вместе со всеми, Юрий с трудом сдерживал негодование. Вдобавок при-

шло участвовать в танце «*Hora Unirei!*»⁴. Песне, возмущившей его, казалось, не будет конца. К тому времени, когда объявили перерыв на ужин, настроение у Юрия было вконец испорчено, он нервничал, не находил себе места...

Зашуршала бумага кульков, извлечённых из ранцев. «Молодые энтузиасты патриотического движения» – мало кто из них вразумительно понимал во славу кого и чего – принялись за еду. Во время пиршества откуда-то появилась рыженькая кошечка. Заблудилась либо почувствовала запах еды. Настороженно присела поодаль. Резвые парни из метрополии поймали беззащитное животное и натёрли ему под хвостом красным турецким перчиком, острым, обжигающим. Кошка запрыгала, заметалась, пытаясь вылизать обожжённое место, корчилась уже от ожога язычка...

Страшное зрелище окончательно вывело Юрия из равновесия. Сжимались кулаки, да и весь он напрягся, как натянутая струна. А живодёры в это время покатывались со смеху. И Юрий не выдержал. Выхватив из брезентового чехла саперную лопатку, сорвался с места и уже готов был ринуться на хулиганов, но друзья удержали его, с трудом урезонили, уберегли от неизбежного скандала с непредсказуемыми последствиями. Случались у лицеиста Котельникова и прежде такие вспышки гнева. Словно неведомая сила овладевала им и влекла напролом. Остановить его в такой момент удавалось непросто. Даже друзьям, не говоря о посторонних. Нечасто, но подобное случалось.

В тот вечер, чувствуя, что ему не уснуть, Юрий вызвался дежурить по лагерю до полуночи. Однако сменщика не разбудил. Несмотря на усталость от похода, продолжал дежурить, хотя это и не входило в обязанности старшего группы. Не давали покоя продолжавшие витать в воздухе слова фашистских песен, нацистские приветствия, жалкая мордочка кошки, изуродованной живодёрами, их омерзительный хохот.

Всю ночь он не переставал корить себя за неразумное вступление в бойскаутскую когорту, совершенно чуждую его натуре. Увлечение, граничившее с преступлением перед собственной совестью.

Наступившее прозрение требовало неизбежного наказания, считал Юрий, и зримо представлял его себе: резким движением черчеташского ножа он вскрывает себе грудь, извлекает сердце и наотмашь бьёт по нему... Но и этого казалось ему мало. И он продолжал искать и искать реальное наказание себе за свою опрометчивость, непростительную наивность.

Никак не мог понять, как он принял столь необдуманное решение стать фактически фашистом. И чем больше он думал об этом, тем всё больше начинал ненавидеть себя. Не находил себе ни малейшего оправдания. Что бы он ни делал, ни задумывал, они преследовали постоянно. Проникали в плоть и кровь. Причём настолько прочно, что если разрыв с когортой вначале виделся ему простым выходом из неё, то теперь он настойчиво требовал от самого себя поступка, который красноречиво подтверждал бы, что он не остался в долгу. Как некое средство, расплата способная облегчить переживания.

Вдобавок он узнал, что «правило совершать повседневно хотя бы один добрый поступок», которым недавно так восхищался, полностью заимствовано из структуры гитлерюгенда. Дело казалось вполне хорошим, но шедшие параллельно с ним практические деяния, главное, сама цель, были абсолютно порочны.

По возвращении сына из похода мать сразу же догадалась о его разочаровании, которое его постигло.

– Это не для нас, – сказала она, обрадовавшись, что сын так скоро убедился в своем заблуждении.

⁴ «Танец объединения» с песней, слова которой подразумевают присоединение к Румынии регионов: Трансильвании с венгерским населением; Добруджи с болгарским; Бессарабию с русскими, молдаванами, украинцами, болгарями, гагаузами, евреями, липованами, греками и другими нацменьшинствами, проживавшими на землях, недавно принадлежавших России.

Нашивки с формы Юрий спорол, полученные в когорте свисток, так называемый кортик, сапёрную лопатку, записную книжку и значок— вернул. Молча, не ответив на вопросы, ушёл. Мать поняла, что осмысление сыном своего заблуждения – результат его взросления. «Взрослеет парень, мужает», – обрадовалась она и неожиданно спросила:

– Помнишь ли, несколько лет назад к нам приехала худенькая девушка? Папина племянница Пита. Я сказала тебе, что она сильно простужена и поэтому не выходит из дома.

Возможно, в доме и заходил о ней разговор, припоминал Юрий, но он пролетел мимо его ушей, увлечённого тогда своими «великими перспективами».

– Имя Пита слышал. Но почему ты спрашиваешь?

– Недельки полторы она пробыла тогда у нас, – продолжала мать. – Ночью папа отвез её и нас с тобой на санях на вокзал. Лошадь у нас была, а сани он у кого-то одолжил.

– Поездку на санях помню. Меня тогда укутали в шаль... – вспомнил Юрий. – И как отвезли родственницу отца на вокзал. Там мы с тобой и этой девушкой долго гуляли на улице.

Мать поправила:

– Не на улице, а на перроне вокзала.

– Ну, да. Было очень холодно. Я замёрз. Когда прибыл поезд, который я увидел впервые, мы с тобой проводили девушку до вагона. Папа оставался в санях. Когда вернулись, он спросил тебя: «Никто за ней не шёл?» Ты ответила «Всё, кажется, слава богу, обошлось».

– Неужели помнишь всё это? – удивилась мать. – Даже то, что я ответила папе?

– Конечно!

– Так вот: Пита, когда жила у нас, не выходила из дома не потому, что была простужена, как я тебе сказала. Она скрывалась. Её разыскивала полиция! И всё же через некоторое время её арестовали. Папа ещё был с нами. Осудили на тринадцать лет! Бедняжка до сих пор в тюрьме, где-то далеко, в Румынии. Когда она пряталась у нас, твой отец по секрету признался мне, что она коммунистка. Только ты никому об этом! Слышишь, Юра? А рассказала, чтобы ты знал: жизнь очень сложная, скверная штука. Прошу тебя, будь осторожен!

Рассказ о родственнице, томящейся в тюрьме, недавние события у Измаильской крепости не только разочаровали бывшего «старшего группы черчеташской когорты» в недавних иллюзиях, но и серьёзно сказались на его взглядах на жизнь.

Как-то он спросил мать, что такого могла натворить Пита, что её осудили на столь длительный срок?

– Отец говорил, что племянница и её друзья борются за справедливость. За лучшую жизнь для бедняков. И как будто за возвращение Бессарабии России. Между прочим, твой отец служил русскому царю-батюшке. Где-то у нас была его «Похвальная книжка». Надо бы мне найти её! Он там значится «николаевским стрелком». Хорошо стрелял! А Пита – загубленная жизнь... Отец рассказывал, что когда полиция её арестовывала, у неё был полугодовой сын. Пита его никогда больше не видела. Сколько лет прошло, никто ничего о нём не знает. Исчез! Вот тебе и твои румынские бойскауты.

– Поживём, увидим...

Мать, видимо, не поняв реакции сына, сочувственно пояснила:

– Своими переживаниями мы ничем ей не поможем. А чем-то другим, как следует в таких случаях, нет у нас возможности. Да и где та тюрьма, понятия не имею. А где твой отец? Помогает ли он племяннице? Да и жив ли?

– Ничего-ничего, мам. Ещё не рассвело.

Глава 2

Юрий хотел сказать что-то ещё, но послышался лай соседских собак. Мать спохватилась: – Сегодня ж пятница! Это просик. (Так в Бессарабии называли нищих). А у нас нет ничего, чтобы...

Юрий укоризненно посмотрел на мать, дескать, как же ничего не дать несчастному?

– Ну, нет же, говорю! Квартирант обещал принести деньги вечером. Что я могу сделать? Второпях она вынула из парусиновой торбочки краюшку полукруглого хлеба:

– Дай хоть это, раз нет ничего другого.

Глядя на недовольное лицо сына, достала из сахарницы квадратик сахара.

– Один? – недоумевал Юрий. – Ты что?!

– Не могу же я поставить на ужин квартиранту пустую сахарницу.

– Кусочка бы три, мам! Стыдно ж один...

Мать наклонила сахарницу так, чтобы он убедился: она почти пуста.

– Утром будешь пить несладкий чай.

– Хорошо, – согласился он.

– Кусок сахара дадим мы, кто-то ещё даст... В другой раз, если будет, дашь ему четыре. Думаешь, он не понимает, кто мы и как живем? Это ж не цыган, просящий подаяния. Посмотри-ка хорошенько на него. Наверное, он кем-то был раньше.

Мимо окна, согнувшись, прошёл к входной двери старичок.

– Скажу, чтобы не обижался, – пошла ему навстречу мать. – Он знает, когда у нас есть, мы не жадничаем. Помнишь, дала ему большой кусок коврижки, которую только что испекла.

– Пойми, – не отставал Юрий, – стыдно, один сахарок! Всё равно, что ничего!

Просик ушёл, и Юрий потихоньку от матери достал из сахарницы ещё три кубика сахара, но увидев, что она почти пуста, положил кусок обратно и побежал вдогонку просику.

Но тот словно растворился. Расстроенный исчезновением старичка, Юрий остановился в недоумении: куда бы тот мог деться? И обрадовался, увидев, как из калитки дальнего соседского дома показалась знакомая сгорбленная спина с котомкой.

Догнав просика, протянул кусочки сахара. Тот низко поклонился, но не взял. Юрий так и остался стоять с протянутой рукой и двумя кусками сахара на ладони.

– Ваша мама дала мне. Спасибо, мой милый! – поблагодарил старичок. – Знаю, когда у вас достаток, она не обижает меня. Не обессудьте, молодой человек. У вас доброе сердце.

Эта история с просиком и сахаром, рассказ матери о судьбе отцовской племянницы, нацистские идеи бойскаутов заставили Юрия коренным образом изменить свое отношение к событиям, увидеть их в ином свете. Теперь он всё чаще ловил себя на том, что обнаруживал фальшь в людях, которыми ещё вчера восхищался, которым безоговорочно верил.

От этих грустных размышлений юношу отвлекал авиамоделизм, он увлекался им ещё школьником. Иногда, бывало, приходил и на теннисный корт посмотреть на игру, подбирал вылетающие за пределы корта мячи и кидал их игрокам. Одним из них был полковник Россетти, командир артиллерийского полка, расквартированного в казармах на окраине города.

У школьника с полковником установилось визуальное знакомство. На приветствия при встрече тот отвечал лёгкой улыбкой. Это льстило. Тем более что полковник выделялся в городе своим положением.

По праздникам, открывая парад, полковник Россетти во главе своего полка важно восседал на резвом рысаке. В будни проезжал по городу в роскошном фаэтоне в сопровождении двух верховых адъютантов. Неизменный монокль в глазу привлекал нескрываемое любопытство провинциалов. На редких встречах с местной знатью он держался почтительно, строго,

по-деловому. В ответ на приветствия слегка прикладывал ладонь в белоснежной перчатке к окаймленному позолотой козырьку армейской фуражки.

Офицеры сторонились его с подчёркнутой смирностью. Вёл он себя во всем достойно, соответственно своему положению, одновременно независимо, замкнуто и в меру гордо.

Со временем ненавязчивое знакомство с парёнком, подбиравшим теннисные мячики, переросло в добрые отношения. Определённую роль в этом, видимо, сыграло и то, что Юрий стал лицеистом, проявлял способности к авиамоделизму.

Случайно узнав об этом его увлечении и о том, что он из бедной семьи, полковник решил помочь любознательному пареньку выстроить задуманный им макет планёра и выделил из собственных средств небольшую сумму для покупки фанеры, мелких гвоздей, клея, сурового полотна.

Бесценный для авиамоделиста материал приносил ему домой полковничий денщик. Не переставая поражаться, как из фанеры вырастал планёр по размеру в четверть настоящего, денщик докладывал об этом своему хозяину.

Макет планёра получил похвальную оценку преподавателя физики лица и с небольшой фотографией конструктора был выставлен в кабинете физики. Вскоре макет планёра отправили в Бухарест для экспозиции на международной выставке. Неожиданно пришло официальное сообщение о том, что планёр, зарегистрированный под названием «YURISS», удостоен первой премии. Его конструктор приглашался в Бухарест на бесплатную учёбу в «Пилотажной школе Мирча Кантакузино».

Приятная весть не обошлась без конфуза, изменившего на некоторое время всю жизнь Юрия.

То, что конструктор планёра бессарабец, успеха не сулило. И потому в сопроводительном письме с согласия причастного к строительству планёра полковника Россети указывалось, что конструктор – его приёмный сын Юрий. Так в авиационную школу был официально зачислен учащийся Юрий Россети.

Следует отметить, что одна из красивейших площадей румынской столицы носила название площадь Россети.

Ещё в лицее, когда макет планёра был готов, Юрий назвал его в современном стиле своим именем по-латински («ЮРИСС»). Название было крупно выведено на боковых сторонах носовой части планёра. Потому выглядело несколько замысловато, зато внушительно.

Как раз в это время в город приехал на каникулы сын аптекаря, студент Бухарестского фармацевтического факультета Александр Розенцвайг. Встретив Юрия, озабоченного предстоящим отъездом в авиашколу, отвел его в сторонку и спросил:

– Ты вообще-то соображаешь, как назвал свой «ироплан»? Думаешь, вокруг одни «рябчики»?!

Юрий удивлённо посмотрел на приятеля:

– Ты о чём?

– Видел твой «ироплан» в Бухаресте на выставке. Какое название ты ему припаял?!

– Назвал его своим именем. А что?

– Твоё имя – «YURISS»? – с ехидцей спросил Шура. – Да ещё в такой транскрипции? Ё-моё!..

– Но ты прекрасно знаешь, что в румынском алфавите нет буквы «Ю». Я заменил её игреком. Это преступление? В остальном по-румынски – всё точно. В авиации это принято. А в чём дело? – удивился конструктор. – Чем тебя не устраивает название?

– Да за такое название тебя могут упечь лет на десяток... Как минимум!

– За что же? – Юрий удивлённо пожал плечами.

– Думаешь, никто не поймет? Ножка буквы «Y» настолько укорочена, что похожа на настоящее «U»! – не унимался Шура. – Этого ты тоже не знаешь? И что вся надпись на планёре

с двумя «SS» в конце – тоже ни о чём не говорит?! А вторая буква «S» откуда взялась? И что полностью название выглядит, как «У-Ре-Се-Се», ты также понятия не имеешь? Или, в самом деле, считаешь, что вокруг ни чёрта не смыслят? Это же «Унион Республик Совет Социалист!» Соображаешь? «U-Re-Se-Se»...

– А это ещё что? – переспросил растерянно Юрий. – Не пойму, на что ты намекаешь. Серьёзно, Шура!

Шура обозлился:

– Он, оказывается, с луны свалился! А что такое «СССР» – ты тоже впервые слышишь?

– Нет, почему? – на полном серьёзе ответил Юрий. – Кажется, это клуб спортивный или что-то ещё. Объясни толком, чем недоволен? Шура обиделся не на шутку: – Считаешь меня идиотом! Тогда пошёл ты знаешь куда?..

...Прошли десятилетия. Весной 2004 года Шура Розенцвайгу исполнилось 90 лет, когда в День Победы над нацизмом он позвонил из Израиля бывшему «конструктору первого и последнего планёра». После поздравлений с праздником Шура вспомнил выставленный на международной выставке в Бухаресте макет планёра с названием в латинской транскрипции «YURISS», из-за чего в те времена конструктор в самом деле мог очутиться в «казённом доме» с мощными решётками.

Шура признался:

– Иногда вспоминаю нашу встречу в Болграде и разговор о странном названии твоего макета планёра. Какой же ты всё-таки артист! Театр много потерял без тебя, серьёзно, Юрка!

– Но кто-то, наверное, всё же выиграл?! – ответил уже давно не тот «Юрка». – Сама по себе жизнь – тоже театр, Шурочка! Иногда вторгаешься в бесплатную комедию, а она, оказывается, оплачена кровью трагедии. Тоже не случайно!

– Я опять о твоём планёре, – заметил Александр Моисеевич Розенцвайг. – Честно говоря, ещё тогда я понял, что в твоей реакции на моё замечание о его названии было что-то искусственное. Пойти на такой риск в те времена?! Рискуя свободой? Многие в те годы делали что-то казавшееся очень важным.

Кстати, в том телефонном разговоре Шура вспомнил и полковника Россети:

– Знаешь, он стал генералом. Несколько лет назад я ездил в Бухарест, позвонил ему. Узнал, что он женился на болгарке Нине Мумжиевой. У них в Болграде был тайный романец. Бабка рафинированная. Интересная, скромная, без надобности глаз не поднимала. Знала себе цену. И потому заметная. Ты её, наверное, помнишь?

Юрию была знакома не только внешность Мумжиевой, он знал, что она работала в тайной румынской полиции – сигуранце. Но он сделал вид, будто слышит о ней впервые.

Времена изменились, однако привычки сохранились...

Глава 3

Неожиданно для самого себя конструктор макета планёра обрёл аристократическую фамилию «Россетти». Хотя она и льстила его самолюбию...

Вместе с тем что-то и соблазняло. Прежде всего, сама жизнь в столице. Для провинциала – «седьмое небо»! И круг новых знакомых, будто втягивавших его в свой, чуждый ему танец.

Как и недавнее увлечение черчеташами, которое неожиданно захлёб его завлекло и также внезапно наотмашь оттолкнуло от себя. А теперь? И вовсе получалось, что, не отдавая должного отчёта своему поступку, полез из огня да в полымя!

Но как отказаться от возможности стать лётчиком? Вдруг действительно удастся? Уверен в том не был. Скорее, наоборот. По ночам иногда мечталось, если всё же получится, перемахнуть с трёхцветными кругами румынского знамени на крыльях через границу на Днестре к Советам.

В авиационной школе «Мирча Кантакузино» началась подготовка к практическим пилотажным занятиям, проходившим на аэродроме Быняса.

Однажды вечером к Юрию в пансион на Дмитрие Кантемиру, где он снимал раскладушку, снова пришёл пожилой человек, который отыскал его пару недель назад и передал от матери банку с вареньем и пятьсот лей.

Незнакомец назвался Сильвестру. Посылка из дома – приятный сюрприз. Хотя и озадачило: откуда бедняжка мама смогла наскрести такую сумму? Не бог вещь какая крупная, но для неё!.. Наверное, продала обручальные золотые кольца. Уезжая из дома, отец оставил кольцо на столе. Мать берегла кольца на всякий случай, если окажется в безвыходном положении.

Юрий поблагодарил за посылку, назвав незнакомца «господин Сильвестру».

– Пожалуйста, не величайте меня «господином», – прервал тот, – лучше «дядей». Так проще. Мы ведь земляки! К тому же «господин» слишком высокопарно для меня.

Юрий не возразил. А дядюшка Сильвестру поинтересовался, знает ли он, где находится его родственница Пита? Юрий пожал плечами и промолчал.

– Правильно делаете, будто не знаете, о ком идёт речь, – похвалил земляк.

Оказалось, мать кое-что ему рассказала. И, как вскоре выяснилось, варенье действительно прислала она, но остальное... И Юрий спросил:

– Неужели мама так разбогатела, что смогла раскошиться на такую сумму?

Дядюшка Сильвестру едва заметно махнул рукой, дескать, ни к чему об этом, и добавил: если Юрий захочет, сможет подрабатывать по вечерам.

– В автомобильном гараже. Мойщиком машин. Это в центре. На бульваре Брытияну.

– С удовольствием! – охотно согласился Юрий. – Конечно, после занятий.

И Юрий стал по вечерам работать в гараже «Леонида э компань». А когда гараж вскоре перешёл в собственность немецкого транспортного концерна «Шенкер», забеспокоился: не лишится ли хотя и незначительного, но заработка, позволявшего ему не ходить на аэродром Быняса и обратно пешком по пять километров в один конец, а ездить на автобусе.

При новом владельце буквально за считанные дни всё изменилось. Стало больше чёткости, порядка, чистоты. К тому же расчёты с работниками проводились по субботам. Не приходилось ждать жалования, как прежде, две недели. Мойщик быстро поднаторел в постановке автомашин на мойку, возвращении их на место и постановке очередных. В основном, грузовиков «Опель-блиц».

Глава 4

О своей работе в гараже и прибытии на мойку грузовиков с военными грузами из Германии Юрий рассказал Сильвестру. Как и о событиях на аэродроме во второй день Пасхи.

...С утра шёл проливной дождь, к полудню он прекратился, но небо оставалось затянутым облаками. Полёты отменили. Где-то во второй половине дня у огромных ворот бетонного ангара собрались, оживлённо беседуя, известные в стране авиаторы: заслуженный лётчик Бызу Кантакузино, не менее знаменитый военный лётчик капитан Папаны, выделявшаяся крестьянской внешностью первая парашютистка в стране Смаранда Брыеску и необычайной красоты с изысканными манерами спортивная лётчица лет тридцати Ирина Бурная. За лихость полётов её прозвали «Ирина Дурная». Румыны не понимали значения её изменённой фамилии.

Однажды на большом авиационном празднике на аэродроме Быняса Ирина Бурная в присутствии короля Карла II, министров и зарубежных гостей совершила такой рискованный полёт, что газетный листок в специальном вечернем выпуске назвал его «полёт на вершке от земли вниз головой».

Лётчица выполнила его на биплане «Бюйккер-Юнгмайстер», по слухам подаренном ей германским рейхсминистром авиации Германом Герингом, будто бы находившимся среди гостей.

Поговаривали, что она якобы была дочерью генерала бывшей Российской империи. Потрясающий шарм, изысканность, аристократизм сочетались в ней с добродушной простотой. При встречах с лётчицей курсант Россетти вежливо кланялся и получал в ответ воздушный поцелуй. Если доводилось видеть её вблизи, особенно когда она поднималась в свой самолёт, у Юрия перехватывало дыхание, настолько красива и обаятельна была Ирина.

Знаменитостей, собравшихся у ворот ангара, забавлял смешными рассказами Ионел Ферник – прославленный парашютист и одновременно ведущий инженер авиационных заводов «ИАР» («*Industria Aeronautica Romana*»).

Бессарабский земляк переспросил у Юрия название завода и тут же записал его. Затем спросил:

– Вы знакомы с инженером?

– Здороваемся, улыбаемся друг другу, не более... К тому же он ещё и талантливый композитор. Его песни транслирует бухарестское радио, а знаменитую про позднюю осеннюю ночь⁵ напевает вся страна...

– Он знает, что вы курсант?

– Наверняка! Иначе почему нахожусь на аэродроме, да ещё в лётной форме?

– И фамилию знает?

– Вряд ли...

Сильвестру, поморщившись, промолчал. Юрию Россетти это не понравилось.

– Ко всему, – заметил он, – Ферник слывёт весельчаком и необыкновенным рассказчиком анекдотов.

...У собравшихся у ангара было веселое пасхальное настроение, все смеялись. В разгар веселья почти вплотную к ангару, что категорически запрещено, подкатили две шикарные машины; на бампере первой из них вместо номерного знака поблескивала золотом королевская корона. За рулём сидел сын Его величества короля Румынии великий воевода де Алба Юлия Михай. Он подошёл к авиаторам, сдержанно и почтительно его поздравили традиционным «Христос воскрес»; Михай ответил: «Воистину Воскрес».

⁵ «Iti mai aduci aminte, Doamna, era tarziu si era toamna...» (рум). («Помнишь ли, Госпожа, был поздний вечер и стояла осень...»)

Обрисовывая Сильвестру внешность наследника престола, Юрий восторженно отозвался о его светло-коричневом спортивном в тонкую клетку с накладными карманами пиджаке и широких брюках в стиле «гольф», чулках в узорах, коричневых ботинках на толстой подошве.

Из второй машины вышли двое молодых парней и две милостивые девушки. Почтительно раскланявшись с Ферником и его окружением, остановились неподалеку.

В бетонном ангаре № 1 стояли спортивные самолёты Михая и его дядюшки – брата монарха, принца Николая, частого посетителя пилотажной школы. Обычно, когда он ещё был далеко, до аэродрома уже доносился рёв его гоночной машины с длинным капотом, с обеих сторон которого сверкали большие хромированные выхлопные трубы. В ангаре начинала суетиться солдатская охрана.

Ферник был в ударе и продолжал сыпать анекдотами. Запомнился один из них. «Накануне праздника Пасхи на тротуаре главной столичной улицы Каля Виктории перед входом в ресторан высшего разряда «Корсо» выставили две корзины с крашеными яйцами. Одна с крупными по 2 лея и 50 банов за штуку, в другой – мелкие яйца по 2 лея. Мимо корзин прохаживались две курицы. Та, что больше ростом, ткнув крылом свою тощую подружку, гордо заявила: “Гляди, какие у меня крупные яйца! 2 лея и 50 банов за штуку, а твои всего 2 лея!” Курица, что поменьше и на вид тощая, без всякой зависти рассмеялась: “И не подумаю за какие-то там 50 банов рвать себе задницу!”»

Присутствующие от души смеялись. Юрий заметил, что далёкий от мирского балагурства Михай призадумался: видимо, до него не сразу дошёл смысл анекдота, затем наравне с остальными долго до слёз смеялся.

Юрий, пересказав анекдот Сильвестру, не без удивления отметил, что его обычно сумрачное лицо расплылось в неподдельной улыбке. «Наверное, впервые в жизни», – подумал Юрий, и тут же добавил с сожалением:

– Я тоже хохотал, стоя у ворот ангара вместе с другими курсантами, пришедшими в пасхальный день на аэродром, но меня удручило...

– Что? Что именно? – потребовал обеспокоенный Сильвестру.

– Михай. У него на галстук свастика... Крохотная. Золотая!.. А я-то симпатизировал ему! Молодой, мой ровесник, спокойный, незаносчивый. Не то что его дядюшка принц Николай... Этот всегда шумливый, готовый полезть в драку, если на перекрестке не пропускали его гоночную машину.

Старик и вида не подал, что его заинтересовало это сообщение, но уже на следующий день он вновь объявился в пансионе. Был поздний час, Юрия разбудила прислуга – девушка-немка.

Сонный, в одних трусах, босиком Юрий поспешил во двор. Сильвестру, оказывается, искал его в гараже, где по ночам он подрабатывал мойщиком автомобилей. На территорию, заполненную немецкими грузовиками, дядюшку не впустили, сказали, что мойщик Россетти уже ушёл.

Убедившись, что поблизости никого нет, Сильвестру тихо спросил:

– Вы на самом деле видели ту штучку на галстук сына самого главного в стране?..

– Свастикку? Так мне показалось. Мог и ошибиться. Не рядом же стоял...

– Но откуда вы знаете, что она золотая? – вопросом на вопрос ответил Сильвестру.

Юрий было замешкался, не находя спросонья разумного ответа. Поразмыслив, ответил:

– Неужто завтрашний глава страны будет носить медный фашистский значок? Да ещё на галстук?! Крохотный, чуть больше ногтя мизинца. Сомневаетесь в достоверности? Что-нибудь случилось?

Вместо ответа Сильвестру прошептал парню в самое ухо:

– Откуда вы знаете, что у наследника престола значок золотой?

Настойчивость старика вывела сонного парня из равновесия:

– В следующий раз, когда этот господин появится у нас, непременно спрошу его об этом. И потребую показать пробу! Должна же она быть! Устроит это вас? Что ещё нужно для подтверждения?

Старик нахмурился. Назначив день встречи, ушёл, не попрощавшись. При первой же встрече Юрий попросил у Сильвестру прощения за недозволенную резкость.

Мог ли кто-нибудь предположить, что разговор Юрия с Сильвестру весной 1939 года в Бухаресте о фашистском значке на галстуке наследника престола Румынии Михая откликнется спустя годы?

В авиашколе всё ладилось. У курсанта Россетти установились хорошие отношения с инструктором полётов, коллегами, новыми знакомыми. Помимо того ему повезло: он начал учебные полёты не так, как другие, на биплане «Флет», а сразу на небольшом и компактном моноплане «Икар». Благодаря главному механику ангара господину Урсу. Курсант Россетти души не чаял в его громоздком, с допотопным мотором мотоцикле с коляской и запасным колесом на багажнике. Приводил его в порядок, до блеска натирал металлические части и заправлял чистейшим авиационным бензином по самую пробку. Только масло доливал сам господин-шеф механик.

Такое общение укрепило знакомство, незаметно переросшее в дружеские отношения. Однако это отнюдь не сказывалось на требовательности механика ко всем без исключения курсантам.

Юрий, памятуя о своём бессарабском происхождении, старался ничем не выделяться среди курсантов, держался скромно, несколько в стороне от товарищей.

В ангаре больше, чем на теоретических занятиях, доминировали порядок, чёткость, исполнительность.

Услышав ещё издали шум глушителя мотоцикла главного механика, люди тотчас же подтягивались и поспешно убирали в ангар всё лишнее, что могло бы вызвать раздражение шефа. Его побаивались, хотя он и не был излишне требователен. Но порядок для него был незыблемым.

При появлении господина Урсу часовой с винтовкой у входа в ангар замирал в стойке смиренно, громко щёлкнув при этом подковками каблучков. Кстати, и курсант Россетти скопировал такое приветствие. Этот ритуал настолько вошёл в привычку, что даже знакомясь и подавая руку людям гражданским или девушкам, он одновременно щёлкал каблучками.

Вскоре вместо обаятельного румына инструктором полетов назначили прибывшего из Германии чопорного, индифферентного, в «цивильной» одежде немца. «Герр оберлойтнант», как его называли в ангаре, отнюдь не скрывал своей принадлежности к «люфтваффе». Напротив, бравировал этим. Румынский язык давался ему с трудом. С Россетти изъяснялся на немецком. В лицее он был вторым иностранным языком после французского. В разговорной немецкой речи Юрий поднаторел во время работы у немецких крестьян в деревне Александрфельд.

И всё же нелегко было разобраться в весьма ценных объяснениях, связанных с взлётом самолёта. Подробности его посадки изучались на втором этапе школьной программы.

Бывали случаи, когда шеф-механик Урсу подвозил на своём мотоцикле курсанта Россетти с аэропорта Быняса, расположенного на территории одноимённого окраинного села столицы, в город. Но в этот раз у площади Виктории мотоцикл свернул на бульвар Басараб. Вскоре подкатил к добротному двухэтажному зданию, известному в Бухаресте как «Casa Verde» («Зелёный дом»). Там, в клубе, работал племянник механика. Стройный парень приятной внешности, здороваясь, назвался Марчелом. Вместе с дядей они отошли в сторону и о чём-то недолго поговорили. Вернувшись к мотоциклу, Марчел пригласил Юрия заглянуть в клуб.

От неожиданности курсант застенчиво поблагодарил, пообещав в другой раз воспользоваться такой возможностью. В ответ Марчел заверил его, что в любое воскресенье будет рад визиту.

В характере Юрия удивительным образом сила и смелость сочетались с застенчивостью. Перерастая порой в подозрительность, она порождала в нем напряжённость. Он старался ничем не выделяться, чурался похвал, памятуя, кем является в действительности. Ведь каждую минуту могло открыться, что никакой он не приёмный сын полковника Россетти, а обыкновенный бессарабский парень Юрий Котельников, которому именитый аристократ, благодаря стараниям руководителей лицея, пообещал своё покровительство и, несомненно, уже забыл об этом.

Такая двойная жизнь держала Юрия в постоянном напряжении, тревоге, опасении, что ежесекундно с крыши высокого дома на его голову может сорваться кирпич... Он мужественно справлялся со всеми этими сложностями и не подавал вида, что они постоянно его одолевают. Готов был всё стерпеть во имя поставленной перед собой цели стать лётчиком.

Глава 5

День обещал быть солнечным, и настроение ему соответствовало. Курсант Россетти, как обычно, срезав угол, направился по протоптанной дорожке, проходившей по краю аэродромного поля, к бетонному ангару школы.

Это заметил начальник взлётно-посадочной площадки аджудан-шеф Кефулеску. На его резкий окрик курсант тотчас подбежал к нему, взял под козырёк. Лицо Кефулеску с глубоким шрамом на щеке перекосило гневом. На курсанта обрушился поток отъявленной брани за нарушение прохода по аэродромному полю. Действительно, для пешеходов имелась прямая асфальтированная дорога, идущая по краям взлётно-посадочной площадки.

Юрий не успел открыть рот, чтобы извиниться, хотя дорожка эта была давно протоптана и ею пользовался весь аэродромный персонал, лётчики и курсанты, как разъярённый начальник вlepил ему затрещину. Качнуло, зазвенело в ушах, из глаз полетели искры, загорелась щека, зашумело в голове.

Обиде не было предела. Поначалу Юрий решил проколоть покрышку автомобиля, который аджудан-шеф обычно ставил за углом, у входа в главную диспетчерскую аэропорта. Обида не покидала. Даже сидя за штурвалом самолёта впереди инструктора, дававшего указания, Юрий не переставал обдумывать мщение начальнику взлётно-посадочной площадки.

Несколько раз незаметно проходил мимо его ухоженного автомобиля. Запасся заточенным в ангаре ножиком и кусачками. Унижение всегда вызывало в нём немедленную бунтарскую реакцию. Так было с раннего детства. Однако сейчас до осуществления возмездия пока не дошло. Верх взял настороженный рассудок. Вспомнилась присказка матери: «Если кто-то дурак, то не надо доказывать, что и ты такой же».

Хотя отказаться от возмездия было непросто, понял, что попытка примирения при его, в общем-то, незавидном положении гораздо разумнее.

Юрий отутюжил форму, до блеска надраил бронзовые пуговицы, намазал кремом ботинки, побывал у парикмахера, после чего уверенно вошёл в кабинет аджудан-шефа Кефулеску и чётко, изображая чувство глубокого сожаления за допущенное нарушение, принёс свои извинения. Преднамеренно избежал слова «прощение». Не мог! Мысль о возмездии нет-нет, да возникала.

Кефулеску не столько поразился, сколько насторожился. Появление молодого курсанта, которому он вlepил оплеуху, было для него полной неожиданностью. Услышав чеканные слова извинения, видимо, от неловкости улыбнулся, изобразив на лице сожаление.

В дальнейшем Юрий старался чаще попадаться ему на глаза, и каждый раз с неизменной наигранной благожелательностью произносил: «Здравия желаю, господин аджудан-шеф!» И это сыграло свою роль: Кефулеску стал, хотя и с ухмылкой, отвечать на приветствия.

Как бы то ни было, Юрий был доволен, что не действовал сгоряча. Отношения с аджудан-шефом Кефулеску постепенно налаживались. Однако тревожное напряжённое ожидание «падающего кирпича» не проходило.

Сознавая своё истинное положение, курсант Россетти держался скромно, к преподавателям и курсантам школы относился уважительно, по-доброму, и, видимо, потому они отвечали ему тем же. Работники ангара полюбили его. А начальник школы капитан авиации Абелес даже симпатизировал.

Этому предшествовал случай. Как-то в воскресенье, оказавшись на главной столичной улице Каля Виктории у Дома офицеров (*Cercul militar*), Юрий увидел припаркованный неподалеку вишнёвый двухместный «форд» начальника авиашколы. Машина казалась накрённой набок. Подойдя ближе, увидел, что спустилась покрышка заднего колеса.

Сообразив, что хозяин машины, очевидно, в ресторане, решил предупредить его. Но швейцар преградил ему путь. Клиентура фешенебельного «Корсо» состояла из лиц высшего сословия – во фраках, смокингах, богато одетых дам. Курсант авиашколы не внушал доверия. Выручил метрдотель. Но сначала он вместе с Юрием пошёл взглянуть на машину.

Убедившись в правоте парня, метрдотель вернулся в ресторан и вскоре вышел оттуда вместе с капитаном Абелесом. Тот сразу узнал питомца, понял, что стряслось, и протянул ему ключи от багажника машины: на, мол, делай, что надо.

Повозиться пришлось основательно. Отсутствовал опыт. Благо, имелось запасное колесо. Позже, покидая как-то аэродром Быняса, начальник школы предложил курсанту довезти его до города на своём автомобиле. В других случаях, чтобы не выглядеть навязчивым, Юрий благодарил, но отказывался. И, как обычно, возвращался в город пешком. Билет на автобус стоил шесть лей. Скромный обед в бодеге (закусочной), на который он мог раскошиться, обходился примерно в 10 лей.

Юрий нелегко привыкал к курсантской жизни. И всё же, встречаясь с Сильвестру, с удовольствием рассказывал ему о замене колеса на автомобиле начальника школы; о полётах на аэродроме с немецким инструктором; о знакомстве с родственником главного механика ангара, работающим в спортивном клубе «Зелёный дом». Земляк внимательно слушал и почему-то поинтересовался «Зелёным домом», о котором, оказывается, и понятия не имел.

Встречались они обычно в какой-нибудь кофейне за чашкой кофе с пирожным либо за стаканом чая с лимоном, иногда и с дешёвой булочкой.

На этот раз Сильвестру объявился ранее обусловленного срока и не в пансионе, а в гараже, когда Юрий переставлял очередной грузовик после мойки на отведённое ему место. Выйдя из гаража, Сильвестру попросил Юрия рассказать ему поподробнее о знакомстве с родственником механика из клуба «Зелёный дом». Юрий напряг память:

– Мы ехали с главным механиком ангара на его мотоцикле в город. Допотопный «Харлей» подкатил к двухэтажному зданию, где находится клуб «Зелёный дом». Оттуда вышел парень. Поздоровался с механиком, и они отошли в сторонку о чём-то разговаривая. Вскоре вернулись к мотоциклу, и состоялось наше знакомство. Племянник назвался Марчелом и пригласил меня посетить клуб. Разумеется, я отказался.

– Напрасно! – неожиданно заметил Сильвестру.

– Этого мне не хватало! – парировал Юрий. – Представляю, что за заведение этот «клуб». Общение с железногвардейцами не для меня! Чтобы не обидеть племянника, пообещал, что с удовольствием воспользуюсь его приглашением.

– Значит, надо воспользоваться! – приказным тоном произнёс Сильвестру. – Это любопытно...

И Сильвестру дал понять, что упускать такую возможность нельзя.

Как ни возражал Юрий, что бы ни говорил, Сильвестру стоял на своём. Более того, взял с Юрия слово, что он воспользуется приглашением в ближайшее же воскресенье.

– Поняли меня? – строго произнёс Сильвестру. – Надо!

Разумеется, Юрий понял. Но понял и другое: вначале, когда он обмолвился о знакомстве с племянником механика, Сильвестру не проявил к этому интереса и как бы между прочим задавал ничего не значащие вопросы. Теперь же, очевидно с кем-то посоветовавшись, стал категорически настаивать на посещении «Casa Verde».

– Кем он там работает?

– Кажется, электриком.

– Лампочки вворачивает?

– Кто его знает! – усмехнулся Юрий. – Может, и выворачивает. И не только лампочки.

– Тем более необходимо знать! – настоятельно потребовал Сильвестру.

Разговор был недолгим и конкретным. Кстати, уже и Сильвестру стал называть земляка не «Юрием», а «Жюрием», как его звали в авиашколе и пансионе. В ангаре же кое-кто в шутку мог назвать его и «Аюря»⁶.

В ближайшее воскресенье курсант Россетти нанёс визит племяннику шеф-механика в клуб «Зелёный дом». Встретились, как давние знакомые. Электрик повёл гостя на второй этаж, и они стали протискиваться к перилам балкона сквозь шумную толпу легионеров. По царившему среди них напряжению чувствовалось, они ждали кого-то, кто должен был появиться в большом зале первого этажа, запруженном более привилегированной публикой.

Со слов электрика, которого дружки называли просто Марчел либо ласкательно Марчеликэ, Юрию удалось лишь понять, что ему предстоит увидеть что-то знаменательное. Что именно, спросить он не решился. Было у него правило: не проявлять излишнего любопытства, чтобы не навлечь на себя подозрение. Учитывая местонахождение и необычную публику, решил проявлять максимум осторожности и казаться равнодушным. Так и стоял рядом с электриком клуба Марчелом Былынеску скромный курсант авиашколы в её синей форме с бронзовым тиснением королевской короны на пуговицах, нагрудными и нарукавными нашивками с изображением орла с распахнутыми крыльями.

Вскоре в большом зале первого этажа появились вожаки легионерского движения (*Comandantul Misc rii Legionare*) нацисты Хория Сима и Николае Думитреску – сообщники по многочисленным кровавым «подвигам».

Внешне совершенно разные типы: Сима – невысокий, щуплый, худощавый, с нервозно-стремительными жестикулирующими движениями, бегающими глазами, говорливый демагог, авантюрный, мстительный, кровавый. Николай Думитреску – полноватый, неповоротливый, с мутными прищуренными глазами, выглядывавшими из-под узкого сморщенного лба.

Сдержанно наблюдал Юрий за молодыми легионерами в своеобразной униформе: гимнастёрки цвета «хаки» без погон, заправленные в брюки, опоясанные широкими военными ремнями и перекинутыми через плечо португезами, некоторые в сапогах. На первом этаже под самым потолком, перед входом в большой зал висел портрет германского фюрера Адольфа Гитлера времён мюнхенского путча 1923 года.

Прозвучала команда:

– Внимание, смирно!

Мгновенно всё стихло.

Юрий не знал, как поступить. Внизу, мимо леса вскинутых рук в приветствии «Хайль!», между Хорией Сима и его заместителем по «мокрым делам» Николаем Думитреску, шагал, гордо подняв голову, генерал.

Заметив, что Марчел стоит с поднятой для приветствия «Хайль!» рукой, и Юрий, чтобы не навлечь на себя подозрений, вынужденно вскинул руку. Одобрительно восприняв этот жест гостя, Марчел шёпотом пояснил, что приветствия адресованы не только руководству движения, но и в первую очередь генералу Иону Антонеску. И сквозь шум восторженных выкриков *Muti ani trăeasca!* (пожелание многолетнего здоровья (рум.)), продолжал бравировать своей осведомлённостью:

– До недавних пор генерал был военным атташе Румынии в Лондоне. Там он познакомился с Иоахимом фон Риббентропом.

Курсанту Россетти ничего не оставалось, как высказать восторг от присутствия на таком историческом событии. Пришлось поблагодарить за это и Марчела, ставшего теперь чуть ли не «другом на вечные времена».

В ответ Марчел прошептал ему на ухо:

– Настоящий единомышленник – роднее брата!

⁶ Аюря! – витает в облаках (рум.).

В знак признательности будущий пилот королевской авиации пожал локоть «единомышленнику».

– Спасибо, Марчеликэ! – поблагодарил Юрий, в душе негодуя на Сильвестру, заставившего его прийти на это сборище.

Марчел повёл новоявленного друга в длинный, похожий на просторный коридор зал с развешенными на стенах фотографиями выдающихся руководителей легионерского движения, свирепствовавших до недавнего времени в стране, – отъявленных головорезов «Железной гвардии». Кое-кто был знаком по газетным публикациям. Экспозицию открывал портрет главаря, капитана Корнелия Зея Кодряну, пару лет назад арестованного и почти тут же расстрелянного «при попытке к бегству». В действительности же, по личному указанию Его Величества короля Карла II. По слухам, легионеры поклялись отомстить монарху за эту расправу.

Марчел останавливался то у одной, то у другой фотографии, и курсант Россетти терпеливо выслушивал его объяснения кто запечатлён на них, чем он известен. Хотя и без объяснений в каждом легко узнавался уголовник либо терминатор.

С очередного фото с неожиданно добродушной улыбкой смотрел небезызвестный Силе Константину – студент четвертого курса медицинского факультета, зарезавший и расчленивший трупы отца-железнодорожника и матери – врача-педиатра. Сынок отбывал срок в военной тюрьме Жилава.

Остановились и перед фотографией только что встреченного овацией в большом зале клуба генерала Антонеску. В парадной форме с эполетами, аксельбантом, свисавшим на впалой груди, несколькими малозначащими наградами. Рядом с ним светлорусый, поджарый, с надменным взглядом и важно поднятой головой мужчина во фраке, на лацкане которого выделялся круглый значок со свастикой на белой эмали.

Марчел пояснил, что это и есть тот самый бывший посол Германии в Лондоне, а ныне министр иностранных дел рейха Иоахим фон Риббентроп. И с гордостью прочёл надпись в кругу значка: «Национал социалистише дойче арбайтпартай».

– У немцев партия действительно рабочая, а в Румынии... – он неприязненно поморщился, – откровенные большевики! Подавляющее большинство – гнилая интеллигенция, англо-франкофильски настроенная, либо жидомасонские дельцы.

Нелегко было Юрию делать вид, будто он согласен с Марчелом в том, что большевики представляют собой реальную угрозу целостности Отчизны. Однако он озабоченно переспросил:

– Наряду со всем впервые в жизни увиденным здесь – потрясающим и величественным, я понял с ваших слов, дорогой Марчеликэ, дела в нашей стране, видимо, не так уж завидны? И это недопустимо.

Марчел резко ответил:

– Преступно! – И, пристально глядя гостю в глаза, зло добавил: – Скоро наступит время, и виновники поплатятся! Да, милый Журя. И крепко! Независимо от ранга, звания, положения.

– Неужели всё настолько серьёзно? – удивился Юрий и, словно оправдываясь, признался: – Я мало смыслю в подобных вопросах – увлечён авиацией, и на это уходит всё время. Господин шеф-механик Урсу знает, что и по воскресным дням бываю в ангаре.

Электрик вёл себя просто, предельно внимательно, старался сблизиться с новым знакомым. Отношения быстро обрели приятельский тон. Рассказывая о клубе и его посетителях, Марчел демонстрировал свою осведомлённость в различных вопросах, о которых гость не имел ни малейшего представления. Коснулся и пребывания Антонеску в Лондоне. Оказывается, генерал был частым гостем посольства Германии. Там у него установились с национал-социалистами самые тёплые отношения, отвечавшие интересам легионерского движения и в целом «многострадальной родины-матери» (*Patria Muma!*).

Впрочем, для вывода о его политической ориентации и намерениях достаточно было и одного его присутствия в обществе Хории Симы и Николае Думитреску.

Наконец электрик повёл гостя к выходу. Тот было обрадовался возможности покинуть это нацистское заведение, но Марчел свернул в прилегавший к коридору небольшой зал с развешенными на его стенах плакатами.

Некоторые Юрий видел на заборах окраин Бухареста. Среди них попадались сюжеты антибольшевистского, антивенгерского, антисемитского толка.

К стоявшим у плакатов парням неожиданно подошёл Кефулеску. Не обращая внимания на курсанта, обнял Марчела, а тот сказал:

– Имею честь представить вам моего большого камарада господина Журя Россети!

Как ни в чем не бывало, Кефулеску улыбнулся и подал курсанту руку:

– Кажется, мы знакомы? Очень приятно, господин Россетти! Вы курсант школы Мирча Кантакузино, не так ли?

– Абсолютно верно, господин аджудан-шеф, – ответил тот. – Позвольте вас приветствовать и пожелать успехов в нелёгкой службе!

Продолжая разговор с Марчелом, Кефулеску пожал руку курсанта, задержав её на время, что означало не только примирение, но и уважение.

Знакомство с «Casa Verde» серьёзно отразилось на настроении Юрия. Прежде ему казалось, что он имеет некоторые представления о легионерах. Обрётённые понаслышке, они были далеки от истины. Он попал в совершенно иной, чуждый ему мир, которого ранее и не представлял себе.

Марчелу же это было невдомёк. К счастью гостя. Но чтобы как-то внешне, для приличия проявить интерес к увиденному и услышанному, хотел Юрий того или нет, ему пришлось прореагировать по известному принципу: «При пустом гробе не спрашивают, кому он предназначен...» И Юрий постарался заверить ставшего «ближе родного брата», что разделяет его мнение о величайших достоинствах легионерского движения. Разыгрывая из себя озабоченного ситуацией, сказал:

– наших противников, которых, судя по всему, в стране немало, следует попросту как следует прижать.

– Несомненно! – резко отреагировал Марчел на подброшенную гостем «лимонную корку». – Правильно считаете. Наш главнокомандующий Хория Сима в категорической форме заявил: «Как только легионеры возьмут власть в свои руки, Румыния в течение двадцати четырёх часов примкнёт к «Антикоминтерновскому пакту» и присоединится к оси «Рим – Берлин – Токио»! Тогда в стране будет полнейший порядок, господин Жюря! Это не пустые слова, увидите.

Немало увидел и услышал в тот вечер Юрий. Ещё больше понял, кое о чём догадался. Во всяком случае, всё, вместе взятое, произвело на него тягостное и, пожалуй, ошеломляющее впечатление. Он разглядел не только суть завсегдаев клуба, их воинствующий пыл, необузданный настрой, их мышление и поведение чуждое и чудовищное...

Мимолётное знакомство с клубом и его завсегдаями напомнило Юрию поход черчеташских групп, фанатично выражавших преданность фашизму.

Издавательство над несчастной кошкой у Измаильской крепости предстало перед глазами не случайно именно в клубе «Casa Verde». И настолько его взволновало, что он вновь ощутил угрызение совести за своё былое бездарное увлечение бойскаутским движением.

Чем дольше продолжалось тягостное общение с Марчелом, тем больше Юрий осознавал серьёзность нависавшей над миром угрозы. Непростая обстановка, в которой он очутился не по своей воле, заставляла его для личного прикрытия пользоваться высокопарной терминологией, соответствовавшей атмосфере клуба, настрою, традициям.

Он понимал, что малейшее отклонение от порядка, принятого в клубе, могло повлечь за собой недоразумения. Они приведут к обострению отношений и затем к разрыву наметившейся «большой дружбы», и без того таящей в себе непредсказуемые последствия.

Но, как бы то ни было, дела у будущего авиатора пока складывались в общем-то неплохо. Однако он предвидел, что сложности следовало ожидать не только со стороны оголтелых нацистов, но и от мрачноватого бессарабского земляка дядюшки Сильвестру.

И вновь тот же вывод: «Вошёл в танец – продолжай топтать изо всех сил». Юрий отдавал себе отчёт, в какой «танец» он вовлечён и чем он может для него закончиться. Но неприятие фашизма и преданность своему долгу стояли выше всего.

Между тем Марчеликэ продолжал делиться с ним подробностями предстоящих событий. Насколько они обоснованы, имеют ли под собой реальную почву, оценить Юрию было сложно.

Да и чем объяснялось тёплое отношение Марчела к курсанту авиашколы? Тем, что он получил приз выставки за макет планёра? На эту деталь, кстати, сослался шеф-механик Урсу, знакомя своего племянника с Юрием. Возможно, определённую роль сыграла хорошо известная легионерам фамилия «Россетти».

В действительности же, всё было намного проще: в клубе «Зелёный дом» не делалось секрета из замыслов легионеров. В открытую! Многое касалось и порядков, установленных за пределами Румынии. Наверняка существовали и планы за семью печатями.

Серьёзные люди в этом не сомневались. Кое-что всё же просачивалось наружу. Немалую службу сослужило в этом праздное бахвальство вышестоящих «камрадов» легионерской братии.

Рассказ Марчела о предстоящей в неслыханных размерах помощи, которую Германии начнет оказывать Румынии, вызывал серьёзные сомнения. Но от навязчивых вопросов Юрий намеренно воздержался. Да вскоре электрик и сам всё прояснил:

– Поступит она в ближайшее время. В огромнейшем объёме! Твоя авиация тоже получит немало. Самолёты, конечно. Первоклассные! Сегодня же положение в нашей авиации катастрофическое! На аэродроме «Пипера», например, таким, как ты, приходится осваивать полёты на старых французских аэропланах с радиатором незамерзающего водяного охлаждения. И это в то время, когда на северной границе страны выжидает сосед с волчьим оскалом. Его аппетитам тоже будет конец. Не сомневайся! А французские «гробы» непременно заменят. Уже к Рождеству. Вспомнишь мои слова, господин Журя!

Выразив восторг от такой перспективы, Юрий высказал надежду на то, что современная техника поступит и в ангар «Пилотажной школы Мирча Кантакузино». Поначалу даже не верилось, что это реально. Однако вспомнил, что Марчел повторил новость, принесённую недавно с аэродрома «Пипера» студентом политехнического факультета.

Про себя же отметил, что до сих пор Марчел рассказывал всё больше об изменниках, которые, как он выразился, «подлежат истреблению во имя спасения нации, рода и завоеваний предков». Сейчас же говорил о чём-то новом, конкретном, ценном. Если это не «туфта», разумеется. Особенно озадачило упоминание «соседа с волчьим оскалом». Подразумевался СССР.

Посещение клуба, ещё недавно вызывавшее у Юрия отвращение, приобрело иное значение. Если электрик не блефует, то всё, о чём он рассказывал, гораздо важнее плакатной мазни и атмосферы вокруг Хория Сима и генерала Антонеску.

«Итак, – размышлял Юрий, – бывший атташе Румынии в Лондоне бывал частым гостем германского посла, ныне министра иностранных дел в правительстве Гитлера. И тогда известие о поступлении в страну вооружений и самолётов звучит вполне убедительно. К тому же вожак легионеров недавно побывал в Берлине. Выходит, орация в честь его появления в клубе вместе с генералом Антонеску, близким к министру иностранных дел Германии, звенья одной цепи».

Юрий пришёл к выводу, что дядюшка Сильвестру, настаивая на встречах с электриком легионерского клуба, был прав.

Что бы Марчел ещё ни молол на отвлечённые темы, Юрий воспринимал это без особого интереса. Хотя по-прежнему делал вид, будто всё чрезвычайно важно.

Расставаясь, Марчел преподнёс новоявленному другу небольшую никелированную свастику. От неожиданности у «счастливчика» загорелось лицо, но он всё же нашёлся:

– Священный знак, господин Марчел. Тронут, и гранд мерси!

Марчел по-приятельски обнял гостя, и тот в ответ поблагодарил электрика и его дядюшку господина Урсу, который их познакомил.

Упоминание Марчелом «северного соседа с волчьим оскалом» стало для Юрия сенсационной новостью. Сопоставив пребывание вожака легионеров в Берлине, альянс с генералом Антонеску, он понял, что это таит в себе угрозу явного сговора двух режимов. Разумеется, при главенствующей роли нацистов. Либо сговора, уже заключённого.

Судя по словам Марчела, скорее всего последнее. К чему иначе немцам огород городить? Тем паче с румынами, которых высшие иерархи национал-социалистов презирали, а в узком кругу обзывали «грязными цыганами», подлежащими, как и евреи, полному истреблению. Впрочем, Адольф Гитлер и его приближённые в период становления своей власти терпели тех же евреев, а с некоторыми денежными мешками втихаря даже носились. Вначале.

Размышляя над столь непростыми вопросами, Юрий вдруг вспомнил о подарке Марчела – никелированном значке-свастике. И у бессарабского парня с фамилией знатного рода Россетти возникла идея использовать этот подарок в своей новой деятельности, незаметно вытеснявшей намерение посвятить себя авиации.

Со свастикой на отвороте френча он подошёл к зеркалу и замер от омерзения. Представил себе реакцию матери, не говоря уже о друзьях по лицу, соседях по дому...

Небольшой никелированный значок вмиг изменил его облик! Стало совестно и противно. Чем сильнее было это отвращение, тем решительнее приходил он к выводу, что ничего более подходящего для прикрытия своих намерений ему не найти.

И Юрий решил использовать подарок Марчела для выполнения поручений дядюшки Сильвестру. Это откроет ему дорогу к общению с подонками, разделявшими планы германского фюрера об установлении «нового порядка» в Европе. Разумеется, и в Бессарабии.

Поручения Сильвестру, которые он выполнял попутно с учёбой, приобрели совершенно иную окраску. Более серьёзную, значимую. О том, что идёт на риск, он не задумывался. Словно это и не беспокоило его. Появилось нечто похожее на азарт, связанный с выполнением своего патриотического долга, подсознательно становившегося превыше всего. Таким уж был он, Юрий Котельников.

Часть четвёртая

Глава 1

События в мире развивались стремительно. Одно трагичнее другого, словно предначертание чудовищной судьбы. Ужасы, слёзы, кровь стали обыденностью. Главари фашистских государств преподносили миру всё новые и новые сюрпризы.

Началось всё в один из осенних дней памятного тридцать пятого. Войска фашистской Италии, использовав бомбардировочную авиацию, современную военную технику и отравляющие газы, вторглись в суверенную Абиссинию и после скоротечных боев с малочисленной, плохо вооружённой, самоотверженно сопротивлявшейся захватчикам туземной армией оккупировали страну. Глава государства Негус-Негусту бежал. Выступая в Лиге Наций, он клеймил чёрнорубашечников Бенито Муссолини.

...Осенью тридцать шестого объединённые вооруженные силы двух фашистских государств – Италии и Германии – совершили агрессию против республиканской Испании.

...Летом тридцать седьмого войска императорской Японии оккупировали Северный, а затем и Центральный Китай.

...Весной тридцать восьмого, с согласия ряда правительств западных стран, Германия аннексировала соседнюю процветающую независимую Австрию. В первый же день вторжения фашистской армии Гитлер назначил главой государства руководителя местных нацистов Зейсс-Инкварта.

...29 ноября 1938 года в Мюнхене, при участии и содействии премьеров Великобритании Чемберлена, Франции Даладье и при посредничестве итальянского дуче Муссолини, Гитлер получил «зелёный свет» на оккупацию части Чехословакии.

В марте следующего года немецкие войска полностью заняли страну, превратив ее в протекторат Третьего рейха с верховным гауляйтером Гейдрихом, являвшимся одновременно группенфюрером СС и начальником службы безопасности (СД) рейха. СССР был единственной в мире страной, отказавшейся признать оккупацию Чехословакии.

Глава 2

В апреле тридцать девятого года Германия бесцеремонно ввела войска в крупнейший порт и город Литвы Мемель на Балтийском море. Прибывший туда канцлер Гитлер объявил оккупированную вермахтом территорию частью германского рейха.

Между тем страницы газет уже пестрили сообщениями о новых притязаниях Германии. Для отвода глаз «объектом» назывался «вольный город Данциг» и «Польский коридор». На самом же деле, Гитлер зарился на Польшу и много дальше... Но народ молчал.

Четвертого мая тридцать девятого года советник посольства Германии в Советском Союзе Типпельскирх в телеграмме № 61, отправленной в Берлин, докладывал:

«Назначение Молотова наркомом иностранных дел при сохранении за ним поста председателя Совета Народных Комиссаров было с большой помпой объявлено советской прессой в форме Указа Президиума Верховного Совета. Об отставке Литвинова извещалось на последней странице в крохотной колонке под рубрикой “Хроника”».

Эта внезапная смена министров иностранных дел СССР вызвала тогда удивление, так как Литвинов находился в центре переговоров с английской делегацией, а на первомайском параде стоял справа от Сталина, то есть не было ещё признаков шаткости его положения.

В советской прессе – никаких комментариев. Наркомат иностранных дел не даёт разъяснений представителям прессы. Поскольку Литвинов принял английского посла не далее как 2 мая и накануне был назван в газетах почётным гостем на первомайском параде, его отставка, видимо, явилась результатом неожиданного решения Сталина. Вероятно, это было связано с возникающими в Кремле разногласиями во взглядах на переговоры, проводимые Литвиновым. Тем более что меры, предпринятые Генеральным секретарем ЦК ВКП(б) Сталиным для улучшения отношений с Германией, уже вошли в фазу разработки.

«Молотов (не еврей) считается ближайшим соратником Сталина. Его назначение должно стать гарантией, что внешняя политика будет проводиться в строгом соответствии с идеями Сталина», – подчёркивала зарубежная пресса, отмечая при этом сдержанность нацистской пропаганды в оценке событий, происходящих в СССР.

Отдельные информационные агентства отмечали также, что в немецкой прессе прекратились нападки на Советский Союз, сообщения стали более объективными, деликатные вопросы не затрагивались.

Политики осторожно комментировали действия СССР на международной арене. Полагали, что судить о них преждевременно. Высказывали мнение, что они могут быть лишь мерами, вызванными тактическими соображениями. В то же время и немецкие, и советские дипломаты старались убедить друг друга в отсутствии оснований для изменений в политике обоих государств.

Немцы вели себя хитрее. Как бы мимолётными замечаниями провоцировали советских собеседников на откровенный разговор об их собственной точке зрения или о позиции Советской страны в целом. Немецкие дипломаты при каждом удобном случае пытались внушить советским партнёрам, что экономические переговоры ими ведутся со всей серьёзностью, что их намерения придти к соглашению с Советами всегда были искренними. Прямо говорилось, что успешное завершение экономических переговоров будет способствовать улучшению политической атмосферы в отношениях между государствами.

Переговоры на высоком уровне носили несколько иной характер. Как ни старались нацисты выудить у наркома Молотова нечто большее, чем было в его скупых заверениях, попытки их оказывались тщетными. «Как видно, господин Молотов решил сказать ровно столько, сколько он сказал, и ни слова больше. Он известен своим упрямством...» – отмечал в меморандуме посол Германии в Советском Союзе граф Шуленбург.

Советская сторона делала всё необходимое для заключения договора с Германией, но не желала излишней спешки в столь важном и внезапно возникшем деле. Немцев же ситуация заставляла добиваться немедленного результата.

Шуленбургу из Берлина давались разъяснения: «На основании нынешних результатов Ваших обсуждений с Молотовым мы теперь должны твёрдо стоять на своём и выждать, не собираются ли русские заговорить более открыто».

Германский посол в Москве телеграфировал в Берлин статс-секретарю МИДа фон Вейцкеру о своей беседе с Молотовым 20 мая 1939 года.

23 мая, на секретном совещании высшего командования вермахта Гитлер признался: «Речь идёт сейчас не о Данциге, а о жизненном пространстве на востоке и обеспечении Германии продовольственным снабжением, а также о решении балтийской проблемы».

На пятые сутки, в ночь на 29 мая, русский перевод выдержки из заявления германского рейхсканцлера лежал на столе у Сталина. Он велел перепроверить сообщение, хотя содержание не очень удивило его. Сведения оказались достоверными.

Глава 3

Из Берлина в Наркомат иностранных дел СССР поступила депеша, в которой приводились высказывания Гитлера о совершенно иной направленности его планов и намерений. Советские руководители восприняли их как наиболее примечательные из всех ранее известных.

После тщательного анализа обстоятельств и множества факторов, вытекающих из высказываний Гитлера, генсек Сталин и Молотов пришли к выводу о необходимости согласиться на заключение с Германией пакта о ненападении.

Что это, наивность? Политическая близорукость? Преступная недооценка ситуации? Нет, разумеется. Своя оценка политической обстановки, своё видение событий, своя тактика.

Такое нелёгкое решение советские руководители приняли лишь после того, как убедились, что на серьёзный союз с английскими и французскими лидерами в целях обуздания агрессора рассчитывать не приходится, как и на полноценное партнёрство с Англией и Францией. Что, кроме волокиты, схожей с той, которую устроили их делегации в Москве с весны и до последней декады августа 1939-го якобы для подготовки соглашения с Советским Союзом по обузданию агрессора, ожидать от них нечего.

Это была последняя попытка СССР образовать антигерманскую коалицию с Англией и Францией, показавшая абсолютную фальшь и полную бездарность их лидеров при оценке обстановки.

В этой связи в Кремле пришли к выводу: подобный союз прочным не будет. Предполагаемые союзники тянут резину, их поступки противоположны необходимым для противодействия агрессору.

Если от немцев следует ожидать ножа в спину, то это вполне естественно. На то они и фашисты. Явление закономерное. И то, что Гитлер облачился в овечью шкуру, сомнений ни у кого не вызывает. «С волками жить – по-волчьи выть!» А пока нам придётся притвориться овечкой. Иначе не оттянуть неизбежное с ним столкновение, не выиграть время для подготовки на случай военного конфликта.

Согласно информации, которой располагали советские руководители, не исключался и объединённый англо-франко-германский «крестовый поход» против «безбожной» России. Информация имела под собой реальную почву.

Решение о пакте появилось из-за безвыходности положения. «Вступившему в танец, следует выполнять свою роль». И тогда либо обречённость, либо шанс на победу. Естественно, предпочтительней последнее. На него и делалась ставка. А чтобы придать большую весомость новому политическому курсу, в Кремле решили подписать договор о дружбе с Германией и государственной границе.

Это основательно пошатнуло престиж Советского Союза на международной арене. В то же время планы англичан и французов были порушены. В Лондоне больше, чем где бы то ни было, власти находились в шоке: договорённость СССР и Германии расстроила их надежды на столкновение нацистов с большевиками.

Не секрет, такие планы длительное время вынашивались ведущими странами Запада и Востока, и потому Гитлеру отдали на откуп ряд европейских стран. И вдруг всё лопнуло! Как мыльный пузырь!

Это была одна из главных причин, толкнувших Кремль на столь необычный шаг. Другая, не менее важная – урок гражданской войны в Испании, выявивший отставание в техническом оснащении вооружённых сил, низкий уровень компетентности высшего и среднего командного и политического состава Красной Армии как результат прокатившейся по стране чистки. Предстояло в кратчайший срок восполнить пробелы.

Для этого требовалось время. Его было в обрез. Нацистская Германия стремительно шла к цели, многократно заявленной немецким фюрером: «...Когда я говорю о жизненном пространстве для немецкого народа, прежде всего имею в виду восточные земли!» На первом месте у него были Украина и Россия. Не скрывая своей цели, Гитлер упрямо шёл к ней.

Глава 4

Ещё 16 июня 1939 года СССР предложил Англии и Франции заключить прямой трёх-сторонний договор против германского агрессора. Англичане и французы отозвались на это чрезвычайно вяло, тянули переговоры, ничего конкретного не решались предпринять.

2 августа в НКГБ СССР поступило донесение от зарубежного агента о том, что в последних числах июля в предместье Лондона проходили англо-германские переговоры по следующим вопросам:

- 1) о готовности англичан вернуть немцам колонии;
- 2) о заключении Великобританией и Германским рейхом договора о невмешательстве во внутренние дела обеих сторон;
- 3) о заключении Великобританией и Германским рейхом пакта о ненападении друг на друга;
- 4) о признании Восточной и Юго-Восточной части Европы сферой влияния интересов Германии.

Глава 5

Посол в СССР граф Шуленбург был вынужден признаться в своем кругу:

«Министр Рейха предписал мне быть чрезвычайно осторожным в беседе с Молотовым. Поэтому я удовольствовался тем, что говорил как можно меньше и всё время держался этой тактики. Тем более что позиция господина Молотова кажется мне довольно подозрительной.

Не может быть двух мнений относительно того, что возобновление экономических переговоров не удовлетворяет его как политический жест и что, видимо, он желал бы получить от нас более обширные предложения политического характера. Мы должны быть чрезвычайно осторожны в этой области, пока не будет уверенности в том, что возможные предложения с нашей стороны не будут использованы лишь для оказания давления на Англию и Францию. С другой стороны, если мы хотим чего-нибудь добиться здесь, то неизбежно, рано или поздно, мы должны будем предпринять какие-то действия».

Одновременно немцы действовали энергично, внешне тактично и интригующе. Об этом свидетельствует письмо статс-секретаря МИДа Рейха послу Германии в СССР, отправленное из Берлина 27 мая 1939 года:

«Дорогой граф Шуленбург!

Мы ответили на Ваше письмо от 22-го нашей вчерашней телеграммой, которая Вас, наверное, удивит меньше, чем господина Хильгера, так как он непосредственно присутствовал при том, когда давались совершенно другие указания. Чувствую, что должен дать Вам кое-какие разъяснения. Мы здесь придерживаемся мнения, что, видимо, нелегко будет предотвратить комбинацию Англия – СССР. Тем не менее даже сегодня можно найти довольно широкий круг вопросов для переговоров, в которые мы могли бы включиться, выбрав более верный тон, и таким путём внести раздор и затруднения... Короче говоря, мы не будем выходить за пределы инструкций, посланных Вам, и хотим теперь посмотреть, насколько серьёзно Москва, с одной стороны, и Париж-Лондон – с другой, готовы связать друг друга обещаниями.

Естественно, мы будем приветствовать в любое время Ваши сообщения и оценки положения.

Наша просьба разузнать, когда возвращается сюда советский посол Мерекалов, имеет для нас значение только в свете будущих перемещений в Москве.

Примите мои наилучшие пожелания и искренние приветствия.

Хайль Гитлер! С совершенным почтением,

Ваш Вейцекер.

P.S. Должен добавить к сказанному выше, что с одобрения фюрера состоится весьма ограниченный обмен мнениями с русскими на совещании, которое у меня сегодня будет с советским поверенным в делах. Вы, конечно, будете официально информированы о нём. Не стану поэтому вдаваться сейчас в подробности».

Далее следует Меморандум Министерства иностранных дел Германии, представляющий собой одно из предложений, направленных Риббентропом Гитлеру.

(На полях пометка: «Не вмешиваться ни при каких обстоятельствах во внутренние дела друг друга».) «Если это условие будет принято – а на это имеются определенные указания, – я могу себе представить, что подобного рода разговор мог бы привести к полезным результатам в направлении постепенной нормализации германо-советских отношений». (Снова той же рукой пометка на полях: «Украина».)

Пометки на полях, по всей вероятности, принадлежат Риббентропу, сделаны им во время обсуждения Меморандума с Гитлером в результате высказанных им замечаний.

Что касается замечания «не вмешиваться ни при каких обстоятельствах во внутренние дела друг друга», то это вызвано желанием Гитлера действительно не столько не мешать,

сколько дать возможность Советскому Союзу продолжать эту политическую линию, вызывавшую крайне отрицательную реакцию правительств и общественного мнения целого ряда стран. Касательно второй пометки на полях следует иметь в виду, что Украина в самом деле не давала покоя германскому фюреру и его приближённым. Этот край никогда не выходил у них из намеченных ходов «с определённым итогом».

Сведения оказались достоверными.

«Берлин, 30 мая 1939 года.

Совершенно секретно!

Сегодня утром по моей просьбе меня посетил советский поверенный в делах. Я указал тему нашего разговора – просьба Советской России о продлении аккредитации её торгового представительства в Праге как отделения берлинского торгового представительства. В моих последующих замечаниях, которые поверенный время от времени прерывал возражениями, я строго придерживался данных мне указаний.

После нескольких замечаний поверенного в делах, совпадающих с нашим мнением, я сказал ему, что лично считаю верной позицию Германии по отношению к Советской России, которая выглядит следующим образом.

Германия не смотрит узко на вещи, но при этом она не готова всё принимать. В наборе нашего политического товара отсутствует один, а именно: особая привязанность к коммунизму. Мы сразу стали вести дела с коммунистами и будем продолжать вести их; более того, мы также не рассчитываем на особую симпатию Москвы к национал-социализму.

При этих словах поверенный в делах прервал меня и начал объяснять, каким образом русские отношения с Италией и особенно с Турцией, а также с другими странами стали нормальными и даже хорошими, несмотря на то что эти страны не испытывают никакой симпатии к коммунизму. Он сделал особый упор на возможности внутренней политики и, с другой стороны, ориентации внешней политики.

Я продолжал, что в ассортименте нашего политического товара существует неплохой набор и для России, начиная с нормализации наших отношений. Однако я не желал бы входить во все эти подробности. Я думаю, Германия доказала, что ей удалось справиться с коммунизмом у себя дома; также не испытывает она никаких страхов во внешней политике. Не знаю, есть ли ещё возможности для постепенной нормализации отношений между Советской Россией и Германией теперь, когда Москва, может быть, уже поддалась соблазнам Лондона. Однако раз уж поверенный в делах и посол так откровенно высказывались в Министерстве иностранных дел, я бы желал избежать упрека, что мы с нашей стороны отступили от своей позиции или утаивали её. Мы у Москвы ничего не просим, нам от Москвы ничего не надо, но мы также не хотели бы, чтобы позже Москва сказала, что это именно мы воздвигли между нами непроницаемую стену безмолвия...»

В тот же день, т. е. 30 мая, тот же статс-секретарь МИДа Германии Вейцзекер отправляет послу Германии в Советском Союзе телеграмму:

«№ 101

Очень срочно! Господину послу лично.

В противоположность ранее запланированной политике мы решили сейчас вступить в окончательные переговоры с Советским Союзом. В соответствии с этим в отсутствие советского посла я попросил поверенного в делах Астахова встретиться со мной сегодня. Советская просьба о дальнейшем сохранении их торгового представительства в Праге как отделения торгового представительства в Берлине послужила отправным пунктом для нашего разговора.

В этой связи я напомнил поверенному в делах о некоторых разговорах, которые он сам вёл в Министерстве иностранных дел, и особенно о заявлениях, сделанных мне советским послом примерно в середине апреля сего года относительно возможности нормализации и даже

дальнейшего улучшения советско-германских политических отношений, и в этой связи я также сослался на более умеренный тон политических заявлений обеих сторон в течение последних нескольких месяцев.

Вейцекер».

Под предлогом переговоров о продлении аккредитации советского торгпредства в Праге немцы всё чаще и прозрачнее отмечали готовность урегулировать отношения Германии с СССР. Но за этим стояла и другая, далеко идущая цель, которую преследовали в Берлине. Понимали ли это в Москве? Во всяком случае, осторожничали. Дипломаты проводили в жизнь новую линию своего правительства. Свидетельствует нижеследующий документ:

«Докладная записка

Министерства иностранных дел

Берлин, 15 июня 1939 г.

Советник болгарского посольства господин Драганов пришёл ко мне сегодня и сообщил конфиденциально, что советский поверенный в делах, с которым у него нет близких отношений, без всякой видимой причины просидел два часа. Длинная беседа, из которой нельзя было точно выяснить, отражала она личные взгляды господина Астахова или же мнение советского правительства, была приблизительно следующего содержания.

Советский Союз испытывает сомнения при рассмотрении современного международного положения. Он колеблется между тремя возможностями, а именно: заключением пакта с Англией, дальнейшим оттягиванием переговоров и пактом сближения с Германией. Эта последняя возможность, на которую идеологические соображения не должны будут оказывать влияния, наиболее близка к тому, чего желает Советский Союз. Кроме того, были другие пункты, например, что Советский Союз не признает за Румынией права владеть Бессарабией. Однако препятствием является опасение нападения Германии либо через прибалтийские страны, либо через Румынию. В этой связи поверенный в делах также сослался на «Майн кампф». Если бы Германия заявила, что она не нападёт на Советский Союз или что она заключит с ним пакт о ненападении, то Советский Союз, может быть, воздержался бы от заключения соглашения с Англией. Но Советский Союз не знает, что в действительности хочет Германия. Ряд обстоятельств также говорит за вторую возможность, а именно, за продолжение переговоров о соглашении с Англией в замедленном темпе. В этом случае у Советского Союза по-прежнему руки не были бы связаны при любом конфликте, который мог бы вспыхнуть...

В конце господин Драганов вновь повторил, что он не может понять, почему господин Астахов дал ему эту информацию. Он предполагает, что это, возможно, сделано преднамеренно, в надежде, что господин Драганов сообщит об этом нам.

Воерман».

Не приводит ли указанная Астаховым «вторая возможность» к размышлению о том, что затяжка переговоров с Англией, их «вялость» инсценировались не только одной стороной?

«Посол Германии в Советском Союзе

Министерству иностранных дел Германии.

Телеграмма № 115 от 28 июня.

Срочно! Секретно!

Москва, 29 июня 1939 г. – 2.40

Получено в Берлине 29 июня 1939 г. – 19.20

Сегодня во второй половине дня у меня была беседа с Молотовым, который принял меня немедленно после того, как обо мне доложили. Беседа продолжалась больше часа и прошла в дружеской атмосфере.

Я описал Молотову мои впечатления от разговора с влиятельными лицами в Берлине, особенно с министром иностранных дел рейха. Я подчеркнул, что мы бы приветствовали нормализацию отношений между Германией и Советской Россией, как об этом заявил государ-

ственный секретарь советскому поверенному в делах в Берлине. Мы дали ряд доказательств этого, как, например, сдержанность немецкой прессы, заключение пактов о ненападении с прибалтийскими странами и наше желание возобновить экономические переговоры. Из этого явствует, что у Германии нет плохих намерений в отношении Советского Союза, особенно поскольку Берлинский договор все ещё находится в силе. Мы с немецкой стороны и впредь будем пользоваться любым случаем, чтобы доказать добрую волю.

Молотов ответил, что он воспринял мои заявления с удовлетворением. Внешняя политика советского правительства была, согласно утверждениям его руководителей, направлена на развитие хороших отношений со всеми странами, и это, конечно, относилось – при условии взаимности – также и к Германии. Что касается пактов о ненападении с прибалтийскими странами, Молотов заметил, что Германия заключила их в своих собственных интересах, а не из любви к Советскому Союзу. Он усомнился в устойчивости подобных договоров после того, что случилось с Польшей. На это я ответил, что Польша сама спровоцировала разрыв договора, примкнув к враждебному нам союзу, что оказалось несовместимым с дружественными отношениями с нами...

Разговор закончился в дружеской атмосфере, причем я неоднократно обращался к Молотову с просьбой повлиять на тон советской прессы.

Шуленбург».

Параллельно события на международной арене развивались своим чередом. Из меморандума статс-секретаря Министерства иностранных дел Германии:

«Меморандум Министерства иностранных дел Германии.

Секретно. Берлин, 27 июля 1939 г.

В соответствии с полученными инструкциями вчера вечером я пригласил советского поверенного в делах Астахова и главу советского торгового представительства Бабарина на ужин в Эвест. Русские оставались примерно до половины первого. Они начали разговор с политических и экономических проблем, которые интересуют нас, в очень живой и заинтересованной манере, так что оказалось возможным провести неофициальное и подробное обсуждение всех тем, упомянутых министром иностранных дел рейха. Следует подчеркнуть следующие части беседы.

1. Ссылаясь на замечания, сделанные Астаховым, о тесном сотрудничестве и общности интересов во внешней политике, существовавших некогда между Германией и Россией, я объяснил, что подобное сотрудничество кажется мне сегодня вполне достижимым, если советское правительство считает его желательным. Я могу себе представить три этапа...

Третий этап должен будет выразиться в восстановлении хороших политических отношений, что означает либо возврат к тем, которые существовали до Берлинского договора, либо же к новой договорённости, которая учитывала бы жизненные политические интересы обеих сторон.

Этот третий этап кажется мне вполне достижимым, так как, по моему мнению, во всей зоне от Балтийского моря до Чёрного и до Дальнего Востока не существует между обеими странами спорных проблем во внешней политике, которые исключали бы возможность таких отношений.

Кроме того, несмотря на всю разницу в мировоззрении, в идеологии Германии, Италии и Советского Союза есть *одна* вещь общая: это оппозиция к капиталистическим демократиям. Ни мы, ни Италия не имеем ничего общего с капитализмом Запада. Следовательно, нам показалось бы довольно парадоксальным, если бы Советский Союз, как социалистическое государство, был бы на стороне западных демократий.

2. Советский Союз вынуждены почувствовать самую большую угрозу со стороны внешней политики национал-социализма. Мы, соответственно, назвали наше настоящее политическое положение как окружение. Именно так после сентябрьских событий прошлого года представ-

лялось Советскому Союзу политическое положение. Астахов упомянул Антикоминтерновский пакт и наши отношения с Японией, а также Мюнхен, который нам развязал руки в Восточной Европе, и политические последствия этого: всё, вместе взятое, должно было быть направлено против Советского Союза.

Наше заявление о том, что прибалтийские страны и Финляндия, а также Румыния якобы находятся в нашей сфере интересов, окончательно укрепило чувство угрозы у Советского Союза. Москва не может полностью поверить в перемену политики Германии по отношению к Советскому Союзу. Можно рассчитывать лишь на постепенную перемену.

3. Политика Германии направлена против Англии. Это является решающим фактором. Как я говорил ранее, могу себе представить далеко идущий компромисс при рассмотрении взаимных интересов с должным учётом жизненно важных проблем России.

Однако эта возможность будет закрыта с того момента, как Советский Союз подписанием договора встанет на сторону Англии против Германии. Советский Союз должен сделать выбор. Только по этой причине у меня есть возражения в отношении его точки зрения, что темпы достижения возможного понимания между Германией и Советским Союзом должны быть неторопливыми. Сейчас подходящий момент, а не тогда, когда будет заключён пакт с Англией. Это должно быть учтено в Москве.

Что Англия может предложить России? В лучшем случае – участие в европейской войне и враждебность Германии, но без всякого желанного завершения для России. Что можем предложить мы, с другой стороны? Нейтралитет и то, чтобы остаться в стороне от возможного европейского конфликта и, если Москва пожелает, немецко-русское соглашение относительно общих интересов, которое, как и в прошлые времена, приведёт к выгоде для обеих сторон.

4. Во время дальнейших обсуждений Астахов снова вернулся к вопросу о балтийских странах и спросил, есть ли у нас там, помимо экономического проникновения, другие более далеко идущие политические цели. Он также серьёзно поднял вопрос о Румынии. Что касается Польши, он сказал, что Данциг будет тем или иным путём возвращён Рейху и что вопрос о «коридоре» должен будет быть разрешён каким-то образом в пользу Рейха. Он спросил, не претендует ли Германия также на территории, некогда принадлежавшие Австрии, в частности, Галицию и украинские территории.

После описания наших экономических отношений с прибалтийскими странами я ограничился заявлением, что никакого столкновения германо-русских интересов из-за всех этих вопросов не возникнет. Более того, урегулирование украинского вопроса показало, что мы не стремимся ни к чему, что угрожало бы советским интересам.

5. Произошло довольно серьёзное обсуждение вопроса: почему национал-социализм проявлял враждебность к СССР в области внешней политики. Антагонизм национал-социализма естественно вытекал из борьбы против Коммунистической партии Германии, которая зависела от Москвы и была лишь орудием Коминтерна. Борьба против Коммунистической партии Германии давно закончилась. Коммунизм искоренен в Германии. Значение Коминтерна оказалось перекрыто. Политбюро теперь проводит совершенно другую политику, чем в то время, когда доминировал Коминтерн.

Слияние большевизма с национальной историей России, которое выразилось в прославлении великих деятелей и деяний России (празднование годовщины битвы под Полтавой, чествование Петра Первого, битвы на Чудском озере, Александра Невского), действительно изменило международное лицо большевизма, как мы это видим, особенно когда Сталин отложил «мировую революцию» на неопределённый срок. При таком сочетании дел мы увидели теперь возможности, которые не видели раньше, при условии, что не делалось бы попыток ни в какой форме распространять коммунистическую пропаганду в Германии.

6. В конце Астахов подчеркнул, насколько эта беседа была ценной для него. Он доложит о ней в Москву и надеется, что она принесет там определённые результаты в последующем развитии событий.

7. С нашей точки зрения, заслуживающим внимание успехом можно считать тот факт, что Москва после ряда месяцев переговоров с Англией до сих пор остаётся неуверенной относительно того, что же она должна в конечном счёте предпринять.

Шнурре».

Идеологический момент, как видно, не очень связывал Советское руководство при выработке нового курса на советско-германское сближение и даже не мешал согласиться с германскими притязаниями на чужие территории, надеясь на получение аналогичных дивидендов и для себя.

Особо прельщало именно высказывание представителя МИДа Германии, где он коснулся того, что «во всей зоне от Балтийского моря до Чёрного и до Дальнего Востока не существует между обеими странами спорных проблем, которые исключали бы возможность таких отношений», и что «несмотря на всю разницу в мировоззрении, в идеологии Германии, Италии и Советского Союза есть единое общее: оппозиция капиталистическим демократиям, так как ни мы, ни Италия не имеем якобы ничего общего с капитализмом Запада.

На генсека Сталина особое впечатление произвело высказывание немца о том, что казалось бы довольно парадоксальным, если бы Советский Союз как социалистическое государство был бы на стороне западных демократий. Всё это казалось настолько убедительным, настолько подкупающим, настолько ему душевно близким, что определило весь ход дальнейших шагов, предпринятых к сближению с немцами. О том, что они нацисты, что у фюрера твёрдые намерения по захвату советских территорий, о чём поступали из-за рубежа многочисленные предупреждения, казалось, было предано забвению. Это красноречиво подтверждается рядом подлинных документов.

Глава 6

Юрий уже догадывался, кем в действительности был дядюшка Сильвестру. Несомненно, бессарабец скорее всего связной Компартии Румынии, интересующийся обстановкой в столице и в стране.

Ещё в начале знакомства Сильвестру намекнул о своём сочувствии отбывавшей в тюрьме срок родственнице Юрия, той самой Пите, некогда скрывавшейся в их доме. И Юрий понял, что и Сильвестру, очевидно, такой же, как она.

Если раньше отношения с Сильвестру казались Юрию обычными для земляков, то по мере общения на первый план стало выходить любопытство дядюшки об определённого толка новостях. Возникали вопросы отнюдь не житейские, ставились конкретные задачи, давались советы о том, как добиваться результата в своей деятельности.

Сведения, которыми располагал Марчел, казались слишком важными для простого электрика, каким тот был. Видимо, его функции распространялись значительно дальше повседневной работы. Едва ли не все, кто подходил к нему, здоровались и относились к нему не только с глубоким уважением, но и с некоторым почтением.

Впрочем, нечто похожее можно было сказать и о самом курсанте Россети. Получалось, что оба были с «двойным дном».

Глава 7

Телеграмма посла Германии в Советском Союзе Министерству иностранных дел рейха.
«№ 158 от 3 августа 1939 г.

Москва, 4 августа 1939 г. – 00.20

Сегодня во время совещания, длившегося 1 час 15 минут, Молотов отбросил свою обычную сдержанность и казался необычайно открытым. Я сослался на мою последнюю беседу с ним и сказал, что за это время в Берлине торговые переговоры возобновились и, кажется, развиваются обнадеживающим образом. Следовательно, мы рассчитываем на их скорое завершение... Молотов подтвердил, что «в общем» он был в курсе этого.

...Затем я объяснил, как на основании трёх этапов, упомянутых Шнурре, мы представляем себе нормализацию и улучшение наших отношений с Советским Союзом.

Далее я сказал, что от Балтики до Чёрного моря нет противоречий в интересах между Германией и Советским Союзом, что Антикоминтерновский пакт не был направлен против Советского Союза, что подписанием пактов о ненападении с прибалтийскими странами мы доказали нашу решимость уважать их целостность и что наши широко известные требования к Польше не означают нанесения ущерба советским интересам. Следовательно, мы считаем, что есть полная возможность согласовать наши интересы, и мы спрашиваем, какого мнения придерживается советское правительство.

Молотов ответил довольно пространно, пункт за пунктом. Он заявил, что Советский Союз всегда желал заключения экономического соглашения, и, если такое же желание существует у немецкой стороны, он считает перспективы осуществления экономического соглашения совершенно благоприятными.

Что касается отношения советской прессы, то он считает – за некоторыми исключениями – наши упреки необоснованными. Но он стоял за то, чтобы пресса обеих стран воздерживалась от всего, что может вызвать обострение отношений между нами. Он считает постепенное возобновление культурных связей необходимым и целесообразным и считает, что положительное начало уже вполне положено в направлении их улучшения.

Подойдя к вопросу о политических отношениях, Молотов заявил, что Советский Союз также желает нормализации и улучшения взаимоотношений. Это не их вина, если эти отношения были испорчены. Причиной этого, как он сказал, было, во-первых, подписание Антикоминтерновского пакта и всё, что в этой связи высказано и сделано. На моё возражение о том, что Антикоминтерновский пакт не был направлен против Советского Союза и был 31 мая самим Молотовым назван союзом против западных демократий, Молотов ответил, что, тем не менее, Антикоминтерновский пакт способствовал агрессивной позиции Японии по отношению к Советскому Союзу.

Во-вторых, Германия поддерживала Японию и, в-третьих, немецкое правительство неоднократно демонстрировало, что оно не намеревается участвовать в какой бы то ни было международной конференции, в которой принимает участие Советский Союз. Молотов привёл в качестве примера Мюнхен.

Я подробно ответил Молотову, подчеркнув, что нет смысла обсуждать прошлое, а нужно искать новые пути.

Молотов ответил, что советское правительство готово участвовать в поисках таких путей, однако хотело бы получить ответ на вопрос, каким образом мои сегодняшние заявления увязываются с тремя пунктами, указанными им. Доказательств изменения позиции немецкого правительства на сегодня недостаточно.

Я снова подчеркнул отсутствие противоположности интересов во внешней политике, упомянул немецкую готовность переориентировать наше отношение к прибалтийским стра-

нам, чтобы, если возникнет определённая ситуация, сохранить советские жизненные интересы в этом районе.

При упоминании прибалтийских государств Молотов захотел узнать, какие страны мы подразумеваем под этим термином и является ли Литва одним из этих государств.

По польскому вопросу я заявил, что мы продолжаем настаивать на наших известных требованиях к Польше, но стремимся к мирному урегулированию проблемы. Если же нас вынудят к другому решению, то мы готовы защищать советские интересы и прийти к соглашению с советским правительством в этом вопросе.

Молотов высказал явную заинтересованность, но сказал, что мирное решение вопроса зависит от всех нас.

Я решительно возразил против этого и подчеркнул, что британская гарантия, к сожалению, привела к тому, что решение зависит от польских властей.

Затем я отверг утверждение Молотова, что Германия одна виновна в ухудшении германо-советских отношений. Я напомнил ему роковые последствия заключения договора с Францией в 1935 году и добавил, что возможное новое участие Советского Союза в объединении, враждебном Германии, может сыграть подобную же роль.

Молотов заметил, что нынешний курс, принятый Советским Союзом, носит чисто оборонительный характер и направлен на укрепление оборонительного фронта против агрессии. В противоположность этому Германия поддержала и содействовала агрессивной позиции Японии подписанием Антикоминтерновского пакта и военным союзом, подписанным с Италией, преследовала как наступательные, так и оборонительные цели.

В заключение Молотов уверил меня, что он информирует своё правительство о моих заявлениях, и повторил, что советское правительство также желало бы нормализации и улучшения отношений.

Из всего отношения Молотова было очевидно, что советское правительство на деле готово к улучшению германо-советских отношений, но что старое недоверие к Германии сохраняется.

Главное мое впечатление таково, что Советский Союз в настоящее время намерен подписать с Англией и Францией договор, если они выполнят все советские пожелания.

Переговоры, конечно, могут продлиться долгое время, особенно потому, что недоверие к Англии так же велико. Мне кажется, что мои заявления произвели впечатление на Молотова. Потребуется, однако, немало усилий с нашей стороны, чтобы заставить Советский Союз повернуть в другую сторону.

Шуленбург».

Глава 8

14 августа 1939 года от начальника Управления разведки НКГБ СССР в Кремль поступила докладная, в которой приводилось сообщение берлинского агента о том, что 11 августа рейхсканцлер Адольф Гитлер, принимая в Берггофе верховного комиссара Лиги Наций по Данцигу господина Бурхардта, сказал:

«Вы должны понять: всё, что мною делается, направлено против России. Если Запад так глуп и слеп, что не может этого понять, я буду вынужден договориться с русскими. Тогда я ударю по Западу и после его поражения объединёнными силами обрушусь против Советского Союза».

Глава 9

Стремление СССР заключить политическое соглашение с Германией совершенно очевидно вытекало из дальнейшего хода событий.

Уже через три дня фон Шуленбург начал в этом убеждаться. Он писал советнику дипломатической миссии МИДа Германии господину Шлиппе, что «...политические переговоры с англичанами и французами в настоящее время здесь прерваны. Сегодня утром господин Стрэнг вылетел в Лондон, где якобы у него накопилось много работы. В конце недели придут британские и французские офицеры. Британские военные здесь рассматривают перспективы предстоящих переговоров также со значительным скептицизмом.

Среди членов британской военной миссии находится Колье, бывший аташе военно-воздушных сил в Москве. Колье очень трезвый и спокойный человек и хорошо знаком с советскими условиями. Во время интервенции он был в Архангельске. Тот факт, что прислали его, приветствуется тут англичанами, потому что русские не смогут провести его, и он знает их методы переговоров.

Что касается политических переговоров на сегодняшний день, то мы слышали, что господин Молотов на всём их протяжении был неподвижен, как бревно. (На полях пометка: «Он был совсем другим с Хилгером и со мной в последний раз: очень общительным и любезным».) Он едва открывал рот и, если открывал его, то лишь для того, чтобы коротко заметить: «Ваши заявления не кажутся мне вполне удовлетворительными. Я должен проинформировать свое правительство». Говорят, что оба посла – британский и французский – совершенно измотаны и рады, что теперь у них будет передышка. Француз сказал одному из моих информаторов: «Слава богу, что этот тип не будет участвовать в военных переговорах!»

Относительно моих бесед с Молотовым Вы, конечно, информированы. Я полагаю, что, так или иначе, мы дали русским резкий отпор. В каждом слове и на каждом шагу чувствуется глубокое недоверие к нам. Об этом мы знали давно...»

В том же письме фон Шуленбург счёл нужным отметить:

«...скоро приедут те три немца, которые были приглашены советским правительством посетить здешнюю Сельскохозяйственную выставку. Действительно, стоит её посмотреть (поразительно грандиозная!)...»

В очередном меморандуме Министерства иностранных дел Германии отмечается:

«...Советский Союз выражает стремление продолжать обсуждение вопроса об улучшении советско-германских отношений. Мы хотели бы, чтобы Молотов сообщил нам свою позицию относительно статуса советских интересов для того, чтобы облегчить дальнейшие переговоры. Но в любом случае один вопрос уже назрел, а именно – Польша.

Польская мания величия, поддерживаемая Англией, постоянно толкает её на новые провокации. Мы все ещё надеемся, что Польша каким-то образом образумится и, таким образом, будет возможно мирное решение вопроса. Если этого не произойдет, возможно, против нашей воли и желания, придётся решать вопрос силой оружия. Если, как мы уже это делали в ряде случаев, мы объявили бы о своём желании приступить к широкому согласованию взаимных интересов с Москвой, для нас было бы важно знать отношение советского правительства к польскому вопросу.

В Москве, после того как политические переговоры не привели ни к каким результатам, идут сейчас военные переговоры с Англией и Францией. Трудно поверить, что Советский Союз вопреки очевидной своей выгоде встал бы на сторону Англии и сделался, как сама Англия, гарантом маниакальных устремлений Польши.

Конечно, старт немецко-советских переговоров был бы скверным, если бы, тем не менее, в результате военных переговоров в Москве мог бы возникнуть какой-нибудь военный союз против нас с участием Советского Союза.

Следовательно, речь идёт о вопросах, которые представляют для нас интерес уже на данном этапе наших обсуждений и от которых в конечном итоге зависят перспективы достижения взаимопонимания между Германией и Советским Союзом: во-первых, отношение Советского Союза к польскому вопросу, и во-вторых, цели, преследуемые Москвой в военных переговорах с Англией и Францией. Я снова могу заверить господина Астахова, как это делал по разным поводам, что в случае решения вопроса силой оружия интересы Германии в Польше ограничены. Они вовсе не должны сталкиваться с советскими интересами, но мы должны знать, каковы эти интересы.

Если мотивом, стоящим за переговорами, которые Москва ведёт с Англией, является боязнь быть преданным Германией в случае немецко-польского конфликта, то мы со своей стороны готовы дать гарантии, и они, конечно, будут иметь гораздо больше веса, чем поддержка Англии, которая никогда не сможет быть эффективной в Восточной Европе.

Астахов проявил живой интерес, но, естественно, у него не было никаких указаний из Москвы для обсуждения вопроса о Польше или о переговорах в Москве...

Шнурре».

Глава 10

Дядюшка Сильвестру сдержанно реагировал на новости авиакурсанта, услышанные в легионерском клубе. Сведения исходили в основном от Марчела либо его близких друзей. Во всяком случае, «шеф-электрик» был в курсе важных новостей. На этот раз речь шла о взрывах на каком-то крупном нефтехранилище, захваченном нацистами в Норвегии. Название города курсант не запомнил, хотя электрик его упомянул. Был такой «прокол». Переживал. Зато место взрыва на мукомольном комбинате запомнил. Это произошло в Осло. Внешне, разумеется, Юрий в присутствии Марчела разделял его негодование. Справлялся со своей двойной ролью.

Особенно возмутился, узнав от электрика о прогремевших двух мощнейших взрывах на погрузочном причале Бергена, где накопилось огромное количество различного сырья, предназначенного для авиационной промышленности Третьего рейха.

Рассказал об этом дядюшке, в ответ услышал:

– Важен сам факт, что электрик был расстроен антинацистской акцией. Какие ещё новости там в ходу?

– Пока только это, – развёл руками курсант.

– По всей вероятности, придётся вам там бывать почаще, – как бы между прочим произнёс дядюшка Сильвестру. И в заключение предупредил: – Ведите себя осторожно с этой публикой.

– Разумеется. Та ещё публика!

Глава 11

Не прошло и двух недель, как при очередной встрече Марчел хмуро рассказал Юрию о сообщении Берлинского радио со ссылкой на агентство ДНБ (Германское информационное бюро.) о том, что на загруженном в Норвегии немецком крупнотоннажном судне, в момент входа его в территориальные воды «фатерланда», вспыхнул пожар, который последовал из-за произошедшего взрыва. Корабль затонул.

– Но это ещё не всё, – грустно добавил Марчел. – Аналогичная судьба постигла и другое судно, загруженное в том же порту. Всё это свидетельствует о возобновлении ранее разгромленной службой безопасности Рейха крупной диверсионно-террористической организации. Вначале считали, что это дело рук англичан, но выяснилось, что оно субсидировалось Москвой...

Юрий сделал вид, что возмущился, воскликнул:

– И Германия будет сидеть сложа руки?! Не реагировать на такой бандитизм?

В подобных случаях авиакурсант старался казаться солидарным с Марчелом, иной раз даже быть «большим католиком, чем папа римский». Роль пока удавалась, и «электрик» видел в зачавшем в клуб госте верного сторонника легионерского движения, а заодно и фашизма.

Дядюшка Сильвестру в ответ на новости о затонувших судах сказал, что уже слышал об этом по радио. Перевёл разговор на успехи земляка в авиашколе и спросил, получает ли письма от матери...

– Но я не всё сказал, – интригуяще заметил Юрий. – От «электрика» услышал, что немецкий посол в Москве имел беседу с господином Молотовым о возобновлении германо-советских торговых переговоров. И это ещё не всё! Молотов якобы воспользовался этим поводом для того, чтобы уяснить, насколько реально улучшение политических отношений между Германией и Советской Россией... Вот так, дядюшка Сильвестру. Ничего себе?!

– Любопытно...

Глава 12

При обнадёживающем обмене Берлина и Москвы телеграммами Сталин болезненно переживал малейшее отклонение от утверждённого им курса. Иногда он изменялся. Однако стержень неизменно оставался тот же: не отклоняться от занятой линии.

– Года через полтора – два время начнёт работать на нас, а значит, против наших недругов, – заявил Сталин на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). – Поэтому мы обязаны любыми путями использовать вырванную отсрочку. И будет преступлением игнорирование отпущенного нам времени, которого мы добились недешёвой ценой, чтобы защитить гораздо большие ценности. Какие это ценности? Это наша страна. Это наш народ. Это его благополучие и благосостояние. Во имя победы социалистического строительства. Во имя победы идей Маркса и Ленина.

О целях жёсткой политики, казавшейся со стороны неразумной и просто странной, вызывавшей недоумение сограждан и злорадство противников, Сталин ни с кем не делился, даже намёком. Включая соратников, единомышленников, приближённых. Остерегался утечки. Остерегался раскрыть заветную тайну, на которую возлагал серьёзную надежду. Страшился, как бы противник не разгадал его замыслы. Иногда он всё же был близок к разгадке. В эти дни приближённым генсека, не знавшим истинных причин, казалось, что его хватит удар. Он, конечно, принимал меры, которые со стороны выглядели загадочными, порой и неоправданными. По своему обыкновению, жертвовал многим ради достижения большего. Первое приносило людям страдания и горе, слёзы и могилы. Второе оставалось пока неведомым и потому ужасным.

По этому поводу ходило множество суждений и толков, но не осуждений. Если кто-либо втихоря на подобные разговоры всё же осмеливался, ему приходилось крепко расплачиваться за это. Нередко и жизнью.

Осуждать политику советского руководства могли лишь иностранцы. Им не надо было опасаться навлечь на себя неприятности. Хотя кое-кого они и коснулись. Основательно.

Такая тактика советского руководителя была его натурой, его характером. О закулисной возне англичан и проводимой немцами подготовке к возможному нападению на Советский Союз в Кремле порой делали вид, будто ничего не знают, ничего не замечают, ни о чём не догадываются. Хотя всем всё было видно и понятно. Лишь время от времени советская сторона делала осторожные демарши с целью не столько прояснить у немцев совершенно очевидную обстановку, сколько показать мировому сообществу агрессивность правителей Германии. И не только по отношению к СССР, но и к тем, кто не вникает в сущность конечной цели нацистов. Кстати, всем очевидной и понятной.

В Кремле уже утвердились в том, что верить нельзя ни англичанам, французам, ни, тем более, немцам.

Глава 13

Германия в это время предпринимала энергичные шаги к достижению своих целей. Натиск был мощный.

14 августа, то есть всего на четвёртый день после беседы Шнурре с Астаховым, который ничего конкретного и вразумительного не мог ответить на фонтан предложений Германии, министр иностранных дел Рейха фон Риббентроп отправляет очередную телеграмму:

«№ 175 от 14 августа, 1939 г.

Очень срочно! Лично послу.

Получено в Москве 15 августа 1939 г. – 04.40

Я прошу Вас лично встретиться с Молотовым и передать ему следующее.

1) Идеологические расхождения между национал-социалистской Германией и Советским Союзом в прошлые годы были единственной причиной того, что Германия и СССР противостояли друг другу и находились в двух разных враждебных лагерях. События последнего периода как будто указывают на то, что различные мировоззрения не препятствуют разумным отношениям между двумя государствами, а также возобновлению сотрудничества на новой дружеской основе. Периоду разногласий во внешней политике может быть положен конец раз и навсегда и может открыться путь к новому будущему для обоих государств.

2) Настоящего конфликта между интересами Германии и СССР не существует. Жизненные пространства Германии и Советского Союза соприкасаются, но в своих естественных потребностях не сталкиваются. *Таким образом, отсутствует всякая причина агрессивного отношения каждой из стран друг к другу.*

У Германии нет агрессивных намерений по отношению к СССР. Правительство Рейха придерживается того мнения, что в районе от Балтийского до Чёрного моря нет таких вопросов, которые не могли бы быть урегулированы к общему удовлетворению обеих стран. В числе таких вопросов: Балтийское море, Балтийский район, Польша, юго-восточные вопросы и т. д. В этой области политическое сотрудничество между обеими странами могло бы иметь только положительный эффект. То же самое относится к экономическому сотрудничеству, которое может быть расширено в любом направлении.

3) Нет сомнений в том, что немецко-советская политика сегодня подошла к исторически поворотному пункту. Решения, касающиеся политики, которые должны быть приняты в ближайшем будущем в Берлине и в Москве, будут иметь решающее значение для характера взаимоотношений между немецким народом и народами СССР на многие поколения вперед.

От этих решений в конечном счёте будет зависеть, поднимут ли когда-нибудь вновь оба народа без каких-либо видимых причин оружие друг против друга или же снова вступят в дружеские отношения. Всё шло хорошо раньше, когда обе страны были друзьями, и плохо для них обеих, когда они стали врагами.

4) Верно, что Германия и СССР в результате их враждебных мировоззрений смотрят сегодня друг на друга с недоверием. Придётся расчистить немало грязи, накопившейся за это время. Следует, тем не менее, указать, что даже в течение этого периода никогда не исчезала искренняя симпатия между немцами и русскими. На этой основе политика обеих стран может быть построена заново.

5) Правительство Рейха и советское правительство, исходя из своего предыдущего опыта, должны считать неизменным тот факт, что западные демократии являются непримиримыми врагами как национал-социалистской Германии, так и СССР. Они сегодня опять пытаются путём заключения военного союза втянуть СССР в войну против Германии. В 1914 году такая политика имела катастрофические последствия для России. В общих интересах обеих стран

необходимо избежать в будущем разрушения Германии и СССР, что было бы на пользу только западным демократиям.

б) Кризис, возникший в немецко-польских отношениях из-за политики Англии, английская военная агитация и попытка Англии создать союз, связанный с этой политикой, делают желательным быстрее выяснение германо-советских отношений и, может быть, совместное разрешение территориальных вопросов в Восточной Европе.

Поэтому руководство обеих стран не должно упустить момента и своевременно принять меры. Было бы роковой ошибкой допустить, чтобы из-за отсутствия взаимопонимания по отношению к взглядам и намерениям друг друга наши народы оказались полностью разъединены.

Как нам стало известно, советское правительство также желало бы внести ясность в германо-советские отношения. Однако, как показывает предыдущий опыт, через обычные дипломатические каналы такое выяснение отношений будет осуществляться медленно.

Поэтому министр иностранных дел Рейха фон Риббентроп готов прибыть в Москву с краткосрочным визитом, чтобы от имени фюрера изложить взгляды фюрера господину Сталину.

Только такое непосредственное обсуждение может, по мнению господина Риббентропа, привести к переменам, и тогда не исключена возможность заложить основы для определённого улучшения в немецко-русских отношениях.

Примечание.

Я прошу не передавать господину Молотову эти указания в письменном виде, а зачитать их ему. Я считаю важным, чтобы они дошли до господина Сталина как можно быстрее и разрешаю Вам в то же самое время просить у господина Молотова от моего имени приёма у господина Сталина с тем, чтобы Вы могли передать ему лично это важное сообщение.

В дополнение к встрече с Молотовым широкие переговоры со Сталиным должны быть поставлены, как условие моего приезда.

Риббентроп».

Стоит обратить внимание на набор лицемерных посулов и заверений в этом и других заявлениях гитлеровских бонз. Содержание определённо выражает направленность их политики. И этого достаточно для пристального внимания, для понимания подлинной сути, умения отделить патоку от истинного положения дел. Но!

Посол Германии в Советском Союзе тотчас же отвечает Министерству иностранных дел Германии телеграфно:

«№ 175, 15 августа.

Весьма срочно! Секретно!

Получено в Берлине 16 августа 1939. – 02.30

Ссылаясь на Вашу телеграмму № 175 от 15 августа.

Молотов с огромным интересом принял сообщение, которое мне было поручено ему передать; он назвал его чрезвычайно важным, заявил, что сразу доложит о нём своему правительству и даст мне ответ в течение ближайшего времени. Он уже мог сказать мне, что советское правительство горячо приветствует намерения Германии улучшить отношения с Советским Союзом и в свете моего сегодняшнего сообщения верит в искренность этих намерений.

Что касается приезда сюда министра иностранных дел Рейха, то он хотел бы предварительно заметить, что, по его мнению, такого рода визит требует соответствующей подготовки с тем, чтобы обмен мнениями мог привести к положительным результатам.

В этой связи его интересовал вопрос о том, как германское правительство относится к идее заключения договора о ненападении с Советским Союзом? Готово ли германское правительство оказать влияние на Японию в целях улучшения советско-японских отношений по урегулированию пограничных конфликтов и предполагает ли Германия дать совместные гарантии прибалтийским странам?

Относительно желаемого расширения торговых связей Молотов признал, что переговоры в Берлине успешно продвигаются и подходят к завершению.

Молотов повторил, что, если моё сегодняшнее сообщение включает в себя идею пакта о ненападении или что-нибудь подобное, тогда этот вопрос должен быть обсуждён конкретно для того, чтобы в случае приезда сюда министра иностранных дел Рейха вопрос не свёлся бы к обмену мнениями, а были бы конкретные решения.

Молотов признал, что дело необходимо ускорить, чтобы не оказаться перед свершившимся фактом, но подчеркнул, что соответствующая подготовка упомянутых проблем необходима.

Подробный меморандум о ходе беседы будет послан вслед в четверг аэропланом со специальным курьером.

Шуленбург».

Глава 14

Итак, Советский Союз, как и Германия, не прочь форсировать события. Обе стороны придерживаются принципа: урвать, что можно, сегодня; завтра будет поздно. В срочном порядке намечаются и выдвигаются различные требования. Одна сторона, к удивлению, идёт другой навстречу. Происходит нечто похожее на игру в поддавки. По ряду позиций СССР сразу удаётся добиться успеха, по другим – ограничиваются намёками. Прозрачными. Нарастает взаимное прощупывание, схожее с первыми шагами по едва схваченному морозом льду. Но он, к удивлению сторон, выдерживает. Даже не потрескивает! Напротив, чем дальше, тем он кажется прочнее. Произойдут ли в самом деле впредь изменения? На всякий случай снова выдвигаются всё более серьёзные требования. Снова следуют уступки. Всё настолько хорошо, что, кажется, пора бы сдать назад. Во всём, конечно, обе стороны стараются обезопасить себя. Особенно это заметно у советской стороны. Берлин, однако, идёт навстречу. Нацисты оказываются на редкость стоворчивыми. Не то что англичане и французы – «мычат, да не телятся».

Тем не менее в Кремле эти успехи воспринимаются с некоторым опасением: морозец ведь наступил неожиданно-негаданно, как снег на голову. Хотя и пришёлся по душе. Точно по заказу! Что бы это означало? С какой стати?

Берлин в свою очередь проявлял максимум понимания и делал вид, будто ничего не замечает в действиях Москвы, однако не упускал момента, изо всех сил добивался осуществления своих планов. Именно это и вызывало подозрение у Кремля. Но соблазн немецких уступок был достаточно велик. Устоять оказалось непросто. Конечно, предпринимались меры, чтобы не остаться в дураках. Застраховаться. И заодно не упустить удобного случая.

Берлин и с этими требованиями соглашался. И снова возникал вопрос: с чего бы такая податливость? Неужто нацисты настолько щедры? Если это так, то с ними одно удовольствие иметь дело! Всё без малейших проволочек, чётко, незамедлительно.

Но тут выясняется, что немцам надо во что бы то ни стало успеть подписать с Советским Союзом ряд документов до начала уже намеченных военных действий против Польши. Германский фюрер бьётся в истерике, доказывая свою правоту и угрожая западным державам в случае, если они не поддержат его требование отдать Польшу!

Однако его многократным заверениям о том, что «это последняя претензия Германии», они уже не верят. Помнят, как он точно так же клялся, что если ему уступят, то «свой взор обратит на земли России». Тогда поверили. А он отказался от Версальского договора, вернул Германии Рейнскую область, Эльзас и Лотарингию, затем аннексировал Австрию. Тем не менее в Мюнхене премьеры Великобритании Чемберлен и Франции Даладье отдали Гитлеру Чехословакию, которую он тут же превратил в протекторат. И тоже при условии, что Германия предпримет «крестовый поход» против большевизма. Всё это уже позади.

Теперь германский фюрер приготовился проглотить Польшу, хотя вновь утверждал, что «предъявляемые к Польше требования весьма ограничены». Но в Лондоне и Париже его аппетиту твёрдо сказали: «нет»!

И Адольф Гитлер, к удивлению правительств западных стран, обратил свой взор к России. Правда, в ином смысле и под другим, специально приправленным соусом.

«Обедня» состоялась. Ещё недавно ярый противник большевизма Гитлер превратился в его поклонника; заверяя Москву в отсутствии каких бы то ни было разногласий, высказал «готовность впредь сотрудничать на протяжении многих поколений». Заманчиво. Тем более что его ранее повышенный интерес к прибалтийским странам вдруг настолько упал, что он запросто отдал их в сферу влияния большевиков.

А крупнейший литовский порт на Балтике – Мемель? Куда недавно вступили войска вермахта, и нацистский диктатор, примчавшийся туда, выступил перед литовцами с бал-

кона одного из мемельских домов с пространной речью, заверял в установлении там «нового порядка». Внезапно дал задний ход! Уступил город и порт большевикам! Что это? Отказ от заветной мечты? Или просто манёвр? Либо речь идёт уже о некой новой стратегии?

На первых порах Германия добивается изоляции западных держав от контакта с Советами, с одной стороны; с другой – в максимально сжатые сроки стремится подписать с теми же большевиками документы, с помощью которых надеется не только усыпить подачками бдительность СССР, но и заключить договор о ненападении. Осуществить это следовало до начала запланированного немецким Генштабом нападения на Польшу.

Правительство Советского Союза, возглавляемое Сталиным, следило за разворачивающимися событиями с повышенным интересом и, вне всякого сомнения, с огромной опаской. Но было вынуждено отвечать взаимностью. Сталин рассчитывал занять выгодную позицию, наблюдая со стороны за схваткой между Германией, с одной стороны, Англией и Францией – с другой, одновременно надеясь при содействии Германии улучшить свои отношения с Японией, готовившейся к очередному военному конфликту, в который предполагалось вовлечь Советский Союз.

Немцы не скупилась на дружественные заверения СССР осторожничал, хотя и не без уступок. Отвечал на предпринимаемые нацистами шаги, ибо они позволяли, в случае заключения с Германией пакта о ненападении, занять выгодную позицию, а со временем и решить некоторые территориальные вопросы.

Немцы действовали энергично.

«Меморандум посла Германии в Советском Союзе.

Секретно!

Моя беседа с Молотовым началась в 8 часов вечера 15 августа заявлением о том, что, согласно сведениям, дошедшим до нас, советское правительство заинтересовано в продолжении политических переговоров, но что оно предпочитает, чтобы они проводились в Москве.

Молотов подтвердил, что это так.

Затем я зачитал господину Молотову содержание инструкции, которая была прислана мне, и немецкий текст был тут же переведён параграф за параграфом. Я также сообщил Молотову содержание приложения к полученной инструкции. Молотов принял во внимание моё сообщение о том, что министр иностранных дел рейха дал мне инструкцию просить приёма у господина Сталина, а также моё заявление о том, что помимо совещания с Молотовым министр иностранных дел рейха ставит условием своего приезда переговоры со Сталиным. На пожелание министра иностранных дел рейха, чтобы содержание инструкции дошло до господина Сталина, Молотов жестом выразил своё согласие.

Молотов прослушал инструкцию с неослабным вниманием и приказал своему секретарю записывать всё как можно полнее и точнее.

Затем Молотов сказал, что, учитывая важность моего сообщения, он не может сразу дать мне ответ, что он должен сначала представить отчёт своему правительству. Однако он сразу может сказать, что советское правительство тепло приветствует намерение германской стороны достичь улучшения отношений с Советским Союзом. Сейчас же, до того как он получит указания от своего правительства, он хотел бы выразить мне свою собственную точку зрения в связи с предложением немецкого правительства.

Поездка министра иностранных дел Рейха в Москву потребует широкой подготовки, если мы хотим, чтобы предполагаемый обмен мнениями привёл к каким-то результатам...

Молотов отметил, что он по-прежнему ещё не готов на дальнейшие заявления о визите сюда министра иностранных дел Рейха. Ему кажется, однако, что для такого визита необходимо предварительное выяснение и подготовка конкретных вопросов с тем, чтобы в Москве всё не ограничилось просто переговорами, а были бы приняты отдельные решения. Он горячо присоединился к моему заявлению, что было бы желательно поспешить, чтобы ход событий

не поставил бы нас перед уже свершившимися фактами. Он, однако, должен повторить, что, если немецкое правительство склоняется к идее заключения пакта о ненападении или к чему-то подобному, то можно уже сразу приступить к обсуждению этих вопросов.

Он просил информировать мое правительство в этом направлении.

Граф фон Шуленбург

Москва, 16 августа 1939 г.»

Глава 15

В тот же день, 16 августа, посол Германии в СССР фон Шуленбург пишет письмо статс-секретарю Министерства иностранных дел Рейха Шнурре:

«Глубокоуважаемый статс-секретарь!

В связи с моим разговором с господином Молотовым я хотел бы подчеркнуть следующее.

Господин Молотов был необыкновенно податлив и откровенен. У меня сложилось впечатление, что предложение о визите министра Рейха сюда лично очень польстило господину Молотову и что он рассматривает это как доказательство наших добрых намерений. (Я сужу об этом на основании газетных сообщений – Москва попросила, чтобы Англия и Франция прислали сюда министра, но вместо этого приехал только господин Стрэнг, потому что Лондон и Париж рассердились, что господину Ворошилову не позволили принять приглашение на британские манёвры. На самом деле, это является совершенно другим вопросом, так как высокопоставленные советские лица до сих пор никогда не выезжали за границу.)

Во вчерашних заявлениях господина Молотова также заслуживает внимания удивительная сдержанность в его требованиях к нам. Он ни разу не произнёс выражения «Антикоминтерновский пакт» и также не требовал более от нас, как делал это во время последнего разговора, «отказа от поддержки японской агрессии». Он ограничился пожеланием, чтобы мы содействовали урегулированию советско-японских отношений. Ещё более примечательно его совершенно ясно выраженное желание заключить с нами пакт о ненападении.

Несмотря на все наши усилия, нам не удалось полностью выяснить, как господин Молотов хочет разрешить вопрос о прибалтийских государствах...»

О польских делах, а также о стремлении не дать англичанам опередить себя министр иностранных дел Германии телеграфировал своему послу в Советском Союзе графу Шуленбургу:

«№ 179 от 16 августа. Срочно! Лично господину послу.

Берлин, 16 августа 1939 г. – 16.14

Получено в Москве 17 августа 1939 г. – 01.00

Я прошу Вас снова встретиться с господином Молотовым, чтобы сообщить ему, что в добавление к вчерашнему посланию для господина Сталина Вы хотите передать ему только что полученную нижеследующую инструкцию Берлина, связанную с вопросами, поднятыми господином Молотовым. Пожалуйста, передайте господину Молотову следующее.

1) Вопросы, поднятые господином Молотовым, соответствуют пожеланиям Германии. То есть Германия готова заключить пакт о ненападении с Советским Союзом, и, если того пожелает Советский Союз, этот пакт не будет подлежать изменениям в течение двадцати пяти лет. Далее Германия готова совместно с Советским Союзом гарантировать безопасность прибалтийских стран. Наконец, следующее – что полностью соответствует позиции Германии: Германия готова использовать свое влияние с целью укрепления русско-японских отношений.

2) Исходя из настоящего положения и учитывая возможность возникновения когда-либо серьёзных инцидентов (пожалуйста, объясните в этом месте, что Германия не намерена бесконечно терпеть польские провокации), фюрер считает, что было бы желательно быстрое и основательное выяснение немецко-советских отношений и взаимное урегулирование неотложных вопросов.

В силу этих причин министр иностранных дел Рейха заявляет, что он готов прилететь самолётом в Москву в любое время после пятницы 18 августа, имея от фюрера все полномочия для рассмотрения и решения всего комплекса германо-советских вопросов, а если представится возможность, то и для подписания соответствующего договора.

Дополнение.

Прошу Вас зачитать господину Молотову эти инструкции и запросить мнение советского правительства и господина Сталина. Добавлю совершенно конфиденциально для Вашего сведения, что мы были бы особо заинтересованы в том, чтобы моя поездка в Москву состоялась в конце этой недели или в начале следующей.

Риббентроп».

Посол Германии в Советском Союзе телеграфирует в Министерство иностранных дел Рейха.

«№ 182 от 17 августа.

Очень срочно! Секретно! Москва, 18 августа, 05.30

Ссылаясь на Вашу телеграмму № 179 от 16 августа.

После того как я зачитал Молотову дополнительные инструкции, Молотов, не вдаваясь подробно в их содержание, заявил, что сегодня он сможет дать ответ советского правительства на моё сообщение от 15 августа. Сталин с большим интересом следит за переговорами, он информирован обо всех деталях и полностью согласен с Молотовым.

Господин Молотов зачитал ответ советского правительства, который в переданном мне тексте выглядит следующим образом:

«Советское правительство ознакомилось с заявлением германского правительства, переданным 15 августа графом Шуленбургом, относительно его желания действительно улучшить политические отношения между Германией и СССР.

На основании официальных заявлений отдельных представителей правительства Германии, которые зачастую носили недружелюбный и даже враждебный характер по отношению к СССР, у Советского Союза до совсем недавнего времени создавалось впечатление, что германское правительство, действуя под предлогом угрозы столкновения с СССР, готовилось само к такому столкновению и обосновывало необходимость своей постоянной гонки вооружений неизбежностью такого столкновения. Не будем напоминать о том факте, что германское правительство посредством так называемого «Антикоминтерновского пакта» стремилось создать единый фронт группы государств, направленный против СССР, и с особым упорством пыталось втянуть в него Японию.

Понятно, что подобная политика со стороны германского правительства вынудила СССР предпринять серьёзные шаги для укрепления своей обороноспособности на случай возможной агрессии Германии против СССР, а также принять участие в организации оборонительного фронта группы государств, направленного против такой агрессии.

Если, однако, германское правительство решило сейчас изменить старую политику в направлении улучшения отношений с СССР, то советское правительство может лишь приветствовать такую перемену и со своей стороны готово изменить свою политику в сторону существенного улучшения отношений с Германией.

Если добавить к этому тот факт, что советское правительство не имело и впредь не будет иметь агрессивных намерений против Германии, что теперь, как и прежде, советское правительство считает мирное решение спорных вопросов в области отношений между Германией и СССР вполне осуществимыми и что принцип мирного сосуществования различных политических систем представляет собой давно установленный принцип внешней политики СССР, то из этого вытекает, что для установления новых, лучших политических отношений между обеими странами теперь существует не только реальная основа, но и реальные предпосылки для принятия серьёзных и практических шагов в этом направлении.

Советское правительство считает, что первым шагом на пути такого улучшения отношений между СССР и Германией может стать заключение договора о торговле и займе.

Правительство СССР считает, что вторым шагом, который должен вскоре последовать за первым, может быть заключение пакта о ненападении или же возобновление договора 1926 года о нейтралитете с одновременным подписанием специального протокола, который обозна-

чил бы интересы подписавшихся сторон в том или ином вопросе внешней политики и который явился бы неотъемлемой частью пакта.

Молотов сообщил следующую дополнительную информацию:

1) В первую очередь следует заключить экономическое соглашение. Нужно довести до конца то, что было начато.

2) Затем, после короткого промежутка времени, по усмотрению Германии может последовать заключение пакта о ненападении или возобновление договора 1926 года о нейтралитете. В любом случае, за этим должно последовать подписание протокола, в который, помимо всего прочего, будут включены Заявления Германии от 15 августа.

3) Относительно предложенной поездки министра иностранных дел рейха в Москву он заявил, что советское правительство встретило это предложение с большим удовлетворением, так как выбор для поездки столь выдающегося государственного деятеля подчёркивает серьёзность намерений германского правительства. Это представляет собой достойный внимания контраст по сравнению с позицией Англии, которая в лице Стрэнга прислала в Москву лишь второстепенного чиновника. Однако приезд министра иностранных дел Рейха потребует серьёзных приготовлений. Советское правительство не хотело бы большой шумихи, которую может вызвать эта поездка.

На моё замечание, что именно приезд министра иностранных дел рейха позволит ускорить достижение практических результатов, Молотов возразил, что советское правительство предпочло бы другой путь, при котором первые шаги были бы сделаны заранее.

На мой вопрос, как отреагировало советское правительство на моё сегодняшнее сообщение, Молотов сказал, что во время подготовки советским правительством своего ответа сегодняшний положительный ответ Германии не был ещё известен и поэтому он ещё должен быть изучен, но в сегодняшнем советском ответе уже содержится всё самое существенное.

Он предложил, чтобы мы со своей стороны сразу взялись за подготовку проекта пакта о ненападении или, на всякий случай, подтверждения договора о нейтралитете, а также за составление протокола, и что то же самое будет сделано советской стороной.

Я сказал, что доложу об этих предложениях моему правительству. Что касается протокола, то хотелось бы получить от Советского Союза более точную информацию о его пожеланиях.

Молотов закончил разговор выражением пожелания получить наши проекты как можно скорее.

Шуленбург».

Глава 16

Министр иностранных дел Рейха послу Германии в Советском Союзе.

«Телеграмма № 185 от 18 августа. Берлин, 18 августа 1939 г. – 22.48

Очень срочно! Послу лично!

Получено в Москве 19 августа 1939 г. – 05.45

Ссылаясь на Вашу телеграмму № 182.

Пожалуйста, немедленно условьтесь о новой встрече с господином Молотовым и сделайте всё возможное, чтобы эта встреча состоялась безотлагательно. Во время этой встречи прошу вас вести разговор с господином Молотовым в следующем плане.

Правительство Рейха с большим удовлетворением узнало из последнего сообщения, что советское правительство благосклонно относится к пересмотру немецко-русских отношений. При нормальных обстоятельствах мы также, естественно, были бы готовы продолжать урегулирование этих отношений через дипломатические каналы и довести дело до конца обычным путём. Но особая нынешняя ситуация вызывает, по мнению фюрера, необходимость использовать другой путь, который мог бы привести к более быстрым результатам. Немецко-польские отношения обостряются с каждым днём. Мы должны учесть, что в любой момент могут произойти инциденты, которые неизбежно приведут к началу военных действий. Учитывая поведение польского правительства, вина за развитие событий в этом направлении никоим образом не лежит на нас.

Как считает фюрер, необходимо, чтобы мы не оказались застигнуты врасплох началом немецко-польского конфликта в то самое время, когда мы стараемся выяснить немецко-советские отношения. Следовательно, он считает необходимым предварительное выяснение отношений, хотя бы для того, чтобы учесть русские интересы в случае такого конфликта, что было бы трудно осуществить без соответствующего выяснения.

Заявление, сделанное господином Молотовым, относится к Вашему первому сообщению от 15 августа. В моей дополнительной инструкции я пошёл дальше этого, ясно заявив, что мы полностью согласны с идеей пакта о ненападении, а также с тем, чтобы дать гарантии прибалтийским государствам и оказать нужное давление на Японию. Следовательно, в наличии имеются все фактические элементы для немедленного начала прямых переговоров и для окончательного соглашения.

Более того, Вы можете заметить, что первый этап, упомянутый господином Молотовым, а именно, завершение переговоров о новом немецко-русском экономическом договоре, закончился сегодня. Таким образом мы теперь должны приступить ко второму этапу.

Поэтому мы теперь просим немедленно откликнуться на предложение, сделанное в дополнительной инструкции относительно моего немедленного выезда в Москву.

Пожалуйста, добавьте в этой связи, что я приеду со всеми полномочиями фюрера для полного и окончательного разрешения всего комплекса проблем.

Что касается пакта о ненападении, то дело для нас выглядит настолько простым, что не требует длительной подготовки. Мы здесь имеем в виду три следующих параграфа, которые я попрошу Вас зачитать господину Молотову, но не вручать ему».

(Получается, что в устной форме следы не остаются. Как у аферистов. – Авт.)

Статья 1. Германский рейх и СССР ни при каких обстоятельствах не прибегнут к войне или к другому использованию силы в отношении друг друга.

Статья 2. Настоящий договор должен войти в силу немедленно после его подписания и должен остаться действительным и не подлежащим денонсированию в течение двадцати пяти лет.

Пожалуйста, укажите в этой связи, что в том, что касается этих предложений, я имею полномочия обсуждать все детали по ходу устных дискуссий в Москве и, если возникнет в этом необходимость, пойти навстречу пожеланиям русских.

Я также имею полномочия подписать специальный протокол, регулирующий интересы обеих стран в тех или иных вопросах внешней политики, например, установление сфер интересов в Балтийском районе, урегулирование проблемы прибалтийских государств и т. д. Подобного рода договорённость, которая также кажется нам очень важной, может, однако, быть достигнута только во время устных обсуждений.

Пожалуйста, подчеркните в этой связи, что в истории германской внешней политики наступил исторический переломный момент. В этот раз, пожалуйста, ведите беседу, за исключением чтения вышеупомянутых статей соглашения, не в форме прочтения настоящих указаний, а особо настаивая на скором осуществлении моей поездки и, соответственно, противясь любому новому возможному возражению русских.

В этой связи Вы должны иметь в виду решающий факт возможного начала в скором времени открытого германо-польского конфликта, и поэтому мы в высшей степени заинтересованы в том, чтобы моя поездка в Москву состоялась немедленно.

Риббентроп».

Глава 17

Следом Министерство иностранных дел Германии тотчас же отправило послу в Москве депешу:

«№ 189 от 20 августа Берлин, 20 августа 1939 г. – 16.35

Срочно! Послу лично!

Получено в Москве 21 августа 1939 г. – 00.45

Фюрер уполномочивает Вас немедленно явиться к Молотову и передать ему следующую телеграмму от фюрера господину Сталину.

«Господину Сталину, Москва:

1) Я искренне приветствую подписание нового германо-советского торгового соглашения как первого шага на пути к перестройке германо-советских отношений.

2) Заключение пакта о ненападении с Советским Союзом означает для меня установление немецкой политики дальнего прицела. Этим Германия возобновляет политический курс, который в течение столетий был благотворен для обоих государств. Правительство Рейха в этой связи приняло решение действовать со всей последовательностью в соответствии с этой далеко идущей переменной.

3) Я одобряю проект пакта о ненападении, переданный мне Вашим министром иностранных дел Молотовым, но считаю безотлагательной необходимостью как можно скорее выяснить все вопросы, связанные с ним.

4) Я убеждён, что дополнительный протокол, которого желает правительство Советского Союза, может быть выработан в кратчайшие сроки, если компетентный государственный деятель Германии сможет приехать в Москву на переговоры. В противном случае правительству Рейха неясно, каким образом можно будет быстро урегулировать и разработать дополнительный протокол.

5) Напряженность между Германией и Польшей стала невыносимой. Поведение Польши по отношению к великой державе таково, что кризис может разразиться в любой день. Перед лицом такой вероятности Германия исполнена решимости в любом случае уже сейчас защитить интересы Рейха любыми средствами, которыми она располагает.

6) На мой взгляд, ввиду намерения обоих государств вступить друг с другом в новые отношения, желательно не терять ни минуты. Поэтому я снова предлагаю принять моего министра иностранных дел во вторник, 22 августа, или, в крайнем случае, в среду, 23 августа, но не позднее. Министр иностранных дел Рейха имеет все полномочия для составления и подписания как пакта о ненападении, так и протокола. Министр иностранных дел Рейха не сможет остаться в Москве более чем один-два дня из-за нынешнего международного положения.

Я был бы рад получить Ваш скорый ответ.

Адольф Гитлер».

«Пожалуйста, передайте господину Молотову эту телеграмму фюрера Сталину на простом листе бумаги, без шапки.

Риббентроп».

...Гитлер скрывал на всякий случай не только личную причастность к затеянной авантюре, но и заинтересованность в максимально скорейшем заключении с СССР пакта о ненападении, который обеспечивал ему спокойный тыл при реализации намеченных военных планов. Не делал он секрета и из мотивов своей удовлетворённости ходом дел и желания побыстрее их завершить.

А вот указание передать текст письма Сталину «на простом листе бумаги, без шапки» свидетельствует в очередной раз о всё ещё сохранявшейся у нацистов тактике «на всякий случай обеспечить себе алиби у будущего союзника. Если он появится! На случай давления

Москвы на Англию. Хотя предположение о возможной игре со стороны СССР не имело под собой реальной почвы или каких-либо фактов в пользу такой версии...

Налицо стремление нацистов обезопасить себя, при необходимости отказаться от изложенного в телеграмме как от фальшивки.

Всё как у профессиональных взломщиков: «отпечатки пальцев оставлять не следует!», «на воре шапка горит»... А она горела синим пламенем.

Посол Германии в Советском Союзе граф Шуленбург отвечает министру иностранных дел Рейха:

«Телеграмма № 199 от 21 августа 1939 г., Москва.

Очень срочно! Секретно!

В дополнение к моей телеграмме № 197 от 21 августа.

Молотов передал мне в 17.00 ответ Сталина на телеграмму фюрера, изложенный в очень примирительной форме. Сталин сообщает, что советское правительство согласно на приезд министра иностранных дел Рейха 23 августа...

Шуленбург».

В тот же день посол Германии в Советском Союзе телеграфирует в Министерство иностранных дел Рейха:

«№ 200 от 21 августа 1939 г., Москва, 19.30

Очень срочно! Секретно!

В дополнение к моей телеграмме № 199 от 21 августа.

Ответ Сталина:

«21 августа 1939 года канцлеру германского Рейха господину Адольфу Гитлеру.

Благодарю Вас за письмо. Надеюсь, что германо-советский пакт о ненападении знаменует собой решительный поворот к лучшему в политических отношениях между нашими странами.

Народам наших стран необходимы мирные взаимоотношения. Согласие германского правительства заключить пакт о ненападении создаёт основу для устранения политического напряжения и для установления мира и сотрудничества между нашими странами.

Советское правительство поручило мне сообщить Вам, что оно согласно на приезд в Москву господина фон Риббентропа 23 августа.

И. Сталин».

Шуленбург».

Наконец, рейхсминистр иностранных дел фон Риббентроп прилетает в столицу Советского Союза. На Центральном аэродроме – бывшем Ходынском поле у Ленинградского проспекта – его встречают без традиционного ритуала. Визит носит сугубо рабочий характер.

В Кремле Иоахим Риббентроп предъявляет официальные полномочия:

«Доверенность министру иностранных дел Рейха господину Иоахиму фон Риббентропу.

Настоящим даю все полномочия вести переговоры от имени Германского рейха с авторитетными представителями правительства Союза Советских Социалистических Республик относительно пакта о ненападении и всех связанных с ним вопросов и, если появится возможность, подписать, как Пакт о ненападении, так и другие соглашения, вытекающие из переговоров, с оговоркой, что настоящий договор и эти соглашения должны войти в силу с момента подписания.

Адольф Гитлер.

22 августа 1939 года».

Глава 18

Ошеломляющий натиск нацистских главарей увенчался успешным подлогом! Немецкие заверения не стоят и ломаного гроша. Будущее подтвердит это. Но в то время приходилось выбирать из двух зол наименьшее, чтобы выиграть время. Чего бы это ни стоило!

Министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп в Москве.

Его встречали народный комиссар иностранных дел СССР Молотов и другие официальные лица, а также посол Германии в Советском Союзе граф фон Шуленбург. Встреча более чем скромная. Натянутость в отношениях ощущалась, хотя готовность к переговорам, взаимопониманию и дружбе подчёркивались обеими сторонами.

Стороны не могли не сознавать парадоксальность намеченного союза, его искусственность. В то же время ими делалось всё возможное для преодоления вполне закономерного барьера. «Хорошая мина при фальшивой игре...»

Министр иностранных дел Рейха телеграфировал в Министерство иностранных дел Германии:

«№ 204 от 23 августа, 1939 года. Москва – 20.35

Очень срочно!

Пожалуйста, немедленно сообщите фюреру, что только что закончилось первое трёхчасовое совещание со Сталиным и Молотовым. Во время переговоров, которые проходили положительно в нашем духе, обнаружилось, что решающим моментом для достижения конечного результата является требование русских, чтобы мы признали сферой их влияния порты Либав (Лиепая) и Виндава (Вентспилс). Я был бы признателен, если до 20 часов по немецкому времени получу на это согласие фюрера. Вопрос о подписании секретного протокола о разграничении наших обоюдных сфер влияния во всей восточной зоне, на что я дал своё принципиальное согласие, обсуждается.

Риббентроп».

Телеграмма Министерства иностранных дел Германии министру иностранных дел:

«№ 205, Берлин, 23 августа 1939 г.

Получено в Москве 23 августа 1939 г. – 23.00

Ссылаясь на Вашу телеграмму № 204.

Ответ: Да, согласен.

Кордт».

Таким образом, *Пакт о ненападении* между Германией и Советским Союзом заключен и подписан уполномоченным правительства СССР В. Молотовым и за правительство Германии И. Риббентропом 23 августа 1939 года в Москве.

Вслед за ним был представлен для подписания очередной, весьма важный в стратегическом плане дополнительный документ под названием: «*Секретный дополнительный протокол*».

Запись беседы министра иностранных дел Рейха Риббентропа со Сталиным и Молотовым:

«Государственная тайна! Канцелярия министра иностранных дел Рейха, 24 августа 1939 года.

Запись беседы, состоявшейся в ночь с 23 на 24 августа между министром иностранных дел Рейха, с одной стороны, и господами Сталиным и председателем Совета Народных Комиссаров Молотовым, с другой стороны.

Обсуждались следующие проблемы:

Япония. Министр иностранных дел Рейха заявил, что германо-японская дружба никоим образом не направлена против Советского Союза. Мы, напротив, в состоянии в силу хороших отношений с Японией внести эффективный вклад в урегулирование разногласий между Советским Союзом и Японией. Если господин Сталин и советское правительство этого пожелают, министр иностранных дел Рейха готов работать в этом направлении. Он соответствующим образом использует свое влияние на японское правительство и свяжется по этому вопросу с советским представителем в Берлине.

Господин Сталин ответил, что Советский Союз действительно желал бы улучшения отношений с Японией, но что есть пределы его терпению в отношении японских провокаций. Если Япония желает войны, она может получить её. Советский Союз не боится этого и готов к этому. Если же Япония желает мира – тем лучше! Господин Сталин считает помощь Германии в достижении улучшения советско-японских отношений полезной, но Советский Союз не желает, чтобы у японцев создалось впечатление, что инициатива в этом направлении исходит от Советского Союза.

Министр иностранных дел Рейха согласился с этим и подчеркнул тот факт, что его содействие в данном случае означало бы лишь продолжение переговоров, которые в течение нескольких месяцев он вёл с японским послом по поводу улучшения советско-японских отношений. Следовательно, речь не идёт о какой-то инициативе в этом вопросе со стороны Германии.

2. *Италия.* Господин Сталин справился у министра иностранных дел Рейха о целях, преследуемых Италией. Не стремится ли Италия к аннексии Албании и, может быть, греческой территории? Маленькая, гористая, малонаселенная Албания, по его мнению, ничего особенного принести Италии не может.

Министр иностранных дел Рейха ответил на это, что Албания имеет значение для Италии по стратегическим соображениям. Кроме того, Муссолини – сильный человек, которого не запугаешь. Он доказал это в абиссинском конфликте, где Италия собственными силами достигла своих целей в борьбе против враждебной коалиции. Даже Германия не была ещё в состоянии в то время оказать Италии существенную поддержку.

Муссолини тепло приветствовал восстановление дружеских отношений между Германией и Советским Союзом. Он выразил своё удовлетворение по поводу заключения пакта о ненападении.

3. *Турция.* Господин Сталин спросил министра иностранных дел Рейха, что Германия думает о Турции.

По этому вопросу министр иностранных дел Рейха выразил следующее мнение. Несколько месяцев тому назад он сообщил турецкому правительству, что Германия желает установления дружеских отношений с Турцией. Министр иностранных дел Рейха лично сделал всё для того, чтобы достичь этой цели. Однако в ответ Турция оказалась одной из первых стран, присоединившихся к договору, направленному против Германии, и даже не сочла нужным оповестить об этом факте правительство Рейха.

Господин Сталин и господин Молотов в ответ на это заметили, что у Советского Союза тоже был подобный опыт с колеблющейся политикой турок.

Далее министр иностранных дел Рейха указал, что Англия вложила пять миллионов фунтов стерлингов в Турцию на пропаганду против Германии.

Господин Сталин сказал, что, согласно имеющейся у него информации, сумма, затраченная Англией на подкуп турецких политических деятелей, значительно превышает пять миллионов фунтов стерлингов...

4. *Англия.* Господин Сталин и господин Молотов с враждебностью отозвались о британской военной миссии в Москве, которая ни разу не высказала советскому правительству, чего она в действительности желает.

Министр иностранных дел Рейха отметил в этой связи, что Англия всегда старалась и до сих пор старается мешать развитию хороших отношений между Германией и Советским Союзом. Англия слаба и хочет заставить других бороться за её самонадеянные претензии на мировое господство.

Господин Сталин с жаром поддержал это мнение и заметил следующее: британская армия слаба, британский флот не заслуживает больше своей былой репутации; конечно, британские военно-воздушные силы возросли, но у них не хватает лётчиков. Если Англия, несмотря на это, продолжает господствовать в мире, то это объясняется глупостью других стран, которые всегда позволяют себя надувать. Например, просто нелепо, чтобы несколько сотен британцев господствовали над Индией.

Министр иностранных дел Рейха согласился с этим и конфиденциально сообщил господину Сталину, что недавно Англия попыталась прощупать почву и в этой связи сделала какие-то намёки на 1914 год. Это пример типичного английского глупого манёвра. Министр иностранных дел Рейха предлагал фюреру заявить британцам, что на любой враждебный акт со стороны Англии в случае германо-польского конфликта Германия ответит бомбардировкой Лондона.

Господин Сталин заметил, что упомянутым прощупыванием было наверняка то письмо Чемберлена к фюреру, которое посол Гендерсон передал 23 августа в Оберзальцберге. Сталин далее выразил мнение, что, несмотря на свою слабость, Англия будет вести войну хитро и упрямо.

5. *Франция.* Господин Сталин выразил мнение, что у Франции есть армия, мощь которой заслуживает внимания.

Министр иностранных дел Рейха со своей стороны указал господину Сталину и Молотову на численную неполноценность французской армии. В то время как Германия располагает ежегодным контингентом призывников численностью триста тысяч солдат, Франция может ежегодно собрать лишь сто пятьдесят тысяч призывников. Западный вал в пять раз сильнее линии Мажино. Если Франция попытается начать войну против Германии, она, конечно, будет побеждена.

6. *Антикоминтерновский пакт.* Министр иностранных дел Рейха заметил, что Антикоминтерновский пакт был, по существу, направлен не против Советского Союза, а против западных демократий. Он знает и смог заключить из русской прессы, что советское правительство полностью признаёт этот факт.

Господин Сталин вставил, что на деле Антикоминтерновский пакт испугал главным образом финансовые и коммерческие круги Англии, а также мелких английских торговцев.

Министр иностранных дел Рейха согласился с этим и заметил шутя, что господин Сталин наверняка меньше напуган Антикоминтерновским пактом, чем лондонские Сити и мелкие английские торговцы. Что думает об этом немецкий народ, явствует из шутки, которую придумали берлинцы, славящиеся своим остроумием и юмором, которая ходит уже несколько месяцев, а именно: «Сталин ещё когда-нибудь присоединится к Антикоминтерновскому пакту».

7. *Отношение немецкого народа к германо-советскому Пакту о ненападении.* Министр иностранных дел Рейха сказал, что ему удалось выяснить, что все слои немецкого народа и в особенности простой люд очень тепло приветствовали договорённость с Советским Союзом. Народ инстинктивно чувствует, что между Германией и Советским Союзом нет естественных конфликтов в их интересах и что развитие хороших отношений до настоящего времени было нарушено из-за иностранных интриг, особенно со стороны Англии.

Сталин сказал, что он охотно этому верит. Немцы желают мира и поэтому приветствуют установление дружеских отношений между Рейхом и Советским Союзом.

Министр иностранных дел Рейха прервал его в этом месте, заметив, что это, конечно, правда, что немецкий народ желает мира, но что, с другой стороны, возмущение поведением

Польша так велика, что каждый немец готов сражаться. Немецкий народ не намерен больше терпеть польские провокации.

8. *Тосты.* Во время беседы господин Сталин предложил тост за фюрера:

«Я знаю, как сильно немецкий народ любит своего фюрера, и поэтому хотел бы выпить за его здоровье».

Господин Молотов поднял тост за здоровье министра иностранных дел Рейха и за посла фон Шуленбурга.

Господин Молотов поднял бокал за Сталина, отметив, что именно Сталин своей речью в марте сего года, хорошо понятой в Германии, вызвал коренной поворот в отношениях между двумя странами.

Господин Сталин и господин Молотов неоднократно пили за пакт о ненападении, за новую эру в немецко-русских отношениях и за немецкую нацию.

Министр иностранных дел Рейха в ответ предложил тост за господина Сталина, тосты за советское правительство, за благоприятное развитие отношений между Германией и Советским Союзом.

Перед тем как разойтись, господин Сталин обратился к министру иностранных дел Рейха со следующими словами:

«Советское правительство относится к новому пакту со всей серьёзностью. Оно своим честным словом может заверить, что Советский Союз не предаст своего партнёра».

Когда Риббентроп заметил, что англичане потратили пять миллионов фунтов стерлингов на пропаганду в Турции, Сталин, в свойственной ему манере, сразу поправил его, сказав, что он располагает информацией о том, что англичане гораздо больше фунтов потратили на подкуп влиятельных лиц в турецком правительстве. Так и в своем заключительном слове Сталин, выражая заверение немецкому партнёру в своей верности слову, подчеркнул, что Советский Союз не предаст его.

Нацистские правители, провоцируя недоверие, вынуждали советских руководителей без конца подтверждать серьёзность своего отношения к заключённому пакту, то и дело заверять в искренности намерений, в том, что не предадут ни при каких обстоятельствах. В гарантиях генсека ВКП(б) сквозил намёк на требования аналогичных шагов и со стороны немецких партнёров.

Германия же всё больше втягивала СССР в орбиту своей авантюристической политики, преследовавшей далеко идущие имперские цели. Тем самым Гитлер уже заложил мину под сталинскую идеологическую декорацию, подорвав доверие мировой общественности к коммунистической идее.

Понимал ли это Сталин? Имел ли он запасной ход? Рассчитывал ли этим «ходом» позднее наверстать упущенное? Каким образом? Развитие дальнейших событий должно было доказать, кто в действительности прав. Кто в конечном итоге выйдет победителем из весьма сложной, преднамеренно запутанной всеми участвующими сторонами игры с огнем: одни ради выживания, другие – ради завоевания мирового господства.

Но пока что советско-германское сближение вскрыло якобы беспринципность политики советского руководства, облегчило нацистам расправу над демократическими силами, развязало руки для дальнейшей агрессии на Европейском континенте. И не только здесь. Генеральный штаб вермахта разрабатывал глобальные стратегические планы, давно вынашиваемые его фюрером, и, как ни странно, ему пока удавалось довольно успешно претворять их в жизнь.

Свидетельствовал об этом и Пакт о ненападении: с одной стороны, Гитлер должен был вбить клин между Западом и Востоком, расчистить себе путь и подготовиться к решительной схватке.

Обо всем этом закордонные работники Особой группы Серебрянского в своё время весьма настойчиво информировали своё высшее руководство, что в тот период сыграло определённую положительную роль и за что впоследствии чекисты дорого заплатили.

Вскоре руководители Советского Союза оказались перед фактом начала военных действий немцев на польской земле. Германский фюрер претворил их в жизнь «операцией в Гляйвице».

Хотя и косвенно, но СССР фактически был втянут в уже носившую мировой характер войну, которой он всячески старался избежать. Но Кремль не желал в том признаться. Здесь невольно зарождалась особая стратегия выживания, которая обязывала ко многому, включая ряд рискованных дипломатических и военных демаршей. В противном же случае катастрофа была неминуема.

Правители Германии вначале не предполагали столь решительных шагов со стороны Советского руководства. В свою очередь, нацисты также уже не могли дать задний ход. Скрепя зубами, они были вынуждены идти «навстречу» требованиям правительства СССР, одновременно подталкивая его к соучастию в вооружённом конфликте с Польшей. Почти каждый шаг одной стороны вынуждал другую сторону совершать ответный поступок.

Конечно, было бы наивным полагать, что советские руководители пошли не только на сближение, но и на фактическое сотрудничество с нацистами по простоте душевной, не преследуя собственных интересов. Исполдволь, как бы невзначай, они с твёрдостью претворяли их в жизнь. Главной оставалась задача обеспечения безопасности страны.

В то же время ошибочно было бы отвергать мысль о том, что в Москве, продолжая опасаться агрессии со стороны Германии, не исключали возможности альянса тех же немцев с англичанами и французами против большевистской России.

Сталин рассчитывал использовать и между делом уже использовал союз с Германией в интересах страны. Вслед за Пактом о ненападении он начал отодвигать на запад государственную границу, получая тем самым не только выгодные с военной точки зрения плацдармы, но и дополнительное время на довооружение армии и укрупнение промышленного потенциала. В этом заключалась на данном отрезке времени его главная цель, ради которой он пошёл на компромисс с нацистами.

Этому процессу прежде всего способствовала политика Англии и Франции по отношению к Советскому Союзу. И теперь эти страны пожинали плоды.

Характеризуя складывавшуюся ситуацию, следует вспомнить, что восточные земли Польши, по существу, не принадлежали ей с незапамятных времен. Они были попросту отторгнуты от России в 1918 году, когда армия Пилсудского вторглась в её пределы, пользуясь тяжёлым положением молодой советской страны и слабостью её армии, вынужденной сражаться на многих фронтах.

Глава 19

На встрече с бессарабским наставником Юрий вкратце изложил выводы, сделанные им из очередного разговора с Марчелом, располагающим якобы новостями последних политических событий во взаимоотношениях Германии с большевистской Россией.

Сильвестру воспринял их с откровенным безразличием. Решив, что у наставника нет желания продолжать разговор на эту тему, Юрий всё же продолжил рассказ:

– К Марчелу приходил немолодой человек, они спорили. Вот о чем шёл у них разговор. Немецкий посол в Москве, как я понял, встречался с господином Молотовым и вёл речь о возобновлении каких-то германо-русских торговых дел. Молотов воспользовался этим, чтобы уточнить отношения между Германией и Россией. И, как я понял, видимо, оба государства не доверяют друг другу...

Неожиданно обычно хмурое, озабоченное лицо старика озарилось снисходительной улыбкой. Он ответил:

– Ну, ну. Поживём – хлебнём ещё не то...

Собеседник признался:

– Противно бывать в этом клубе. Сама атмосфера, легионеры с их вызывающе наглым поведением – чудовищны. Только и слышно о взятии власти в стране, установлении нацистского порядка. А мне приходится не только соглашаться, но и изображать из себя католика, который более правоверен, чем папа римский.

Дядюшка Сильвестру развёл руками:

– Понимаю вас, но, к сожалению, бывать там придётся. Надеюсь, вы и сами это понимаете. Скажите другое: вы не смогли бы съездить на денёк в Галацы? Там на военном аэродроме якобы произвели посадку немецкие самолёты. Желательно узнать, так ли это? И сколько их? Сумеете? Но не откладывая. И в воскресенье ночью обратно!

– Лучше выехать поездом в субботу ночью. В понедельник утром я обязан быть на аэродроме. А вечером, если подойдёте к гаражу, доложу результат. Либо встретимся, когда сможете.

– Чудесно! В авиационной форме, конечно, поедете?

– Разумеется.

– Но разузнать надо осторожно, как бы в случайном разговоре. Поняли?

– Не беспокойтесь, дядюшка Сильвестру. Найду повод.

Глава 20

В один из последних дней августа 1939 года часть курсантов, в их числе и Россетти, побывали на военном аэродроме «Пипера», что в предместьях столицы. Перед открытыми настежь воротами ангара стояли два самолёта с торчащими вверх стволами пулемётов. Они казались гигантскими! Вокруг них суетились солдаты, что-то вытирали, надраивали, убирали...

Кто-то из курсантов, многозначительно усмехнувшись, украдкой указал на пропеллер самолёта. Выяснилось, это огромный радиатор. Аэропланы, оказывается, были с водяным охлаждением. Явно старые, но свежепокрашенные.

– Французские «потезы», – произнёс с ухмылкой курсант. – Аэропланы времён мировой войны 1914-го.

Офицер авиации стал рассказывать будущим пилотам о мощности мотора, числе цилиндров, максимальном обороте пропеллера, скорострельности пулемёта, объёме и весе подвешенной бомбы, прочих преимуществах, как оказалось, бомбардировщика...

На вопросы курсантов офицер, как выяснилось, авиационный инженер эскадрильи, старался отвечать доходчиво, подробно. Познакомил их и с самолётами меньшего габарита, так называемыми «охотничьими». Стало быть, истребителями.

На молодого и несведущего курсанта Россетти смотр авиационной техники произвёл большое впечатление. Однако при возвращении в город соученик, критиковавший самолёты ещё на аэродроме, теперь и вовсе высмеял их, обозвав допотопными.

Юрий слушал и помалкивал.

– К чему так беспардонно расхваливать то, что сами пилоты называют «летающими катафалками»? – возмущался парень.

Он поносил военную технику последними словами, министра авиации и его приближённых обзывал казнокрадами, набивающими свои карманы миллионами. Грозился, что им всё припомнят. При расставании он представился студентом Политехнического института.

Об увиденном и услышанном на аэродроме «Пипера» курсант Россетти больше всего понял из реплик студента. Однако, задумываясь над его высказываниями, прикидывал, не специально ли тот так непочтительно отзывался об авиационном могуществе страны, которое руководители школы расхваливали. Анализ услышанного, сомнение в его объективности постоянно превалировали, заставляли быть настороже. Он приучился отвечать коротко, придерживаясь нейтральной позиции, ни в коем случае не вовлекаться в споры. Часто отделялся молчанием.

Не зря мать часто повторяла: «Молчание – золото!» Выводы из смотра летательной техники на военном аэродроме Юрий, естественно, извлёк... Особенно запомнились ему «летающие катафалки»...

Глава 21

В последний августовский вечер 1939 года курсант Россети, исполняя просьбу дядюшки Сильвестру, выехал поездом в Галацы. Там располагалась Третья истребительная авиационная флотилия. Следовало проверить дошедший до дядюшки Сильвестру слух, будто из Германии на местный военный аэродром поступило с десятком истребителей.

Ранним утром 1 сентября курсант прибыл в Галац. Сумел узнать, что там действительно произвели посадку шесть немецких «мессершмиттов» с инструкторами.

Во второй половине дня Россетти услышал от ребяташек, рекламирующих кинофильмы, что в кинотеатрах города демонстрируется фильм «Линия Мажино» – о французской неприступной фортификационной оборонительной крепости с подземными путями, по которым ходили небольшие открытые вагончики-платформы для передвижения войск. А в другом кинотеатре шёл немецкий фильм «Неприступная фортификационная линия “Зигфрид”». Говорили, что появление фильмов на экранах кинотеатров связано с «началом каких-то военных действий на польской границе»...

На улице у кинотеатра, где демонстрировался документальный французский фильм «Линия Мажино», фашистские молодчики напали на зрителей. После просмотра фильма свидетелем этого оказался и курсант Россетти. Вместе с остальными зрителями он выходил через запасной выход во двор кинотеатра...

Оказалось, на улице у кинотеатра митинговала толпа, скандировавшая различного рода лозунги. Вспыхивали драки. Со всего города стянули полицейских. Прибыли жандармы и пожарные на конной тяге с насосами и бочками с водой, охлаждавшие воинствующий пыл пронацистски настроенной толпы.

С огромным трудом полицейским удалось рассеять толпу, а задержанных молодчиков отправить в полицейские участки.

Вернувшись в Бухарест, Россетти подтвердил дядюшке Сильвестру, что в Галаце на военном аэродроме действительно базируются шесть прилетевших туда «мессершмиттов». Рассказал и об огромном впечатлении, произведённом на него французским фильмом «Линия Мажино». Поведал старику Сильвестру и о нацистской вакханалии у кинотеатра, где шёл французский фильм.

Глава 22

1939 году суждено войти в мировую историю как году кровавых событий. И до этой даты на радио, в газетах, частных разговорах ходили упорные слухи о претензиях Гитлера на польский «коридор» в Данциге. И вдруг пришло официальное сообщение о захвате польскими солдатами радиостанции в пограничном Гляйвице.

Значительно позже выяснилось, что в действительности нападение совершили эсэсовцы, переодетые в польскую военную форму. Известный нацистский провокаторский приём.

В ночь на 1 сентября немецкие самолёты подвергли бомбардировке целый ряд польских городов, включая столицу Польши Варшаву. В экстренных сообщениях радио и прессы издевательски сообщалось, что *«танкам вермахта противостояли польские кавалеристы с пиками»*.

Правительства Англии во главе с премьером Чемберленом и Франции – с Даладье, связанные с Польшей договором о дружбе и взаимопомощи, немедленно обратились с ультиматумом к Гитлеру *«немедленно прекратить военные действия и отвести войска с оккупированной польской территории... В течение 48 часов!»*

В случае отказа англичане и французы предупреждали, что это будет равнозначно объявлению ими войны Германии.

Румынская легионерская газетёнка «Избында» опубликовала большой портрет смеющегося с оскалом Гитлера. Под ним подпись: «Фюрер Третьего рейха, узнав об ультиматуме впервые в жизни так расхохотался, что долго не мог остановиться! Когда же наконец успокоился, сказал: “времена Версаля безвозвратно канули в Лету!”»

Срок ультиматума истёк 3 сентября в 11 часов 15 минут, а войска вермахта продолжали оккупировать польское государство, забыв уже о недавно выдвинутых претензиях, связанных с загадочным «коридором» и самим Данцигом.

Во время обсуждения англо-французского ультиматума кто-то сказал, что Чемберлен ещё примчится на встречу с фюрером, как уже было в Берхтесгадене. Гитлер самоуверенно и злобно заметил: «Пусть только посмеет явиться в Берхтесгаден этот человек с зонтиком! Я спущу его с лестницы пинком в зад. И позабочусь, чтобы при этом присутствовало как можно больше журналистов».

С наступлением темноты Париж и Лондон погружались во мрак. То и дело раздавались сигналы воздушной тревоги. Пока учебной. Радио сообщало о призывах всё новых контингентов резервистов; на вокзалах образовывалось столпотворение; по несколько раз в день выходили экстренные выпуски газет, которые расходились, как тёплый хлеб.

Вторая мировая война стала фактом.

Глава 23

5 сентября 1939 года Соединённые Штаты Америки решили умыть руки, заявив о своем нейтралитете. Обещания поддержки англо-французских союзников, военная помощь Польше оказались лишь обещаниями.

Обещания и объяснения в любви ни к чему не обязывали. Поляки истекали кровью и сражались одни с превосходящими силами захватчиков, проявляя чудеса стойкости и упорства. Весь мир обошла весть о самоотверженности защитников Гдыни, Варшавы, полуострова Вестерплатте, на подступах к которым германские войска несли существенные потери. Высшее командование вермахта было вынуждено приостановить операции, перегруппировать свои части.

«Телеграмма № 300 от 8 сентября 1939 г., Москва – 00.56

Получено в Берлине 9 сентября 1939 г. – 05.00

Очень срочно!

Я только что получил следующее телефонное сообщение от Молотова:

«Получил Ваше сообщение, касающееся вступления немецких войск в Варшаву. Пожалуйста, передайте мои поздравления и приветствия германскому правительству. *Молотов*».

Шуленбург».

Однако войска вермахта овладели столицей Польши лишь спустя 20 дней. Германскому послу в Москве графу Шуленбургу далеко не всё нравилось в манере поведения руководства Министерства иностранных дел Рейха, однако он был вынужден действовать активно и напористо. Очередным подтверждением тому служат его многочисленные сообщения, в том числе телеграмма от 9 сентября 1939 года.

Глава 24

«Очень срочно! От 10 сентября. Совершенно секретно!

В дополнение к моей телеграмме № 310 от 9 сентября и ссылаясь на сегодняшний телефонный разговор с министром иностранных дел Рейха.

Во время сегодняшнего совещания в 16 часов Молотов изменил вчерашнее своё заявление, сказав, что Советское правительство было застигнуто врасплох неожиданно быстрыми военными успехами Германии. В соответствии с нашим первым сообщением, Красная Армия рассчитывала на несколько недель операций, которые теперь сократились до нескольких дней.

Советские военные руководители оказались поэтому в тяжёлом положении, так как, учитывая здешние условия, они просили на подготовку, видимо, ещё две или три недели. Уже более трёх миллионов мобилизовано.

Я стал горячо объяснять Молотову, насколько решающими являются в такое время быстрые действия Красной Армии.

Молотов повторил мне, что всё возможное было предпринято, чтобы ускорить дело. У меня сложилось впечатление, что Молотов обещал вчера больше, чем Красная Армия может сделать.

Затем Молотов коснулся политической стороны вопроса и заявил, что Советское правительство намерено воспользоваться дальнейшим продвижением немецких войск, чтобы объявить, что Польша распалась и что Советскому Союзу необходимо, следовательно, прийти на помощь украинцам и белорусам, которым «угрожает» Германия.

Аргумент нужен для того, чтобы интервенция Советского Союза была оправданной в глазах масс, а Советский Союз не выглядел агрессором.

Этот путь был для Советского Союза перекрыт вчерашним сообщением агенства ДНБ о том, что в соответствии с заявлением генерал-полковника Браухича нет больше нужды в военных действиях на постоянной границе Германии. Сообщение создаёт впечатление, что вот-вот произойдёт германо-польское перемирие. Если же Германия заключит перемирие, то Советский Союз уже не сможет начать «новую войну».

Я заявил, что не ознакомился с этим сообщением, но оно не соответствует фактам. Я тут же наведу справки.

Шуленбург».

Глава 25

Германия стремилась на данном этапе избежать любых недоразумений в отношениях со своим новым союзником. Он был для неё сейчас чрезвычайно ценен по многим соображениям. В этой связи Риббентроп дает указание своему послу в Москве Шуленбургу:

«Телеграмма № 336 от 13 сентября 1939 г.

Срочно! Послу лично.

Берлин, 13 сентября 1939 г. – 17.00

Получено в Москве 14 сентября 1939 г. – 01.10

Как только станет известным точный исход большой битвы в Польше, подходящей сейчас к своему завершению, мы будем в состоянии передать Красной Армии запрашиваемую информацию относительно различных частей польской армии. Но даже теперь я бы просил Вас информировать господина Молотова о том, что его замечания по поводу заявления генерал-полковника Браухича вызваны полным недоразумением. Это заявление было сделано исключительно для сведения исполнительной власти на старых территориях Рейха. Оно было составлено ещё до начала немецкой акции против Польши и не имеет ничего общего с ограничением военных операций на Востоке. Не может быть и речи о незамедлительном перемирии в Польше.

Риббентроп».

Успехи немцев в Польше подстегнули советскую сторону, не желавшую оказаться в невыгодном положении.

Глава 26

Посол Шуленбург доносит в Министерство иностранных дел Рейха:

«Телеграмма № 350 от 14 сентября 1939 г. Москва – 18.00

Срочно! Совершенно секретно!

Ссылаясь на Вашу телеграмму № 336 от 13 сентября.

Молотов вызвал меня сегодня в 16.00 и заявил, что Красная Армия достигла состояния готовности раньше, чем это предполагалось. Советское выступление может, таким образом, начаться раньше, чем он предполагал во время нашего последнего разговора. Что касается политической мотивировки выступления советских войск (развал Польши и защита русских «нацменьшинств»), то здесь исключительно важно не начинать действий до того, как падет административный центр Польши – Варшава.

Молотов поэтому просил информировать его как можно скорее, когда можно рассчитывать на взятие Варшавы.

Пожалуйста, пришлите указания.

Хотел бы обратить Ваше внимание на появившуюся сегодня статью в «Правде», перепечатанную ДНБ, вслед за которой завтра последует аналогичная статья в «Известиях». Эти статьи имеют целью подготовить упомянутую Молотовым политическую мотивировку событий в советской интерпретации.

Шуленбург».

Подробное разъяснение позиций последовало на следующий же день.

Немцы во всём солидарны со своим союзником. Только вот предполагаемая формулировка мотива вступления Красной Армии в Польшу не устраивает нацистское руководство. Почему одна лишь Германия должна выглядеть агрессором? Пусть уж и партнёр малость испачкается. Стряпали-то вместе!

Риббентроп – Шуленбургу

«Телеграмма № 360 от 15 сентября 1939 г.

Берлин, 20.20

Получено в Москве 16 сентября – 07.15

Очень срочно! Секретно! Послу лично.

Прошу Вас немедленно сообщить господину Молотову следующее:

1. Разгром польской армии подходит к завершению, как это вытекает из обзора военного положения от 14 сентября, который был уже Вам передан. Мы рассчитываем занять Варшаву в ближайшие несколько дней.

2. Мы уже заявили Советскому правительству, что совершенно независимо от чисто военных операций считаем себя связанными разграничением сфер влияния, о котором мы договорились в Москве, и это, конечно, относится также и к будущему.

3. Из сообщения, сделанного Вам Молотовым 14 сентября, мы заключаем, что Советское правительство намерено выступить уже теперь. Мы приветствуем это. Таким образом, Советское правительство избавляет нас от необходимости полностью уничтожить остатки польской армии, преследуя их вплоть до советской границы.

Помимо этого, в том случае, если не состоится советская интервенция, может возникнуть вопрос о том, не образуется ли политический вакуум в областях, лежащих к востоку от немецкой зоны влияния. Поскольку мы с нашей стороны не собираемся проводить какую бы то ни было политическую или административную деятельность, кроме мероприятий, к которым нас вынуждают военные операции, то без интервенции Советского Союза могут создаться условия для возникновения там новых государств.

4. Для политического оправдания факта продвижения Красной Армии мы предлагаем опубликовать совместное коммюнике следующего содержания:

«Ввиду полного распада старых форм правления в Польше правительство Рейха и правительство СССР считают необходимым положить конец невыносимым политическим условиям, существующим на этих территориях. Они считают своим обоюдным долгом восстановить мир и порядок в этих областях, представляющих для них интерес, и создать новый порядок путём установления естественных границ и создания жизнеспособных экономических структур».

5. Предлагая такое коммюнике, мы полагаем, что Советское правительство уже отказалось от мысли, высказанной Молотовым в одной из предыдущих бесед с Вами о том, чтобы использовать в качестве предлога советской акции угрозу, нависшую над украинским и белорусским населением. О выдвигании подобной мотивировки не может быть и речи. Выставлять оба государства врагами перед всем миром прямо противоречило бы действительным намерениям Германии, которые ограничиваются исключительно хорошо известными сферами германского влияния. Это также противоречило бы договорённости, достигнутой в Москве и, наконец, находилось бы в противоречии со стремлением к дружеским отношениям, высказанным обеими сторонами.

6. Поскольку военные операции должны быть завершены как можно скорее из-за приближения распутицы, мы были бы признательны, если бы Советское правительство назначило день и час выступления своей армии так, чтобы мы со своей стороны могли соответственно сдержать свои действия. Чтобы осуществить координацию военных операций сторон, необходимо также, чтобы представители обоих правительств, а затем немецкие и русские офицеры встретились и приняли нужные меры; мы предлагаем для такой встречи прилететь в Белосток.

Прошу Вас тут же телеграфировать мне ответ.

Риббентроп».

Германская сторона резко отреагировала на выдвинутую советским правительством мотивировку о вступлении Красной Армии на территорию Польши под предлогом «защиты украинского и белорусского населения». Хотя по существу это было правильно, но по форме не соответствовало этике установившихся дружеских отношений с Германией. Невзирая на реакцию немцев, советская сторона не собиралась уступать и проявляла в весьма щепетильном вопросе былую твёрдость.

В тот же день, 16 сентября, посол Шуленбург спешно докладывал в телеграмме № 371 Министерству иностранных дел Германии о результатах встречи по этому поводу с народным комиссаром иностранных дел СССР Молотовым.

«Очень срочно! Строго секретно!

Ссылаясь на Вашу телеграмму № 360 от 15 сентября.

Я виделся с Молотовым сегодня в 18 часов и выполнил поручение. Молотов заявил, что военная интервенция Советского Союза неминуема – возможно, даже завтра или днём позже. Сталин присутствовал на совещании военных руководителей и сегодня же ночью в присутствии Молотова назовёт мне день и час советского выступления.

Молотов добавил, что он представит моё сообщение своему правительству, но что, по его мнению, совместного коммюнике не требуется. Советское правительство намерено мотивировать свою операцию следующим образом: Польское государство распалось и больше не существует. Следовательно, все соглашения, заключённые с Польшей, больше не действительны. Советский Союз считает своим долгом вмешаться, чтобы защитить своих украинских и белорусских братьев и создать условия мирного труда для этих обездоленных народов.

Советское правительство намерено обнародовать упомянутую мотивировку по радио, через прессу и т. п. немедленно после того, как Красная Армия пересечёт границу, и одновременно сообщит об этом в официальной ноте польскому послу и всем дипломатическим миссиям здесь.

Молотов признал, что выдвигаемая аргументация содержит нотку, задевающую чувства немцев, но ввиду затруднительного положения советского правительства просит не допустить, чтобы такой пустяк встал между нами. К сожалению, советское правительство не видит никакой другой возможной мотивировки, так как до сих пор оно не проявляло никакой заботы о своих национальных меньшинствах в Польше, и Советский Союз должен тем или иным образом оправдать свою интервенцию в глазах мира.

В заключение Молотов просил срочного разъяснения по поводу дальнейшей судьбы Вильно. Советское правительство хочет полностью избежать столкновения с Литвой и поэтому желает знать, было ли достигнуто какое-нибудь соглашение с Литвой относительно района Вильно и, в частности, о том, кто должен будет занять город.

Шуленбург».

Глава 27

Уже на следующий день, 17 сентября 1939 года, в телеграмме № 372, отправленной из Москвы в Министерство иностранных дел Германии, посол Шуленбург сообщал:

«Секретно! Очень срочно!

Ссылаясь на мою телеграмму № 371 от 16 сентября.

Сталин принял меня в 2 часа ночи в присутствии Молотова и Ворошилова и объявил, что Красная Армия пересечёт советскую границу сегодня в 6 часов утра на всем протяжении от Полоцка до Каменец-Подольска.

Чтобы избежать инцидентов, Сталин срочно просит нас проследить за тем, чтобы немецкие самолёты, начиная с сегодняшнего дня, не залетали на восток от линии Белосток-Брест-Литовск-Лемберг (Львов). Советские самолёты сегодня начнут бомбардировку территории восточнее Лемберга.

Я обещал сделать всё возможное, чтобы информировать немецкие военно-воздушные силы, но попросил, учитывая, что времени осталось очень мало, чтобы сегодня советские самолёты не слишком приближались к вышеупомянутой линии.

Советская комиссия прибудет в Белосток завтра, самое позднее – послезавтра.

Сталин зачитал мне ноту, которая должна быть вручена сегодня ночью польскому послу; копии ноты будут в течение дня разосланы всем миссиям, а затем она будет опубликована. В ноте содержится мотивировка советской акции. Зачитанный проект ноты содержит три неприемлемых для нас пункта. В ответ на мои возражения Сталин с предельной готовностью внёс изменения, так что теперь нота выглядит для нас удовлетворительной. Сталин сказал, что вопрос о публикации германо-советского коммюнике не может рассматриваться раньше, чем через два или три дня.

В дальнейшем по всем возникающим военным вопросам дела должен вести непосредственно с Ворошиловым генерал-лейтенант Кёстринг.

Шуленбург».

Похоже, всё совершалось к полному удовлетворению сторон. И вроде бы в таком же духе должно было совершаться и впредь.

Глава 28

17 сентября навстречу наступающим немецким армиям, оккупировавшим уже значительную часть польской территории, выступили войска Красной Армии. Они взяли под защиту проживавшие на территории бывшей Польши народы Западной Украины и Белоруссии. В эту акцию СССР был втянут по многократному настоянию правительства Германии, которое не хотело казаться одиноким в своих захватнических устремлениях.

Перекинуть долю вины на своего нового партнёра – старого врага было одной из заветных целей Гитлера. Главным же было образование общей германо-советской границы, следовательно, и будущего непосредственного фронта с Советами.

– С волками жить – по-волчьи выть, – определил свою тактику генсек.

А если бы СССР не воспользовался созданным положением на западной части своих границ? Прежде всего, с военной точки зрения он оказался бы в серьёзном проигрыше. Ибо в случае военного конфликта с той же Германией, который Кремль по-прежнему считал реальным, но которого всячески избегал, немцы получили бы громадное преимущество для развития наступательных операций против Советского Союза. Рукой подать было до столицы Белоруссии Минска.

Акция СССР против уже не существовавшего польского государства была по-разному воспринята за рубежом. Как и при заключении пакта и договора с нацистами, так и сейчас: одни клеймили её, другие считали стратегической необходимостью.

Оккупированную вермахтом территорию Польши немцы условно называли «дистриктом Германского рейха».

Военные действия теперь перекинулись на границу Франции и Германии. Но серьёзных операций ни одна из стран не предпринимала. И та, и другая почти бездействовали. На всех участках фронта, как правило, отмечались лишь стычки местного значения, время от времени возникала, но вскоре прекращалась перестрелка дальнобойной артиллерии с французской фортификационной линией «Мажино» и с немецкой «Зигфрид». Ночами английские бомбардировщики совершали полёты над городами Германии, на которые сбрасывали тысячи тонн... листовок.

Война с Германией превратилась в обузу для англичан и французов из-за целого ряда причин. Она стала им в тягость. Солдаты и офицеры на фортификационной линии «Мажино» уезжали в отпуска, играли свадьбы, получали увольнительные. Неслучайно войну Германии с Францией прозвали «странной войной».

В узком кругу высокопоставленных англичан уже знали, что в германском Генеральном штабе в строгой секретности разрабатывается план под условным кодовым названием «Отто», в котором речь идёт о подготовке к вторжению на территорию России.

Сопоставив эти данные с усилиями рейхсмаршала авиации Германа Геринга, добивавшегося встречи с влиятельными людьми Великобритании, с помощью которых он рассчитывал склонить правительства Англии и Франции к заключению перемирия, в Лондоне и Париже пришли к выводу, что нет смысла наращивать военную мощь для активизации военных действий против нацистов.

Посол Германии в Советском Союзе Шуленбург информирует Министерство иностранных дел Рейха:

«Телеграмма № 385 от 18 сентября 1939 г. Москва – 15.59

Очень срочно! Секретно!

Получено в Берлине 18 сентября 1939 г. – 17.45

В ходе беседы со Сталиным, которая состоялась сегодня вечером относительно посылки советской комиссии в Белосток, а также о выпуске совместного коммюнике, Сталин довольно

неожиданно сказал, что у советской стороны есть определённые сомнения относительно того, действительно ли германское военное командование в нужный момент станет придерживаться условий московского соглашения и отойдёт за линию, о которой была достигнута договорённость (Писса-Нарев-Висла-Сан).

Я горячо возразил, заявив, что Германия, несомненно, твёрдо намерена в точности выполнять условия московских соглашений, и сослался на второй пункт моего сообщения, сделанного Молотову 16 сентября в соответствии с инструкциями Министерства иностранных дел Рейха (см. телеграмму № 360 от 15 сентября). Я заявил, что Верховному командованию желательно отойти за намеченную линию, так как в этом случае войска могли бы быть высвобождены для западного фронта.

Сталин ответил, что он совершенно не сомневается в добрых намерениях германского правительства. Его беспокойство основано на хорошо известном факте, что военные обычно не склонны отказываться от уже оккупированных территорий. На это здешний германский военный атташе генерал-лейтенант Кёстринг заметил, что германские вооружённые силы всегда будут выполнять только то, что прикажет фюрер. Учитывая известную недоверчивость Сталина ко всему, я был бы признателен, если бы мне позволили сделать дополнительное заявление, носящее такой характер, чтобы рассеять его последние сомнения.

Шуленбург».

Министр иностранных дел Рейха Риббентроп отвечает на это послу Германии в Советском Союзе Шуленбургу в духе полного согласия с выраженной советским руководством идеей:

«Послу лично. Берлин, 19 сентября 1939 г.

Ссылаясь на Вашу телеграмму № 385.

Прошу Вас передать господину Сталину, что Вы сообщили в Берлин о Вашем совещании с ним и что Вам теперь специально поручено от меня сообщить ему, что соглашения, которые я подписал в Москве по поручению фюрера, разумеется, останутся в силе и что мы считаем их краеугольным камнем новых дружеских отношений между Германией и Советским Союзом.

Риббентроп».

В Москве меняется реакция на ситуацию, сложившуюся на территории Польши. Об этом посол Германии граф Шуленбург информирует Министерство иностранных дел Рейха телеграммой № 395 от 19 сентября 1939 г.:

«Совершенно секретно!

Москва, 20 сентября 1939 г. – 02.23

Получено в Берлине 20 сентября 1939 г. – 04.55

Молотов заявил мне сегодня, что советское правительство считает, что созрело время для того, чтобы совместно с германским правительством окончательно установить структуру польской территории. В этой связи Молотов намекнул, что первоначальное намерение советского правительства и лично Сталина допустить самостоятельное существование остатка Польши сменилось пожеланием разделить Польшу по линии, проходящей вдоль Писса – Нарев – Висла – Сан.

Советское правительство желает без промедления начать переговоры по этому вопросу и хотело бы, чтобы они состоялись в Москве, так как эти переговоры с советской стороны должны вестись самыми высокопоставленными представителями власти, которые не имеют возможности покинуть пределы Советского Союза. Прошу передать Ваши указания по телефону.

Шуленбург».

В Берлине произошла некоторая заминка, и только на четвёртые сутки последовал ответ министра иностранных дел Германии:

«Послу Германии в Советском Союзе.

№ 417 от 22 сентября 1939 г.

Отправлено из Берлина 23 сентября 1939 г. – 03.40

Получено в Москве 23 сентября 1939 г. – 11.05

Совершенно секретно! Послу лично.

Ссылаясь на Вашу телеграмму № 395.

Мы также считаем, что пришло время совместным соглашением с Советским Союзом установить окончательную структуру польских территорий. Предложение русских о проведении границы вдоль хорошо известной линии четырёх рек полностью совпадает с точкой зрения Германского рейха.

Вначале я намеревался пригласить господина Молотова приехать в Германию для разработки этого соглашения. Но принимая во внимание Ваше сообщение о том, что руководящие лица не могут уехать из Советского Союза, мы согласны на переговоры в Москве. Вместо моего первоначального предложения поручить Вам проведение этих переговоров, я решил сам прилететь в Москву, особенно потому, что при данных мне фюрером полномочиях мы сможем избежать необходимости в объяснениях и быстрее закончим переговоры. Учитывая теперешнее положение, я не смогу пробыть в Москве более одного, самое большее, двух дней.

Пожалуйста, встретьтесь с господином Сталиным и Молотовым и телеграфируйте мне как можно скорее их ответ о предполагаемой дате.

Риббентроп».

Планы Советского правительства в отношении Польши приобретают новые черты, конкретизируются. Посол Шуленбург отвечает Министерству иностранных дел Германии:

«Телеграмма № 442 от 25 сентября 1939 г. – 22.58

Получена в Берлине 26 сентября 1939 г. – 00.30

Очень срочно!

Совершенно секретно!

Сталин и Молотов попросили меня прибыть в Кремль сегодня в 8 часов вечера. Сталин заявил следующее: при окончательном урегулировании польского вопроса необходимо избежать всего, что могло бы вызвать трения между Германией и Советским Союзом. Поэтому он считает неправильным сохранять существование независимого польского государства на оставшейся территории. Он предлагает следующее.

Начиная с территории к востоку от демаркационной линии, всё Люблинское воеводство и та часть Варшавского воеводства, которая простирается до Буга, должны быть присовокуплены к нашей доле. Но зато мы должны отказаться от притязаний на Литву.

Сталин выдвинул это предложение в качестве предмета обсуждений на предстоящих переговорах с министром иностранных дел Рейха и добавил, что, если мы согласны, то Советский Союз немедленно займется решением проблемы прибалтийских стран в соответствии с протоколом от 23 августа, и он надеется найти в этом вопросе безоговорочную поддержку германского правительства. Сталин выделил при этом Эстонию, Латвию и Литву, но не упомянул Финляндию.

Я ответил Сталину, что доложу о его точке зрения своему правительству.

Шуленбург».

Между тем войска вермахта овладели столицей Польши лишь 27 сентября 1939 года. Поэтому поздравление народного комиссара иностранных дел СССР Молотова было воспринято в Берлине не без ухмылки: «У большевиков никогда не было чувства меры ни в чём. Либо без зазрения совести клеймят всех и вся, либо до неприличия заискивают... Наши дипломаты обязаны не забывать об этом, но и вида не подавать. Напротив, делать вид, что и этого недостаточно... Для русских подходит их собственная пословица: «Заставь дурака Богу молиться – он и лоб себе расшибёт»... Вот пусть сами и расшибают себе лбы!»

Германия, как отмечалось выше, стремится на данном этапе избежать любых недоразумений в отношениях со своим новым союзником. Он для неё сейчас чрезвычайно ценен по

очень многим соображениям. В этой связи Риббентроп даёт соответствующие указания своему послу в Москве Шуленбургу.

Глава 29

Таким образом, Советский Союз приступает к конкретной реализации своих планов и в отношении прибалтийских государств. По утверждению Сталина, эти планы возникли в связи с создавшейся ситуацией, и было бы непростительной ошибкой поступить иначе. В противном случае Гитлер тотчас же воспользовался бы предоставленной ему возможностью наложить на них лапу.

Об этом свидетельствует и сам факт: ещё 22 марта, согласно договорённости правительств Германии и Литвы, войска вермахта вступили в литовский город Мемель, завладев, таким образом, крупнейшим портом на Балтийском море, а также создав здесь явный плацдарм для дальнейшего расширения «жизненного пространства», о котором германский канцлер Адольф Гитлер не переставал трубить на весь мир. Мемельская морская база во многом способствовала действиям военно-воздушных сил Германии, не говоря уже о надводном и подводном флоте, особенно сейчас, когда Германия находилась в состоянии войны с Англией и Францией.

Кроме того, мемельская база являлась серьёзной угрозой в случае войны с Советским Союзом. Этот факт также говорит о многом. Не случайно сразу после вторжения немецких войск в Мемель сюда прибыл Гитлер, и, выступая с балкона одного из домов, заверял литовцев в искренней дружбе и обещал всяческую поддержку.

В Кремле хорошо понимали, для чего понадобился Гитлеру Мемель, что именно предназначалось ему в стратегическом плане нацистского диктатора. Несмотря на пренебрежение Сталина объективной информацией разведчиков, большая часть которых и пострадали из-за неё, кое-что всё же осело в его подозрительном мозгу.

Должную позитивную роль сыграл и Генштаб Красной Армии. Хотя тоже не без риска для его работников, немало которых пострадали из-за своей принципиальности.

Немцы прекрасно понимали, чем вызваны настойчивые требования Сталина. Отсюда и заминка с ответом на условия, выдвинутые советской стороной. С возрастающим напряжением следили они за притязаниями новоявленного союзника; судя по занятой им жёсткой позиции в данном вопросе, он не намеревался отступать.

В Берлине вроде бы должны были радоваться своим успехам в Польше, что там, кстати, захлёб и делали. Однако эту восторженность серьёзно омрачали бесконечные требования союзника. Информация по этому поводу поступала со всех сторон. И это не только озадачивало нацистскую верхушку, но и путало карты Генеральному штабу вермахта.

Глава 30

Где-то во второй половине сентября на аэродроме Быняса на глазах курсантов пилотажной школы Мирча Кантакузино произвели посадку большие двухмоторные самолёты с крупными на фюзеляже буквами «ЛОТ». Из первого высадились люди в незнакомой военной форме, фуражках с квадратным верхом – «конфедератках».

Вскоре стало известно, что вместе с военными прибыл министр иностранных дел Польши полковник Бек. Следующим самолётом прилетел президент Мосьцицкий, затем и премьер-министр Рыдзь Смиглы.

Со стороны бетонного ангара авиашколы было видно, что среди официальных лиц, встречавших поляков, был и начальник взлётно-посадочной площадки аджудан-шеф Кефулеску. Подбежав из чистого любопытства к невиданному прежде самолёту, курсант Россетти стал очевидцем происходившего.

Польские офицеры почти тут же стали продавать работникам аэродрома и пилотам шикарные кожаные регланы, часы известных фирм «Лонжин» и «Омега», другие личные вещи, вплоть до обручальных золотых колец, а также пистолеты фирмы «Радам» и четырнадцатизарядные бельгийские «Браунинги» с прицельной рамкой, что тогда тоже считалось редкостью. Притом у некоторых их было по несколько штук. Румыны скупали этот редкий товар за бесценок.

Поляков было жаль. Они не знали цен, языка, местных порядков, но нужда на чужбине заставляла их заниматься продажей. Однако при всём этом вели они себя достойно и подчёркнуто гордо.

Задерживаться в Румынии поляки не собирались. Говорили, что в скором времени отправятся на «Мажино» во Францию, которая ещё с 3 сентября находилась в состоянии войны с Германией.

Гитлер же потребовал от правительства Румынии незамедлительно интернировать всех прибывших военных поляков и бывшее руководство Польши с последующей передачей задержанных Германии.

Слух о прибытии поляков дошёл и до железногвардейцев. Многочисленными группами стекались они к аэропорту Быняса. Надрывали глотки, сквернословили, лезли в драку с появившимися здесь политическими пикетами, требовали от румынских властей «всех прибывших поляков независимо от ранга и бывших должностей немедленно интернировать!»

Румынский король Карл II оказался в затруднительном положении: с одной стороны, он остерегался нацистов; с другой – не хотел портить отношения с французами и англичанами, к которым тяготел всеми помыслами. Лавировал. Поляков, судя по сообщению радио Бухареста, интернировали. Однако большая часть их инкогнито перекочевали во Францию на оборонительную фортификационную линию «Мажино»; другую часть переправили в Англию.

Глава 31

25 и 26 сентября советские самолеты совершили многочисленные полёты над территорией Эстонии. Генеральный штаб Рейха, по совету военного атташе Германии в Эстонии Рессинга и посла Фрохвейна, дал приказ не открывать огонь по самолётам, чтобы не обострять положения.

Немцы делали вид, будто они ни при чём. Договор о ненападении с Советским Союзом вынуждал их быть сдержанными. Этому способствовала и антинацистская кампания в прессе в связи с положением в Польше, которую нагнетали Великобритания и Франция при содействии своих гласных и негласных союзников. Немцы же стремились показать всему миру, что агрессором является не только Германия, но и Советский Союз.

Не все политики одинаково понимали, что Советы вынуждены предпринимать столь непопулярные меры для обеспечения безопасности своей страны, которая теперь имела на большой протяженности общую границу с Германией и рядом других стран, являвшимися не столько союзниками Советов, сколько их потенциальными противниками. Кроме того, именно на территории, на которые претендовал Советский Союз, Германия намеревалась ввести свои войска. Кстати, уже вступившие в литовский город Мемель.

Но немцы теперь были связаны с Советским Союзом Пактом о ненападении и другими секретными протоколами. СССР проявлял твёрдость в занятой им позиции, и по всему чувствовалось, что он не собирается отказываться от заявленных намерений. Англия и Франция, объявив войну Германии, сколачивали против неё военный блок.

Нацисты, разумеется, понимали, что Сталин воспользовался моментом. Его демарш перетасовывал всю колоду карт, подготовленных нацистами к затеянной ими игре. Это вызвало бурную реакцию в Берлине. Гитлер пришёл в ярость. Его настолько взбесили неожиданные притязания Кремля, что он признался в узком кругу приближённых: независимо от того, как будут складываться дела в войне с англосаксами, ничто не остановит его в стремлении покончить с большевистской Россией!

«Берлин, 27 сентября 1939 г.

Телеграмма № 435.

Очень срочно! Министру иностранных дел лично!

Телеграмма № 163 от 26-го из Таллина. Верховному командованию армии – в Отдел атташе:

Начальник Генерального штаба Эстонии сообщил мне, что русские требуют морскую базу в Балтийском порту и военно-воздушную базу на эстонских островах. Генеральный штаб рекомендовал согласиться на эти требования, так как вряд ли можно ждать помощи от Германии, следовательно, положение может только ухудшиться».

Соответствующая информация о положении дел продолжала поступать в Берлин. Она не радовала нацистскую верхушку. Как и было принято в подобных случаях, делался вид, будто ничего особенного не происходит. Но всё учитывалось, вырабатывались соответствующие решения. О них ставились в известность сотрудники, которые по своему положению обязаны были быть в курсе событий. Так, Министерство иностранных дел Германии телеграфировало своему послу в Москве графу Шуленбургу о недавно полученной телеграмме следующего содержания:

«№ 436, Берлин, 27 сентября 1939 г.

Очень срочно! Министру иностранных дел Рейха лично.

Телеграмма из Хельсинки № 245 от 26 сентября

Министр иностранных дел Финляндии известил меня «о требованиях, которые Россия предъявила Эстонии», и заметил, что Финляндия готова улучшить свои отношения с Россией, но никогда не согласится на подобные требования и скорее пойдет на самое худшее.

Я указал на разницу положения Эстонии и Финляндии и посоветовал министру иностранных дел искать безопасность для своей страны в хороших отношениях с Германией и Россией.

Министр иностранных дел согласился и подчеркнул, что влияние Англии в Прибалтике полностью устранено. Соответственно подтвердил немецкий посол в Финляндии Блюхер».

Глава 32

Немцы вынуждены были в очередной раз проглотить советскую пилюлю. Далось им это нелегко. Но выхода пока не находили. В срочном порядке согласовывается программа очередного визита министра иностранных дел Рейха в Москву:

«27 сентября 1939 г.

Прибытие в аэропорт: 18.00

Первая встреча: 22.00–01.00. Продолжение переговоров: 15.00–18.00.

Ужин в Кремле.

Посещение одного акта балета («Лебединое озеро»). Сталин в это время ведёт переговоры с латышами.

Продолжение совещания: полночь.

Подписание: 05.00

Заключительный приём в честь делегации в посольстве: примерно до 06.30.

29 сентября 1939 г.

Ответ в 12.00.»

В итоге подписан *Германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией*:

«Правительство СССР и Германское правительство после распада Польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановление мира и порядка на этой территории и обеспечение народам, живущим там, мирного существования, соответствующего их национальным особенностям. С этой целью они пришли к соглашению в следующем:

Статья 1

Правительство СССР и Германское правительство устанавливают в качестве границы, разделяющей обоюдные государственные интересы на территории бывшего Польского государства, линию, которая нанесена на прилагаемую при сём карту и более подробно будет описана в дополнительном протоколе.

Статья 2

Обе стороны признают установленную в статье 1 границу обоюдных государственных интересов окончательной и устраняют всякое вмешательство третьих держав в это решение.

Статья 3

Необходимое государственное переустройство на территории западнее указанной в статье линии производит Германское правительство, на территории восточнее этой линии – Правительство СССР.

Статья 4

Правительство СССР и Германское правительство рассматривают вышеприведённое переустройство как надёжный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между народами.

Статья 5

Этот договор подлежит ратификации. Обмен ратификационными грамотами должен произойти как можно скорее в Берлине.

Договор вступает в силу с момента его подписания».

Москва, 28 сентября 1939 г.

По уполномочию За Правительство СССР: В. Молотов.

Германии: И. Риббентроп».

Так появился в двух оригиналах, на немецком и русском языках, «*Конфиденциальный протокол*»⁷.

Соответствующие обязательства берёт на себя и правительство Германии по отношению к лицам украинского или белорусского происхождения, проживающим на территории его юрисдикции.

Москва, 28 сентября 1939 г:

За Правительства Рейха и СССР:

И. Риббентроп, В. Молотов».

Нижеподписавшиеся полномочные представители заявили о согласии Правительства Германского рейха и Правительства СССР по вопросам:

В «*Секретный дополнительный протокол*», подписанный 23 августа 1939 года, следует внести поправку в статью 1, согласно которой территория Литовского государства попадает в сферу влияния СССР, тогда как, с другой стороны, Люблинское воеводство и часть Варшавского воеводства попадают в сферу влияния Германии.

Как только Правительство СССР для защиты своих интересов примет особые меры на территории Литвы, существующая германо-литовская граница в целях её естественного пограничного описания должна быть исправлена таким образом, чтобы территория Литвы, расположенная к юго-западу от линии, обозначенной на карте, отошла к Германии.

В связи с расширением вермахтом военной оккупации Польши Советское правительство решило не дать Гитлеру полностью овладеть остатком польского государства с частью территорий, ранее входивших в состав России. Таким образом, оккупированная нацистами Польша была превращена в так называемый протекторат Третьего рейха...

Далее заявляется, что ныне действующие соглашения между Германией и Литвой не будут затронуты вышеуказанными мероприятиями Советского Союза.

«Москва, 28 сентября 1939 г. За Правительство Германии по поручению Правительства Рейха и СССР:

И. Риббентроп, В. Молотов».

В «*Секретном дополнительном протоколе*» нижеподписавшиеся его полномочные представители во время заключения германо-советского Договора о дружбе и границе между СССР и Германией заявили о своём согласии в следующем:

«Обе стороны не потерпят на своих территориях никаких польских волнений, которые могли бы затронуть интересы другой стороны. Они будут немедленно подавлять подобные волнения на своих территориях и информировать друг друга о рекомендуемых мерах для этой цели.

Москва, 28 сентября 1939 года.

За Правительство Германии по поручению Правительства Рейха и СССР: И. Риббентроп, В. Молотов».

⁷ «Правительство СССР не будет чинить препятствия лицам немецкой национальности или другим лицам немецкого происхождения, проживающим на подведомственных ему территориях, если они пожелают переселиться в Германию или на подведомственные ей территории. Оно соглашается на то, что подобного рода перемещения будут осуществляться представителями правительства Рейха в сотрудничестве с местными компетентными органами и что права эмигрантов на сохранение их собственности будут сохраняться».

Глава 33

Румынские легионеры Хория Сима – агенты рейхсфюрера СС Гимmlера, проводили шумные демонстрации с угрозами, драками, дебошами. Им слабо противостояли небольшие группы мирных граждан. Полицейские и жандармы действовали нерешительно.

Возможность видеть, слышать и понимать происходившее в стране курсант Россетти имел в основном благодаря своей учёбе в авиационной школе и приобретённым там знакомствам с влиятельными людьми. Это они открыли ему глаза на ситуацию в стране и мире, что в немалой степени способствовало его формированию как «бойца невидимого фронта».

Без малого две недели в Бухаресте стояла сухая, жаркая погода, позволявшая выполнять насыщенную программу полётов. По-прежнему отрабатывался только взлёт. Всё происходило в рамках учебного графика. Первая половина дня уделялась знакомству с материальной частью самой машины. Курсанты, считая его поверхностным, негромко перебрасывались шутками в адрес инструкторов.

Полёты предстояли во второй половине дня. Курсант Россетти, благодаря вечерней подработке в гараже, мог позволить себе забежать в прилегавшем к аэродрому селе Быняса в небольшую, с тремя столиками, бodega (харчевню) со свежавымытыми к обеду полами для прохлады.

Здесь за недорого можно было съесть половинку порции ароматной фасолевого чорбы⁸ и пару или тройку непревзойдённой по вкусноте мититей⁹.

Некоторые посетители выпивали по бокалу пива «Мюллер» либо стаканчик-два виноградного сухого, вполне пристойного и недорогого вина. Дежурная розетка с бесплатной вкуснейшей горчицей – обязательный атрибут, заменявший клиенту с тощим кошельком закуску.

Россетти пристроился к столику, за которым дожидались заказа аэропортовские носильщики с надраенными номерными бляхами на груди. Из радиоприёмника с мерцавшим голубым «глазком» доносилась приятная мелодия в исполнении струнного оркестра – так называемая обеденная музыка, которую в полдень транслировало «Радио-пост Бухарест-1».

Посетители бodega то и дело нетерпеливо стучали вилками о тарелки, в ответ из кухни доносился голос официанта: «Иду-иду!»

Неожиданно музыка из радиоприёмника стала обрываться и вскоре вовсе прекратилась. Донёсся непонятный грохот, как от падающих стульев. Раздался выстрел, шум, треск. Посетители бodega насторожились, удивлённо поглядывая на внезапно смолкший радиоприёмник. Наконец из приёмника прохрипел надорванный грубый мужской голос:

«Несколько минут назад нами, легионерами «Железной гвардии», расстрелян премьер Румынии Кэлинеску. Да здравствует Гвардия и её капитан Корнелю Зеля Кодряну!»¹⁰

Раздался громкий щелчок, и радио смолкло. Посетители харчевни растерянно переглядывались, точно лишённые дара речи...

Так недавний провинциал невольно оказался одним из первых слушателей «Радио-пост Бухарест-1», известившего страну и, по существу, весь мир об убийстве премьер-министра Румынии Арманда Кэлинеску – председателя «Фронта национального возрождения страны».

Уверенные в безнаказанности, четверо убийц отправились в Радиоцентр, когда там шла передача концерта струнного оркестра. Расстреляв жандарма, охранявшего вход, молодчики с

⁸ Овощной приперчённый суп.

⁹ Бараньи колбаски на углях.

¹⁰ Вожак железногвардейцев Кодряну был расстрелян «при попытке к бегству». Акция была организована префектом полиции Бухареста генералом жандармерии Габриэлом Маринеску.

выстрелами ворвались в трансляционный зал. Когда испуганные оркестранты повалились на пол, главарь шайки прорычал в микрофон сообщение о совершённом убийстве.

Глава 34

В «Зелёном доме» курсанту приходилось теперь бывать чаще, чтобы узнавать как можно больше подробностей о планах легионеров и их немецких покровителей. И хотя эта миссия ему порядком опротивела, он не отказывался от неё, понимая всю важность разоблачения ненавистного ему фашизма, набиравшего силу в стране. Приходилось разыгрывать из себя его горячего сторонника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.